

Джин Дюпро

ГОРОД
ЭМБЕР
ПРЕДСКАЗАНИЕ

*ПЕРЕВОД
С АНГЛИЙСКОГО*

Москва 2009

*«Вселенная не просто более странная,
чем мы ее себе представляем.
Мы даже представить себе не можем,
какая она странная».*

Дж. Б. С. Холдейн

Видение

Однажды во второй половине теплого июльского дня в городке Йонвуд, штат Северная Каролина, женщина по имени Алтия Тауэр вышла во двор своего дома, чтобы наполнить кормушку для птиц. Она надорвала пакетик с зернышками подсолнечника, подняла крышку кормушки... и тут ей явилось видение.

Все напоминало сон наяву. Деревья, трава и птицы рассеялись в воздухе, а на их месте возникали такие ослепительные вспышки света, что она отпрянула, выронив пакет с семечками, и упала, а над ней полыхало пламя, ревел обжигающий ветер. Она почувствовала, как ее подняло к небесам, а внизу горела земля, исторгая

клубы черного дыма. Все вокруг оглушающее ревело, трещало, грохотало, а потом, когда огненный смерч промчался, наступила тишина, еще более пугающая.

Алтия лежала на земле не в силах الشے-вельнуться, а вокруг птички клевали рассыпавшиеся семечки. Она лежала бы так, наверное, не один час, если бы вскоре к ней не заглянула Бренды Бисон, которая принесла корзинку с клубникой.

Увидев Алтию на земле, миссис Бисон в тревоге бросилась к подруге, пытаясь узнать, что случилось, но Алтия только стонала. Бренды достала из кармана мобильный телефон и вызвала подмогу. Не прошло и нескольких минут, как на место прибыли четверо ее лучших друзей: доктор, начальник полиции, мэр города и приходской священник. Доктор присел на корточки рядом с Алтией и громко спросил:

- Ты можешь сказать нам, что случилось?

Алтию трясло, ее губы дергались, когда она пыталась заговорить. Собравшиеся жадно ловили каждое слово.

- Это Бог, - прошептала она. - Бог.
Я видела... видела...

- Святые небеса! - воскликнула Бренда Бисон. — Ей было видение.

Разумеется, никто не знал, что открылось Алтии, но все подумали, что перед ней предстал сам Господь. Но тогда почему это так напугало ее? Почему она бормотала об огне, дыме и о беде?

Шли дни, но Алтия не могла прийти к себе. Она лежала на кровати, почти не двигаясь и глядя в одну точку. Спустя неделю разгадка была найдена. Президент Соединенных Штатов объявил, что в переговорах с Фалангии наступил кризис. Руководство Фалангии настаивало на своих требованиях, как, впрочем, и американцы, поэтому, в случае если не удастся достичнуть компромисса, заявил президент, неизбежна война.

Бренда Бисон поняла: быть войне! Вероятно, то же открылось и Алтии Тауэр. Миссис Бисон позвонила своим друзьям, те - своим, потом об этом написала местная газета, и скоро весь город знал: Алтия Тауэр увидела будущее, ужасное будущее.

По всему Йонвуду собирались испуганные люди, чтобы обсудить эту новость. Всех волновал вопрос: возможно ли такое? В результате жители склонялись к выводу, что да, возможно. Алтию знали в городе как спокойную, благоразумную женщину, которая не стала бы ничего выдумывать. И времена настали такие (террористы, конфликты, разговоры о конце света), когда случаются разные чудеса.

Бренда Бисон организовала комитет, с тем чтобы ухаживать за Алтией и внимательно слушать все, что она скажет. Люди писали письма в газету, тревожась о ее самочувствии, оставляли цветы, ленточки, открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления перед ее домом. Священник говорил о ней в церкви. И по прошествии нескольких недель все называли ее пророчицей.

ГЛАВА 1

Наследство

Никки Рэндолф издалека увидела белый шпиль над зеленым лесом.

- Это он? - спросила она свою тетю, которая вела автомобиль.

Кристал прикрыла ладонью глаза от лучей заходящего солнца и ответила:

- Он самый.
- Мой новый дом, - добавила Никки.
- Выброси ты эти мысли из головы! - отрезала Кристал. - Не бывать этому.

«А я постараюсь это осуществить», — подумала Никки, но промолчала. Кристал и без того была в плохом настроении.

- Когда мы туда доберемся?
- Минут через двадцать, если ничего не помешает.

Однако помех было немало. Из-за кризиса поезда не ходили, поэтому до Йонвуда пришлось добираться на машине. Они выехали из Филадельфии семь часов назад, хотя обычно путь занимал не больше пяти. Но их задерживали и длинные очереди на автозаправках, и объезды разбитых или занесенных снегом участков автострады, и армейские блокпосты. Кристал это не нравилось. Она привыкла все делать быстро, и когда сталкивалась с препятствиями, начинала злиться, поджимая губы.

Наконец, увидев поворот на Йонвуд, они съехали с автострады на дорогу, уходящую вверх в гору. По обочинам дороги стояли высокие деревья, длинные ветви которых смыкались, образуя арку. Первые капли дождя упали на ветровое стекло.

Они подъехали к большому щиту с надписью: «Йонвуд. Нас. 2460». Деревья поредели, дождь усилился. Миновав склады, амбар с провалившейся крышей и лесопилку, они увидели маленькие деревянные дома, вросшие в землю. Почти на

каждом крыльце стояли кресла-качалки и диваны, и, если бы не зима, на них наверняка сидели бы люди.

Из маленькой кирпичной сторожки вышел полицейский. Он помахал красным знаком «Стоп», и Кристал остановила автомобиль и опустила стекло. Полицейский был в дождевике. Когда он наклонился к окну, с капюшона ему на нос падали капли воды.

- Добрый день, мэм. Вы здесь живете?

- Нет, - ответила Кристал. - А в чем дело?

- Обычная проверка, мэм, — пояснил полицейский, - в рамках программы обеспечения безопасности. В последнее время в лесу замечены террористы. Цель вашего приезда сюда?

- У меня умер дедушка, - ответила Кристал, - мы с сестрой унаследовали его дом. Я приехала, чтобы привести его в порядок и продать.

Полицейский посмотрел на Никки:

- Это ваша сестра?

- Племянница, - поправила его Кристал. - Дочь моей сестры.

— И как звали вашего деда? — спросил полицейский.

— Артур Грин.

— Ах да, — воскликнул полицейский. — Прекрасный был человек. — Он улыбнулся. — Пожалуйста, будьте осторожны. Агенты Фалангии, возможно, скрываются в этих краях, разбившись на маленькие группы. Вам не встречались подозрительные незнакомцы?

— Нет, — ответила Кристал. — Мы встретились только с вами, и вы очень подозрительный.

— Ха-ха, — усмехнулся было полицейский, но серьезно добавил: — Вы правы, мэм. Можете проезжать. Извините за задержку, но вы понимаете, это кризис. Мы принимаем все меры предосторожности.

Он отошел от автомобиля, и они поехали дальше.

— Здесь террористы? — спросила Никки.

— Чушь, — ответила Кристал. — Ну чего террористам шляться по лесам? Не обращай внимания.

Никки так устала от кризиса. Он продолжался уже долгие месяцы. По телеви-

дению и радио только и говорили о том, что обе стороны подошли к той грани конфликта, за которой начинается война. В последнее время по радио каждый час передавали пугающие инструкции: в случае объявления войны или при полномасштабной атаке террористов население мегаполисов будет эвакуировано, согласно разработанному плану горожан доставят в безопасное место, при этом все должны сохранять спокойствие...

Никки казалось, что все в мире, как и ее семье, идет не так. Восемь месяцев назад ее отец уехал в длительную командировку по заданию государства. Он не сказал им, куда едет и чем будет заниматься, лишь предупредил, что не сможет часто с ними связываться. И действительно, за все время они получили от него только одну открытку. Почтовый штемпель на ней был замазан, поэтому невозможно было определить, откуда она послана. И текст ничего не разъяснил: «Дорогие Ракель и Никки! У меня все хорошо, не волнуйтесь. Я много работаю. Надеюсь, все у вас в порядке. С любовью, папа».

Но в семье все было неладно. Матери Никки очень недоставало мужа, она не находила себе места из-за того, что не знала, где он. Боясь потерять работу, она много работала, и поэтому сильно уставала, отчего у нее ухудшалось настроение. Никки уже не помнила, когда чувствовала себя счастливой. Она ненавидела Филадельфию, где все время что-то случалось. Ни днем ни ночью не утихали сирены, над головой кружили вертолеты, на улицах, по которым ветер растаскивал мусор, за каждым углом могли поджидать опасные люди. И в школе, высоком, мрачном здании, она не видела ничего хорошего. Старые учебники были старше учеников, учителя устали учить, а по коридорам бродили злобные подростки. Никки ненавидела школу.

Правда, дома ей тоже было не сладко. В квартире на десятом этаже кондоминиума, где она жила с матерью, были неуютные пыльные комнаты с огромными окнами, выходившими на крошечную уличку. Никки часто бывала дома одна. Не зная, чем себя занять, она нервничала. Прочи-

тав половину книги, она откладывала ее в сторону, потом могла взять альбом «Удивительные вещи», вклейте в него какую-нибудь картинку, но оставляла это занятие. Раньше она могла часами разглядывать в бинокль людей на улице, но и это ей надоедало. В отчаянии она включала телевизор, но там показывали только новости, которые не отличались разнообразием: на экране мелькали мрачные представители правительства, солдаты в камуфляжной форме, взорванные автомобили и автобусы. Иногда появлялся президент с аккуратно зачесанными седыми волосами и седой бородой, придававшей ему облик мудреца. «Мы живем в трудное время, - говорил он, - но с Божьей помощью все преодолеем».

Никки было очень одиноко дома, потому что отец уехал, а мать пропадала на работе, и она страдала от одиночества в школе, потому что ее лучшие подруги перебрались в другие места: Кейт в прошлом году переехала в Вашингтон, а Софи двумя месяцами раньше - во Флориду. Порой поздним вечером, когда мать задерживалась

на работе, Никки казалось, что она плывет в утлом суденышке по большому, темному, полному опасностей морю.

Вот почему, услышав о «Зеленой гавани», особняке ее прадедушки в Йонвуде, даже не увидев его, Никки решила, что этот особняк станет ей домом. Ей сразу понравилось название: гавань - безопасное место, чего ей так недоставало. Да только Кристал и ее мать хотели продать особняк.

- Но почему мы не можем продать квартиру, выбраться из этого ужасного города и пожить в прекрасном, тихом местечке? - спросила Никки мать.

Никки была в доме прадедушки только однажды: ее привозили туда совсем маленькой, и она ничего не помнила. Но она нарисовала в своем воображении Йонвуд (и не сомневалась, что ее фантазия не сильно разойдется с реальностью) похожим на швейцарскую деревушку, где зимой в каминах пылает огонь и снег не грязный, серый, как в большом городе, а чистый и белый. Летом же Йонвуд теплый и зеленый, и повсюду порхают бабочки. Никки думала, что в Йонвуде она будет в безопас-

ности, что там она будет счастлива, и ей отчаянно хотелось поехать туда.

В жарких спорах прошел не один день, но Никки удалось уговорить мать позволить ей посмотреть на особняк, прежде чем его продадут. Они решили, что ничего страшного не случится, если девочка пропустит пару недель в школе (учитывая уровень получаемого образования) и поедет в Йонвуд с Кристал (мать Никки не могла оставить работу), чтобы помочь ей подготовить особняк к продаже. Но Никки поставила перед собой совсем другую цель: она решила убедить Кристал не продавать дом, чтобы они с матерью и отцом (по возвращении его из командировки) смогли переехать туда.

Это была ее цель номер один. Но, раз уж она отправлялась в путешествие, призванное изменить жизнь их семьи, Никки подумала, что будет неплохо поставить и другие цели, которых оказалось три:

1. Уберечь особняк прадедушки от продажи, чтобы она могла жить в нем с родителями.

2. Влюбиться. Ей уже исполнилось одиннадцать лет, и она считала, что пора испытать ощущение страстной влюбленности.

3. Сделать что-то полезное для мира. Что именно, она не знала, но чувствовала, что мир очень нуждается в помощи.

Они ехали по главной улице Йонвуда, которая так и называлась — Главная (Никки прочитала название на табличке). Мирновав церковь - ее шпиль был виден еще с автострады, - они заметили щит с надписью: «Церковь огненного откровения». Никки обратила внимание, что надпись эта сделана поверх другой, закрашенной.

За церковью начинался торговый район. Наверное, летом там было оживленно, подумала девочка, но в феврале он выглядел серым и заброшенным, от домов так и веяло холодом. Некоторые магазины работали - люди входили и выходили из них, - а остальные, похоже, закрылись навсегда. Не работал и кинотеатр, мимо которого они проехали, в небольшом парке пустовали качели, столы и скамьи мокли под дождем.

Кристал повернула налево, проехала квартал вверх по склону и свернула направо, где вдоль улицы выстроились старинные дома. Эта улица называлась Облачной, с обеих сторон к ней сбегали лужайки, а над лужайками выселились дома - огромные особняки, с колоннами, широкими террасами и многочисленными печными трубами. Никки знала, что в таких домах люди сидят по вечерам у камина и пьют горячий шоколад.

- Вот он, - сказала Кристал, остановив машину у тротуара.

- Этот? — ахнула Никки.

- Боюсь, что да.

Никки опустила стекло и как завороженная смотрела на особняк, не обращая внимания на дождь.

Не дом, а замок. Он был огромный, в три этажа, с круглой башней и высокими окнами. Крутая шиферная крыша с трубами блестела под дождем в тающем свете дня.

- Ты не можешь продать этот дом! - восхликала Никки. - Он слишком красивый!

- Он ужасный, - ответила Кристал. - Ты увидишь.

Порыв ветра тряхнул крону сосны, которая росла у дома, и Никки показалось, что в одном из окон верхнего этажа горит свет.

- В нем кто-нибудь живет? - спросила она.

- Нет, - ответила Кристал. - Только мыши и тараканы.

Когда Никки вновь посмотрела на дом, свет исчез.

ГЛАВА 2

Третий этаж

Они набросили капюшоны курток и под дождем поспешили по дорожке. Поднявшись по ступеням, они прошли на террасу и остановились перед широкой дубовой дверью. Кристал открыла ее ключом, который ей прислало Риелторское агентство Йонвуда.

Они вошли в просторный холл. Кристал нашупала на стене выключатель и зажгла свет. На стенах, в золоченых рамках, висели старые, с почерневшими красками портреты людей в костюмах из далекого прошлого. В конце холла в темноту поднималась винтовая лестница. За аркой слева находилась столовая, где вдоль длинного стола в два ряда стояли стулья.

За аркой с правой стороны располагалась гостиная.

- Большая гостиная, - пояснила Кристал, зажигая лампу.

Эта комната показалась Никки мрачной: темно-красные портьеры на окнах, от потолка до пола, у стен - книжные шкафы, над ними - красные обои; на полу - персидские ковры, тонкие, как джутовая мешочная ткань, с рисунком в два цвета, пыльным синим и выцветшим красным; у окна стоял длинный диван, на котором лежали три подушки и два аккуратно сложенных одеяла.

- Здесь, должно быть, дедушка провел свои последние дни, - вздохнула Кристал.

- А кто за ним ухаживал? - спросила Никки.

- Кажется, он нанял какую-то девушки, когда уже не мог сам готовить и передвигаться по дому без помощи. - Кристал протянула руку и что-то взяла со стола. - Посмотри. Вот он, дедушка. - С фотографии в серебряной рамке улыбался седовласый мужчина. - Он бы тебе понравился. Любознательный был, как и ты.

Никки посмотрела на фотографию. Очень старый мужчина, но глаза оставались живыми.

Кристал подошла к окну и раздвинула портьеры.

- Мне нужно составить список ценных вещей. - Она достала блокнот из большой сумки. - Начну прямо сейчас, раз уж мы здесь. Думаю, среди этих книг могут быть первые издания.

- Я могу побродить по дому? - спросила Никки. - Хочу все увидеть.

Кристал кивнула.

Никки прошла в столовую, а оттуда, через вращающуюся дверь, на самую древнюю кухню, какую она только видела. В столовой стоял такой отвратительный запах, что Никки тут же выскочила оттуда и побежала по коридору, который вел за большую гостиную.

Там Никки обнаружила две спальни, в каждой стояла кровать с пологом на четырех резных столбиках из черного дерева и большой гардероб с зеркалом в человеческий рост. На втором этаже находились еще четыре спальни. Никки выдвинула

несколько ящиков, ожидая найти их пустыми, но в них лежала сложенная одежда, коробочки с драгоценностями, щетки для волос, старые флаконы, из которых давно испарились духи. Похоже, в этих комнатах никто ничего не трогал с тех пор, как люди, которые в них жили, уехали или умерли.

На втором этаже Никки обнаружила кабинет. На столе там стоял компьютер, и повсюду лежали папки, бумаги, книги. Должно быть, ее прадедушка здесь работал. До ухода на пенсию он был профессором в колледже, но Никки не знала, что он преподавал. Вероятно, какую-то науку.

«Как странно, - думала она. - Не считая последних дней, в этом доме постоянно жили более ста пятидесяти лет. Он никогда не пустовал, его не продавали - им всегда владели мои предки. Здесь росли дети, умирали старики. Дом столько лет наполняла жизнь, что он и сам стал живым... И теперь эта внезапная пустота и осознание, что он никому не нужен».

Никки легко представила себе, как испуган сейчас дом, как ему одиноко. «Что

ж, ты нужен мне, - мысленно успокоила она особняк. - Я думаю, ты прекрасен».

Вспомнив, что есть еще и третий этаж, Никки принялась искать лестницу. Она обнаружила ее за дверью у парадной лестницы, что вела с первого этажа на второй. Это была узкая лестница из простого, не-полированного дерева, без перил вдоль стены, которая привела Никки к закрытой двери. За этой дверью был коридор и еще по две двери с каждой стороны. Никки заглянула во все комнаты. Две были заполнены старыми вещами, чемоданами, ящиками, шляпными коробками, огромными старинными сундуками, стопками газет. Там были портреты в сломанных рамках, тронутые плесенью книги, пакеты, набитые бог знает чем, и все оплетала паутина.

За третьей дверью Никки увидела ванну, которую давно не чистили.

Но четвертая комната ее поразила - большая, светлая, с двух сторон окна. Часть комнаты находилась в башенке, которую Никки видела с улицы, и была в виде круглой ниши с несколькими окошками, под которыми стоял удобный диван. Никки

представила себе, как приятно устроиться здесь с книжкой в солнечный день или под лампой в такой сумрачный день, как этот. Она догадалась, что комната служила детской: из шкафчиков, что стояли по одной стене, торчали старые игрушки; у другой стены лежал свернутый ковер, а у окна стояло кресло-качалка. Железная кровать была так аккуратно заправлена, словно кого-то ждала.

Никки решила, что будет здесь жить, и уже полюбила эту комнату. Она повернулась, чтобы уйти, но ее остановил какой-то странный, резко оборвавшийся звук, словно кто-то вззизгнул или крикнул и ему закрыли рот. Никки застыла и прислушалась - лишь дождь стучал по стеклу. Никки хотела уже шагнуть в коридор, когда странные звуки повторились. Ей показалось, что они доносились из стенного шкафа.

Никки вспомнила свет в окне, который видела с улицы. В шкафу кто-то прячется? Грабитель, которому помешали довести дело до конца, или бездомный, тайком проскользнувший в особняк? А может, даже террорист? Никки не знала, что делать.

Вновь раздался визг, на этот раз определенно из шкафа.

- Кто здесь? - спросила девочка сдавленным голосом.

В ответ - тишина.

Любопытство взяло верх. У Никки часто так бывало: желание найти что-то новое перебарывало осторожность, а иногда даже здравый смысл. И теперь, поборов страх, она метнулась к шкафу, распахнула дверь и отпрянула.

В шкафу, прижавшись к задней стенке, почти закрытая рубашками и платьями, висевшими на вешалках, стояла высокая худенькая девушка с распахнутыми, полными ужаса глазами. Она зажимала морду маленькому щенку, который изо всех сил старался вырваться.

ГЛАВА 3

Девушка из стенного шкафа

Пораженная, Никки смотрела на девушку, а та - на Никки.

- Ты кто? — спросила Никки.

Девушка подалась вперед. Прямые каштановые волосы обрамляли ее длинное лицо.

- Пожалуйста, - хрипло прошептала девушка. - Не говори, что я здесь. - Она осторожно вышла из шкафа. На ней были джинсы и широкий, не по размеру, зеленый свитер. - Мне следовало уйти.

Щенок, извиваясь в ее руках, на миг вырвался и тявкнул, но она вновь схватила его. Никки отметила, что девушка лет на пять старше ее.

- Но почему ты здесь? - спросила Никки.

- Я ухаживала за стариком последние полгода, — прошептала девушка. - Но мне некуда идти. Если меня найдут, то отпра- вят в приют, а его заберут. — Она указала на щенка. - Мне нужно побыть здесь, пока я не решу, что делать дальше.

- А как тебя зовут? - также шепотом спросила Никки.

- Аманда Стоукс. А тебя?

- Никки. Артур Грин был моим праде- душкой. Теперь дом принадлежит моей семье.

- Господи! — с тревогой воскликну- ла Аманда. - Вы собираетесь переехать сюда?

- Да, - твердо ответила Никки. - Но не сразу.

- Так ты не скажешь, что я здесь?

Никки задумалась. Выдав Аманду, она причинила бы ей вред. А что плохого в том, что девушка побудет здесь несколько дней?

- Я буду вести себя очень тихо, - до- бавила Аманда. - И щенок обычно тоже тихий.

- А как его зовут?

- Отис. Я нашла его пару дней назад около свалки. Хозяина у него, наверное, не было, потому что он был без ошейника и очень грязный. Я хорошенько вымыла его в ванне.

Никки почесала щенка за маленьки-ми торчащими ушками. Отис смотрел на нее круглыми карими глазами. Светло-коричневая шерсть смешно топорщилась на его мордочке.

- Никки! Ты где? - донесся снизу голос Кристал.

Никки метнулась в коридор:

- Наверху!

- Спускайся! - позвала тетя. - Будем устраиваться.

Никки вернулась в спальню-детскую.

- Ладно, я о тебе не скажу, но ты должна сидеть тихо. Заткни какие-нибудь тряпки под двери. А я постараюсь убедить тетю не подниматься сюда. Если не получится - как-нибудь предупрежу.

- Спасибо тебе, - поблагодарила ее Аманда. - Я задержусь на пару дней. Как только найду работу, сразу же куда-нибудь переберусь.

- Пока, - попрощалась Никки и поспешила к лестнице.

В тот вечер они пообедали томатным супом из банки, которую нашли в буфете. Кристал взяла листок бумаги и стала составлять список дел, которые предстояло выполнить, прежде чем выставить дом на продажу: «Позвонить в службу уборки. Позвонить в аукционный дом. Позвонить в благотворительную организацию. Переговорить с адвокатом. Позвонить малярам и сантехникам». Никки поняла, что Кристал собирается провести много времени на телефоне.

- Кристал, - сказала она, - я не вижу ничего плохого в «Зеленой гавани». Почему ты говоришь, что этот дом ужасен?

- Он огромный, мрачный, в нем невозможно убраться. - Кристал вернулась к списку: «Определиться с потенциальными покупателями дома». Она задумалась, постучав длинными красными ногтями по столу.

Кристал нельзя было назвать красавицей, но она следила за собой и всегда модно одевалась: лак на ногтях, сережки,

макияж, ее прически (светлые «перья» на темных волосах) требовала частых визитов в парикмахерскую. Кристал дважды выходила замуж: сначала за Брента, потом за Брэндона, но теперь у нее не было ни того ни другого. Вероятно, она стала более резкой и раздражительной по этой причине.

- Кристал, - не унималась Никки, - если бы ты могла жить в отдельном доме, каким, по-твоему, он должен быть?

Кристал подняла голову, несколько мгновений смотрела на Никки, думая совсем о другом.

- Знаешь, мне проще сказать, в каком доме я не хочу жить, - вот в такой старинной громаде, как «Зеленая гавань». Но и маленькая, дрянная квартирка, в которой я живу сейчас, мне тоже не по душе.

- Так какой дом тебе нужен? - настаивала Никки.

- Красивый. Большие комнаты, большие окна, сад. И... - Кристал улыбнулась. - И милый большой мужчина, который будет жить в нем вместе со мной.

Никки рассмеялась.

- Еще один муж?
 - С первыми двумя я промахнулась.
 - Ты можешь завести собаку!
 - Собаку? Господи, нет. Собаки портят мебель.
 - Но, если придет какая-нибудь несчастная, бездомная, ты ее не оставишь?
 - Конечно же нет. Она прыжком отправится в собачий приют, где и будет дожидаться счастливой жизни с кем-нибудь еще. Почему ты говоришь о собаках?
 - Просто поинтересовалась. - Никки почувствовала, как у нее упало сердце. - Я люблю собак.
- После обеда Кристал пошла принимать ванну, а Никки побежала на третий этаж. Аманда в пижаме открыла ей дверь. Приветствуя Никки, Отис встал на задние лапы, и девочка обняла и погладила его.
- Все в порядке? - спросила она Аманду.
 - Да. Я сижу тихо.
 - Это хорошо, - сказала Никки. - К сожалению, Кристал, как выяснилось, не любит собак. Мы должны вести себя очень осторожно.

- Ладно, на ночь положу его рядом с собой, - пообещала Аманда.

Никки еще раз погладила Отиса и поспешила вниз. Потом они с Кристал устроились в гостиной и стали смотреть новости.

«Жители Хиккори-Коув и Криксайда сообщают о подозрительных личностях в окрестных лесах, - говорил ведущий местного выпуска новостей. - Был замечен странный мужчина в светлой одежде, пробирающийся между деревьями. Населению настоятельно рекомендовано быть осторожнее и незамедлительно сообщать властям обо всем, что может вызвать подозрение: незнакомцы в городе, разбитые стекла и взломанные двери, повреждения трубопроводов и электрических сетей».

Потом на экране появился президент. Никки не любила его слушать: очень уж вкрадчиво звучал его голос. Он опять заговорил о Фалангии, об их ракетах, размещенных в четырнадцати странах, и что-то об угрозе национальной безопасности.

Кристал покачала головой и нахмурилась:

- Мы подходим все ближе.

- К чему?
- К большой беде.

Свою речь президент закончил, как и всегда: «Давайте помолимся Господу, попросим Его защитить наш народ и даровать успех нашим начинаниям». Никки часто раздумывала над этой фразой. Получалось, если ты молился, если множество людей одновременно молились, прося об одном и том же, то Бог, возможно, что-то изменит. Но возникал вопрос: а если твой враг тоже молился? Чью молитву услышит Бог?

Она вздохнула:

- Кристал, меня уже тошнит от кризиса.

- Я знаю, - сказала тетя и выключила телевизор. - Но толку от наших тревог нет. Все, что мы можем сделать, - сохранять здравомыслие, не позволять страху взять верх и стараться быть хорошими людьми, не творить зла, его и так хватает. - Она улыбнулась. - Устала?

Никки кивнула.

- В какой комнате будешь спать? Право первого выбора за тобой.

Конечно же Никки хотела спать в комната на третьем этаже, но она была уже занята, поэтому выбрала одну из спален на первом этаже, а Кристал решила расположиться в соседней. Они нашли в шкафу постельное белье и одеяла, застелили кровати, а потом распаковали чемоданы и повесили одежду в гардероб. Никки забралась в огромную кровать и подумала об Аманде и щенке. Они наверняка уже заснули. Как это, наверное, приятно, спать рядом с собачкой, с этим теплым комочком!

Черные стойки кровати поднимались к потолку, в темноте они выглядели как часовые, охранявшие ее покой. «Интересно, - думала Никки, - кто в прошлом спал на этой кровати, смотрел на эти стойки, на обои в цветочек, на эти пятна на потолке?» Ей хотелось узнать не только о прадедушке, но и обо всех своих предках, обо всех, кто жил в этом доме.

Это была отличительная черта Никки: она хотела знать все и обо всем, самое обыкновенное, например, что люди делают на работе, что у них в доме, о чем они говорят. Когда на улице она проходила

мимо беседующих, то всегда надеялась услышать что-то интригующее.

Но ей хотелось знать и все необычное, экстраординарное: есть ли жизнь на других планетах, существуют ли люди со сверхъестественными способностями, остались ли на Земле уголки, куда еще не ступала нога человека, есть ли животные, которых никто никогда не видел. Однажды в журнале ей попалась фотография пылевого клеща, сделанная с помощью электронного микроскопа. Пылевой клещ слишком мал, чтобы разглядеть его невооруженным взглядом, но, увеличенный много-кратно, он выглядит страшным чудовищем из научно-фантастического фильма, со всеми его челюстями, лапками, усиками и щетинками.

Увидев этот фотоснимок, Никки вдруг осознала, что рядом с миром, который открыт ее глазам, существует целый мир. В пыли под мебелью, между ворсинками ковра, даже у нее на коже обитали невероятные существа. И Никки хотелось узнать о них. Эту фотографию пылевого клеща она всегда брала с собой, куда бы ни ехала.

Слушая шепот дождя, Никки закрыла глаза и вдруг подумала о призраках, которые жили в этом доме. Может, они все еще здесь, разглядывают тех, кто появляется после них? «Теперь появилась я, - безмолвно сказала им девочка. - Я буду здесь жить». И эта мысль напомнила ей о том, что она забыла сделать. Никки села, включила свет, порылась в ящике прикроватного столика, нашла огрызок карандаша и клочок бумаги и написала:

- 1. Сохранить «Зеленую гавань».*
- 2. Влюбиться.*
- 3. Помочь миру.*

Три цели. И твердая решимость достигнуть все.

ГЛАВА 4

Кража со взломом

Глубокой ночью, когда лил дождь, а Ники спала, кто-то вышел из лесу, подступавшему к городку. Ночь выдалась темная, безлунная, а незнакомец двигался бесшумно. Уэйн Холлистер, хозяин гостиницы «Черный дуб» в северной части Йонвуда, выглянул из окна, когда зов природы заставил его пойти в туалет в два часа ночи, и уловил какое-то движение на улице, но, поскольку его очки остались на тумбочке у кровати, он не смог разглядеть, кто это был, возможно, мужчина в дождевике.

На следующий день, в пятницу, рано утром мальчик по имени Гровер Персон шел в школу по переулку за рестораном «Уютный уголок», изучая по пути всякую

живность, и вдруг заметил разбитое окно рядом с черным ходом. Он остановился и увидел, что окно выбили снаружи. Кухонный стол, стоявший у окна, был усыпан осколками. С рамы свешивалось что-то наподобие белого посудного полотенца с темным пятном, похожим на кровь.

Он обошел ресторан и увидел управляющего Энди Харта, который как раз открывал дверь.

- Энди, - обратился к нему Гровер, - прошлой ночью кто-то разбил окно с задней стороны дома.

Энди в недоумении уставился на мальчика. Солнечный свет, прорывавшийся сквозь облака, отражался от его очков и освещал высокий блестящий лоб. Он поспешил к черному ходу, и Гровер пошел за ним. Увидев разбитое окно и полотенце с пятном, управляющий так закричал, что к ресторану со всех сторон начали сбегаться люди. Вскоре около «Уютного уголка» стояли все четверо полицейских Йонвуда и десяток зевак.

- Всем отойти! - скомандовал начальник полиции Ралф Гарни. - Ничего не трогать! Это место преступления.

Люди подались назад, озабоченно переговариваясь.

- Энди, ты здесь? - крикнул Гарни в окно. - Что пропало?

- Почти ничего, - ответил с кухни Энди. - Похоже, только куриная тушка.

- Ясно, - откликнулся Гарни. - Должно быть, чья-то глупая шутка или вылазка террористов.

В толпе вновь зашептались.

В другое время разбитое окно сочли бы ерундой. В конце концов, никто не пострадал, да и украли самую малость. Но люди нервничали: прошло более полугода с того времени, как Алтии Тауэр открылось видение, и каждый день приближал их к тому, что оно могло стать явью. Только вчера Фалангия объявила о размещении своих ракет в четырнадцати странах. Все знали, что в лесах шныряют террористы. Создавалось ощущение, что зло, захватившее мир, подобралось и к их городку.

Шеф полицейских Гарни огородил желтой лентой ту часть ресторана, где произошло преступление, и оглядел толпу. Его глаза радостно вспыхнули, когда он уви-

дел полную женщину с коротким хвостом светло-русых волос, торчавшим из красной бейсболки, и в красной куртке, которая еще больше полнила ее.

- Бренда, - Гарни широко улыбнулся, - что ты об этом думаешь?

Гровер понимал, что может опоздать в школу - в этом месяце он уже дважды опаздывал, и третье опоздание грозило запиской родителям, — но не мог не рискнуть, он боялся пропустить самое интересное.

Женщина выступила вперед. Все узнали ее. Это была миссис Бренда Бисон, единственный человек, который смог разобрать бормотание пророчицы и объяснить, что та хотела сказать. Она и ее комитет (священник Лумис, мэр Орвилл Милтон, шеф полиции Ралф Гарни и еще несколько человек) пользовались в городе непрекаемым авторитетом.

Гарни поднял желтую ленту, чтобы миссис Бисон смогла подойти ближе. Она долго стояла перед окном спиной к толпе, и все терпеливо ждали, что она скажет. Облака медленно плыли по небу, то закрывая, то открывая солнце.

Гровер стоял затаив дыхание. Время для него тянулось мучительно медленно, но он уже смирился с тем, что опаздывает, и начал подыскивать убедительные предлоги. Парадную дверь дома заклинило и он не мог выйти? Отцу потребовалась его помощь: подвал залило водой и они спасали тонущих крыс? У него подвернулась нога и он смог пойти только через полчаса?

Наконец миссис Бисон сказала:

- Что ж, тайное становится явным. Мы всегда думали, что среди нас нет людей, способных совершить подобные поступки. - Она тяжело выдохнула, и в холодном воздухе заклубился пар. — Если кто-то решил разыграть такую шутку, то ему должно быть очень стыдно. Сейчас не время для глупых выходок.

- Может, это дети? - произнес мужчина, стоявший рядом с Гровером.

И почему люди всегда пытаются обвинить в чем-то подобном детей? Гровер мог смело утверждать, что взрослые причинили миру гораздо больше вреда, чем дети.

- С другой стороны, — продолжала миссис Бисон, — случившееся может быть

угрозой или предупреждением. Мы слышали, что кто-то бродит по этим лесам. - Она посмотрела на окровавленное полотенце. - Возможно, это какое-то послание. Пятно напоминает мне букву «Г», а может «Р».

Гроверу показалось, что оно больше похоже на букву «А», и вообще, подумал он, это скорее просто пятно.

- Может, это буква «В», - заметил кто-то.

- Или «Н», - сказал другой мужчина.

Миссис Бисон кивнула.

- Возможно. Буква «Г» - это, конечно, начальная буква слова «грех», а «Р» - «руины». Если ты позволишь мне взять эту тряпку, Ралф, я покажу ее Алтии, посмотрим, что она скажет.

В этот момент мимо проходил Уэйн Холлистер. Полюбопытствовав, в чем дело, он рассказал о том, что видел ночью. Его история встревожила людей больше, чем кровь на полотенце и разбитое окно. Гровер услышал, как вокруг него шептали: «Кто-то бродит по нашему городу... Это предупреждение... Нас пытаются напу-

гать...» Одна женщина расплакалась. Хойт Маккой, как обычно, сказал, что Бренде Бисон не следует говорить то, что не основывается на достоверных фактах, а пятна крови, по его разумению, больше похожи на столовую ложку, а не на букву «Р». Несколько человек сердито предложили ему замолчать.

Выслушав миссис Бисон, Гровер потерял интерес к происходящему и подумал, что еще успеет в школу, если поспешит, и побежал во весь дух.

Добравшись до школы, он рассказал о краже со взломом своим одноклассникам. Его друг Мартин протянул Гроверу листок бумаги и попросил нарисовать то пятно крови.

- Я не помню точно, - признался Гровер и нарисовал цепочку пятен. - Что-то в этом роде.

- Разве это похоже на букву? - удивился Мартин, всматриваясь в рисунок через очки в толстой оправе.

- Я же не художник! Может, пятно было и таким. - Гровер нарисовал другую це-

почку. — Нет, и не таким, — сказал он и рассмеялся.

Но Мартин нахмурился.

- Нарисуй правильно. Не нравится мне, что ты паясничаешь.

На этот раз Гровер нарисовал, приложив максимум старания.

- И она сказала, что это буква «Г» или «Р»? - уточнил Мартин.

- Она не могла определить, какая это буква.

- И что, по ее мнению, она означает?

Гровер отвечал на вопросы и показывал, как шеф полиции Гарни натягивал желтую ленту, потом повторил слова миссис Бисон, изобразил крики из толпы и женщину, которая испугалась до слез, и даже скопировал реплику Хойта Маккоя, да так удачно, что все рассмеялись.

- Хойт Маккой сказал, что пятно похоже на ложку.

- Да, но Хойт Маккой — чокнутый.

- Возможно, и так, но миссис Бисон не может знать все.

- Гровер! — закричал Мартин, и его лицо стало почти таким же медным, как воло-

сы. - Она очень серьезно восприняла видение пророчицы, а ты относишься к нему скептически!

Зазвенел звонок. Гровер и его товарищи, которые слушали его, все-таки опоздали на урок.

- Первый раз за год опаздываю на урок, - вздохнул Мартин.

- Я в этом не виноват, - отмахнулся Гровер. - Никто не заставлял тебя стоять и слушать.

Но Мартин отвернулся. «Он изменился, — подумал Гровер, спеша в свой класс. — Раньше он не был таким мрачным».

ГЛАВА 5

Огненное откровение

Утром Кристал обшарила на кухне все буфеты и обнаружила, что еды никакой нет.

- Ты не хочешь прогуляться до магазина? - спросила она Никки. - Купи какие-нибудь продукты, а я начну уборку на этой грязной кухне.

Никки надела куртку и зашагала к Главной улице, от которой их дом отделяли два квартала. Она шла и думала о том, как это приятно идти одной. В Филадельфии нельзя было и подумать об этом - ходить одной было слишком опасно. Магазины только открывались. Утро выдалось холодным, но сквозь облака то и дело проглядывало солнце, и городок выглядел как умытый. На улицах уже было немало людей. Ник-

ки заметила, что почти у всех в руках был мобильный телефон. Разумеется, в Филадельфии люди тоже пользовались мобильными и часто разговаривали на ходу. Но здесь никто не говорил по телефону, все только слушали. Выглядело это очень странно.

Никки миновала маленький ресторанчик, который назывался «Уютный уголок», где стояли несколько человек и о чем-то возбужденно говорили. От ресторана отъехала патрульная машина. Наверное, здесь что-то произошло, подумала девочка, может, какому-нибудь посетителю стало нехорошо.

Она прошла мимо аптеки, пекарни и обувного магазина. Позади остался закрытый кинотеатр, где на окошке кассы белой краской было написано: «Лучше молись!» В витрине магазина, где продавалась одежда, Никки увидела белые футболки с надписью большими красными буквами: «Не делай этого!» Потом она не раз замечала на улице людей в таких футболках. Интересно, гадала Никки, что же означала эта надпись?

Когда Никки проходила мимо проулка между магазином скобяных товаров и мастерской по ремонту компьютеров, она услышала странный звук, который то нарастал, то затихал: «*ММММ-мммм-ММММ-мммм...*», словно работала какая-то машина. Девочка остановилась, огляделась, но так и не поняла, откуда идет звук. Никки обратила внимание, что и другие прохожие замечали этот звук, он не нравился им, но, похоже, не вызывал недоумения, скорее раздражал, возможно, даже пугал... Потом звук стих, и Никки решила, что так гудит какой-то хитрый прибор в ремонтной мастерской.

Чуть дальше она нашла супермаркет, где купила хлеб, молоко, яйца, какао-порошок и упаковку печенья для собаки, которую сразу убрала под куртку.

Никки уже уходила с Главной улицы, когда услышала сначала где-то далеко, а затем совсем рядом рев пяти боевых реактивных истребителей, которые пронеслись над городом. Никки очень испугалась, остановилась, поставила пакет с покупками на землю и зажала руками уши.

Она стояла так, пока самолеты не улетели, и вдруг почувствовала, как кто-то прикоснулся к ней. Она подняла голову и увидела пожилую женщину.

- Это может начаться прямо сейчас, - дрожащим голосом проговорила женщина. - Никому не дано этого знать... Но лучше не бояться, стараясь совладать со страхом. - Тонкими пальцами она похлопала Никки по плечу. — И не забывай о молитве, девочка. — Женщина вскинула глаза к небу. - Все у нас будет хорошо, потому что... — Она не договорила и пошла прочь, только добавив Никки тревоги.

Может, здесь люди так же напуганы, как в Филадельфии. Сердце у девочки упало. Но, с другой стороны, женщина сказала, что все будет хорошо. Никки не знала, что думать.

Впрочем, вернувшись в «Зеленую гавань», она забыла об этой встрече. Спрятав в своей спальне печенье для щенка, она пошла на кухню, где Кристал сварила горячий шоколад. Когда они сели за большой стол в столовой, Кристал достала список намеченных на день дел.

- Эта комната такая величественная! - Никки решила при каждом удобном случае подчеркивать достоинства «Зеленой гавани», чтобы убедить Кристал не продавать особняк.

- Пожалуй, - согласилась Кристал и огляделась. - Стол точно великолепный. За него дадут хорошую цену. - Она заглянула в список. - Я начну со встречи с риелтором, потом заеду в аукционный дом, а после этого — в службу уборки. Думаю, что вернусь к полудню.

- Я останусь здесь. Пороюсь в шкафах, может, найду что-нибудь интересное.

- Можно быть спокойной за тебя? Из окон не будешь высовываться? Не свалишься с лестницы?

- Разумеется, нет, - ответила Никки. - Я ограничусь только теми ящиками, до которых смогу добраться. Буду раскладывать все на две кучи: в одной будет то, что нужно оставить, а в другой — все на выброс.

- Вторая куча получится большая, - заметила Кристал.

Как только Кристал уехала, Никки взяла собачье печенье и поспешила наверх.

- Аманда! - позвала она. - Это я!

Никки открыла дверь, и Отис пулей бросился к ней. Щенок поднялся на задние лапы и вытянул передние, словно хотел погладить девочку по лицу. Никки присела и почесала его за ушами.

- Привет! Ты такой милый!

Аманда вышла в коридор.

- Я слышала, как Отис тявкал. Не знаю, как нам удастся скрыть, что он здесь. Кристал может его услышать, - сказала Никки.

- Господи! - вздохнула Аманда. - Может, найти ему намордник?

- Ну, это, пожалуй, жестоко, - ответила Никки. — Нужно придумать что-нибудь еще.

Никки вошла в детскую и огляделась. Свернутый ковер натолкнул ее на дальную мысль.

- Мы можем звукоизолировать комнату.

Почти два часа Никки и Аманда занимались тем, что пытались устроить звукоизоляцию в комнате. Они раскатали большой ковер, из других комнат принесли в детскую маленькие ковры и застелили ими

пол. Из шкафов достали одеяла и полотенца, занавесили ими дверь и окна. Время от времени Никки спускалась вниз, чтобы проверить, не слышно ли, как лает Отис.

- Сработало! - наконец сообщила она.

Они не просто звукоизолировали комнату, но создали нечто необычное и прекрасное. Комната, застеленная коврами и завешанная одеялами, стала похожа на огромную палатку, которая радовала глаз разноцветьем: сине-красный пол, розово-лилово-зеленые с золотым стены. Света, правда, стало меньше, поэтому они привнесли снизу торшер, а потом еще диванные подушки и второе кресло-качалку.

- Если бы мы могли разжечь огонь в камине, получилась бы самая уютная комната в доме, - заметила Никки.

- Здесь действительно хорошо, - согласилась Аманда. - Но Отис может сжевать ковры.

- Я куплю ему игрушки, - сказала Никки, - пусть жует их. - Она наклонилась и почесала щенка за ушами. - А теперь я займусь вещами.

- Вещами?

- Да, хочу перебрать все. Тебе не попадались альбомы для наклеивания вырезок, дневники или фотоальбомы?

Аманда задумалась.

- Может, в комоде в большой гостиной?

Никки спустилась в большую гостиную, выложила в картонную коробку все, что было в ящиках комода, и вернулась на верх. Они устроились с Амандой на диване и принялись разбирать добычу. Там были старые, затертые колоды игральных карт, календарь 1973 года, альбом с двумя десятками выцветших фотографий черного кокер-спаниеля, старые письма, несколько журналов «Нэшнл джеогрэфик», альбомы с фотографиями мужчин, женщин, детей. В одном из них Никки нашла три старые открытки с черной полосой по периметру, которые были отправлены разными людьми, но все в 1918 году и с одинаковым текстом: «Примите наши искренние соболезнования в связи с трагической утратой». О какой утрате шла речь?

- Кажется, я знаю, что ты хотела бы увидеть! - вдруг воскликнула Аманда. — Сейчас принесу.

Она пошла вниз и вернулась с маленьким блокнотом в коричневой обложке.

- Стариk иногда что-то записывал сюда, — сказала Аманда и протянула девочке блокнот.

Никки открыла блокнот и увидела написанные четким почерком имя и фамилию своего прадеда: «Артур Грин». Это был не дневник, а отдельные записи. Первая была сделана в декабре:

«7/12. В последнее время происходит что-то странное. Может, причина в том, что отказывает мой мозг, а может, и нет. Постараюсь вести записи и дальше».

«Интересно», — подумала НИККИ и положила блокнот в ту кучку вещей, которые собиралась оставить, решив, что позже просмотрит его более внимательно.

Отис тем временем тихо грыз ножку стула. К счастью, он облюбовал заднюю ножку, поэтому следы от его зубов в глаза не бросались.

Аманда взяла один из журналов «Нэшнл джеографик» и начала листать его.

- Господи, ты только посмотри! - воскликнула она, показав Никки фотографию извергающегося вулкана. - Похоже, пророчица видела что-то подобное.

- Кто?

- Пророчица Алтия Тауэр. Ты не слышала о ней? Она стала знаменитостью! В этом городе все или почти все следуют ее словам.

- Почему ты называешь ее пророчицей?

- Потому что она увидела будущее, - заговорически проговорила Аманда.

- И что она увидела?

- Толком она ничего не смогла сказать. Наверное, это был такой ужас, что ей стало дурно. Она часто повторяла слова «огонь», «взрывы». Наверное, увидела что-то подобное. - Аманда постучала пальцем по фотоснимку. - Но с тех пор Алтия не встает с постели.

- Это удивительно! - нахмурившись, сказала Никки. - Но я не понимаю, что это означало. Ты говоришь о кошмарном сне?

- При чем тут сон? - В голосе Аманды послышалось презрение. - Алтия увидела

будущее. Миссис Бисон считает, что это было предупреждение.

- А кто такая миссис Бисон? - спросила Никки.

- Она живет на нашей улице, через два дома. Очень милая, умная, раньше работала в школе директором. У нее есть собака по кличке Сосиска, ты еще увидишь их. Дело в том, что люди сошли с пути истинного, поэтому все так ужасно, и мы приближаемся к концу света. Но Бог хочет спасти нас, вот он и послал видение Алтии. Если мы будем делать все правильно, то спасемся, и то, что открылось ей, не произойдет. Во всяком случае с нами.

- А что мы должны делать?

- Все, что велит пророчица, потому что ее устами глаголет Бог. Она говорит нам, от чего мы должны отказаться.

- Отказаться?

- Да. Например, она часто произносит что-то вроде «никаких горшидов», и, по словам миссис Бисон, это означает «никаких грешников». И мы стараемся вести себя как положено. Еще она говорит: «Никаких песен», поэтому мы больше не

слушаем музыку по радио или на компакт-дисках, а по телевизору смотрим только новости.

- Но почему?

- Чтобы не проявлять эгоизм и больше любить Бога. - Аманда многозначительно посмотрела на Никки и захлопнула журнал.

Никки задумалась. Действительно, святые от чего-то отказывались, например от кроватей, и спали на гвоздях. Она знала, что монахи и священники не могли жениться, некоторые даже переставали говорить, давая обет молчания, и полностью посвящали себя Богу. Может, ей тоже следует от чего-то отказаться?

— Ты от чего-нибудь отказалась? - спросила она Аманду.

— Да, — ответила та. - От женских романов. Миссис Бисон говорит, что их чтение - потеря времени.

У Никки разыгралось воображение. В какой-то книге ей приходилось читать, как силы зла пытались захватить вселенную. Лишь несколько отважных людей знали, как победить зло, и им хватило му-

жества это сделать. Она вспомнила о своей цели номер три: помочь миру, то есть сделать что-то полезное. Может, отказ от чего-то - один из возможных путей? Никки хотела задать еще несколько вопросов, но Аманда отложила журнал и встала.

- Хочу приготовить гренки. Пойдешь со мной?

Никки согласилась. Оставив Отиса в детской, они пошли на кухню. Аманда резала хлеб, а Никки поставила воду на плиту, чтобы приготовить горячий шоколад. Она думала о том, что видения - это, наверное, так интересно. Никки спрашивала себя, что бы она сделала, если б такое произошло с ней. В тот момент, когда Аманда доставала из буфета банку с ореховым маслом, в окне вдруг мелькнуло лицо.

- Привет! - раздался голос, и, прежде чем они успели шевельнуться, дверь открылась.

ГЛАВА 6

Идея миссис Бисон

На пороге стояла женщина.

- Извините, дорогие, но я решила заглянуть к вам и поздороваться. - Она прошла на кухню. - Я Бренда Бисон.

Никки выпучила глаза. Бренда Бисон! Подруга пророчицы! Она совершенно не была похожа на святую. Женщина средних лет, полноватая, с розовыми щечками. На ней была красная стеганая куртка и красная бейсболка, из-под которой поблескивали синие глаза. «Бабушка и тренер по соккеру в одном лице», — подумала Никки.

- А ты, должно быть, внучка профессора Грина? - обратилась к ней миссис Бисон.

- Правнучка, - поправила ее Никки.
- Никки - это сокращенное от Николь? - спросила миссис Бисон.

— Да, - ответила Никки.

Она никогда не представлялась своим полным именем. Имя, конечно, красивое, но уж слишком красивое для нее, коренастый, с круглым подбородком, коротким носом и немодной стрижкой (у Никки были просто прямые каштановые волосы). Она считала себя умной, с богатым воображением, но простушкой, а потому имя Никки подходило ей больше.

— Рада с тобой познакомиться! - с улыбкой сказала миссис Бисон. — Я твоя соседка, живу в третьем доме отсюда, на другой стороне улицы. - Миссис Бисон сняла бейсболку и сунула ее в карман. Ее светлорусые волосы были забраны в хвост, в ушах - маленькие сережки. Миссис Бисон перевела взгляд на Аманду: - Не ожидала увидеть тебя здесь, дорогая.

Аманда стояла, прижавшись спиной к раковине и держа в одной руке кусок хлеба, а в другой - банку с ореховым маслом. Она выглядела испуганной.

- Почему ты не уехала после смерти профессора Грина? - спросила миссис Бисон.

- Я собиралась, как только нашла бы место.

- Место? У тебя нет семьи, куда бы ты могла вернуться?

Аманда покачала головой.

- Нет родителей?

- Мама умерла, - ответила Аманда, - а отец ушел.

- Больше никого?

- Только кузина Лу-Энн, - пролепетала Аманда. — Я ее не люблю.

- Что ж, дорогая, это не дело! - Миссис Бисон рывком расстегнула молнию куртки и села к кухонному столу, готовясь определить будущее Аманды, и Никки заметила синий значок-пуговицу на ее свитере. — Я думаю, что смогу тебе помочь. У меня есть несколько друзей в службе социального обеспечения. Я немедленно с ними свяжусь, и они найдут семью, которая примет тебя как родную. - Она достала из кармана маленький телефон (мобильник, догадалась Никки, хотя он не был похож на привычные сотовые телефоны).

Аманда шагнула к миссис Бисон, уронила хлеб и банку с маслом и умоляюще протянула к ней руки.

- Я не хочу жить в чьем-то доме. Мне уже семнадцать лет, и я могу работать. Я сама найду себе...

- Ерунда, - прервала ее миссис Бисон. - Всем нужен дом. И... - Она вдруг умолкла, и Никки поняла, что ее внезапно осенила какая-то идея. - Собственно, я знаю человека, которому необходима помощница. Это моя очень близкая подруга.

- Какая помощница? - подозрительно спросила Аманда.

- Помощница по дому, которая будет постоянно находиться при ней.

- Даже не знаю... - Аманда наступила на уставившуюся в пол.

- Я имею в виду мисс Алтию Тауэр.

Аманда широко раскрыла глаза и выпрямилась во весь рост, расправив плечи.

- Пророчицу? - Голос Аманды дрогнул.

- Совершенно верно. Ты знаешь, Алтия плохо себя чувствует, а девушка, ко-

торую мы наняли, чтобы ухаживать за ней, уходит. Ты же сможешь ухаживать за ней, не так ли? За профессором ты хорошо ухаживала.

Аманду словно подменили. Ее лицо просияло, она, казалось, готова была тут же приступить к новой работе.

- Конечно, смогу! С радостью сделаю для нее все, что в моих силах.

- Прекрасно, — сказала миссис Бисон. - Как только будешь готова, я отвезу тебя к ней, и мы обо всем договоримся.

Никки поняла, что Бренды Бисон из тех людей, которым чужды долгие колебания и которые, быстро приняв решение, сразу начинают действовать. И вообще она показалась девочке очень приятным человеком. Поэтому, как только Аманда ушла наверх, Никки решила задать соседке несколько вопросов. Но не успела она и рта раскрыть, как зазвенел телефон миссис Бисон.

- Алло? Да, Долорес, что такое? Нет, дорогая. Боюсь, что нет... Я знаю, что ты в тревоге, но, дорогая, Алтия не может увидеть будущее людей по их первому требованию. Нет. Она пророчица, а не пред-

сказательница судьбы. Извини, дорогая, но это исключено. Пожалуйста, больше не проси меня об этом. - Она закончила разговор и вздохнула. - Ко мне постоянно обращаются с такими просьбами. Люди нервничают.

И тут Никки задала один из интересующих ее вопросов:

- Миссис Бисон, вы думаете, может случиться что-то ужасное?

- Не хочу тебя пугать, милая, но, боюсь, может. Зло сильно. У нас немало врагов, но наша страна противостоит им, и мы, жители Йонвуда, тоже. - Она подняла с пола хлеб. - И пророчица помогает нам.

- Я знаю, - сказала девочка. - Аманда мне говорила.

- Она рассказала тебе о горячей линии? - спросила миссис Бисон. - Это записанное на пленку послание. Каждый день люди могут позвонить по номеру семь-семь-семь, чтобы услышать ее последние слова и получить совет. Я могу позвонить на мобильный со своего ДТД-телефона, чтобы срочно сообщить ее новое послание. - Она показала свой малень-

кий телефон, на котором экранов, кнопок и сдвижных частей было больше, чем на обычном мобильном. - Я люблю высокотехнологичные штучки. ДТД означает «делающий тысячу дел». Ну, может, и не тысячу, но близко к этому. - Она нажала на кнопку. - Вот так я узнаю температуру воздуха. - Она надавила на другую кнопку. - Ой, почти одиннадцать. Где же эта девушка? Мне пора идти.

Но Никки не терпелось задать свои вопросы.

- Миссис Бисон, - быстро заговорила она, - я хочу сделать что-нибудь нужное, важное, чтобы помочь миру.

— Тогда ты поступила правильно, приехав сюда, - с улыбкой сказала миссис Бисон и убрала телефон в карман. - Здесь все стараются помочь миру. Мы провели множество городских и церковных собраний, дискуссий... Что ж, опасные времена сплачивают людей. Но у нас еще осталось несколько эгоистичных личностей, и это тревожит. Даже один человек может все испортить, как одна заплесневевшая ягода портит корзину клубники.

Миссис Бисон собралась уходить, но Никки спешила задать еще один вопрос:

- Так что же мне делать?

Миссис Бисон уже застегивала куртку.

- Что делать? Посмотрим. Дай мне знать, если заметишь что-то неладное, какое-нибудь слабое место.

- Слабое место? - переспросила Никки. - А как... как мне это определить?

В кухню вошла Аманда, хорошо одетая и причесанная.

- Вот и я! - воскликнула Аманда.

- Ты прекрасно выглядишь, милая, - улыбнулась ей миссис Бисон. - Я пойду за машиной. Встретимся у моего дома.

- Но, миссис Бисон, - не унималась Никки. - Как же мне определить, что не так?

Миссис Бисон обернулась и с серьезным видом сказала:

- Выскивай грешников, Никки. Пророчица часто повторяет: «Ниаких грешников».

- Грешников? - переспросила Никки. - Вы говорите про нарушителей закона?

- Да, но не только. Иногда человек не нарушает закон, но ты чувствуешь, что он какой-то не такой. Просто чувствуешь. - Миссис Бисон помолчала. - Ты знаешь Хойта Маккоя? Он живет на Вороньей дороге.

- Нет, - ответила Никки. - Я тут никого не знаю.

- Ну конечно. Но он - характерный пример. Он какой-то не такой, как мы, есть в нем что-то плохое. - Она взялась за ручку двери, но вдруг резко повернулась и пристально посмотрела на Никки: - Ты любишь Бога?

На лице девочки отразилось удивление.

- Конечно. Думаю, что да.

По правде говоря, Никки никогда не задумывалась над этим. Ее родители в церковь не ходили, и она знала о Боге немного.

- Прекрасно! - воскликнула миссис Бисон. - Мы должны любить Бога сильнее всего на свете. Если ты Его любишь, все у тебя будет хорошо. Ты поможешь нам выстроить щит добра.

Улыбнувшись, она открыла дверь и ушла.

- Ну разве это не чудо?! - воскликнула Аманда, как только они остались одни. - Я так испугалась, когда увидела ее. Она очень милая, но я боялась, что она отправит меня в приют. Никогда бы не подумала, что все так обернется. Я буду ухаживать за пророчицей! Класс! Я хорошо выгляжу?

- Отлично,- ответила Никки. - А как Отис?

- Господи, Отис! - воскликнула Аманда. - Ты сможешь о нем позаботиться? Меня могут не взять из-за него на работу. Его надо кормить и выгуливать дважды в день. Сможешь? Ну, пожалуйста!

Никки, конечно, сказала, что сможет.

Как только Аманда ушла, Никки нашла карандаш, листок бумаги и записала: «Грешники. Силы зла. Щит добра». Да, ей представлялась идеальная возможность: для достижения цели номер три она могла бороться с силами зла и строить щит добра. От одних этих слов она почувствовала себя воительницей. Может, ей следовало от чего-то отказаться, как поступали дру-

гие? Если б она это сделала, то могла бы больше любить Бога? Никки подумала, что она так мало о нем знала, да и вообще никогда не задавалась вопросом, любит она Его или нет. Трудно любить кого-то невидимого. Отказ от чего-то мог усилить ее любовь. Но от чего ей отказаться? Никки решила, что обязательно над этим подумает.

Она побежала наверх повидаться с Отисом. Взяв щенка за передние лапы, она приподняла его и посмотрела ему в глаза.

- Отис, Аманде пришлось уехать, - сообщила она ему. - Теперь я буду заботиться о тебе. Хорошо?

Отис пристально смотрел на нее своими темно-коричневыми бусинками, склонив голову, словно пытался понять ее слова.

Никки понимала, что забота об Отисе чревата немалыми сложностями. С одной стороны, требовалось не пускать Кристал на третий этаж, с другой - кормить и прогуливать Отиса втайне от нее. К тому же Никки ужасно не хотелось надолго оставлять щенка в детской, где он стал бы грызть мебель и ковры. Разве собаки не

впадают в депрессию от долгого пребывания в одиночестве? К счастью, Кристал придется часто уезжать из дома, потому что она наметила себе много встреч и дел, и Никки полагала, что у нее будет время для Отиса.

Она посадила его себе на колени, но он вырвался (щенок оказался на удивление сильным) и принял танцевать на задних лапах. Отис тявкнул, и Никки догадалась, что ему захотелось играть.

Она нашла в шкафу детский ботинок и бросила его щенку.

- Лови, Отис! - крикнула она.

Отис помчался вперед, схватил зубами ботинок и принес его Никки. Положив его у ног хозяйки, он посмотрел на нее круглыми карими глазами, ожидая продолжения.

Они долго играли в «верни ботинок», но потом Отис отвлекся на бегущего по полу паука. Никки спустилась вниз, чтобы сварить себе чашку горячего шоколада, а когда вернулась, увидела, что Отис просится на улицу.

Никки совсем забыла, что Аманда вела ей выводить щенка на прогулку дважды

в день. Она прицепила к ошейнику Отиса поводок и повела его во двор.

Наступил полдень, а Кристал все не возвращалась. Никки заглянула в соседнюю комнату, заставленную ящиками, сундуками, коробками. Открыв самый большой и по виду самый старый сундук, она обнаружила в нем всякую всячину, но больше всего - бумаг. Взяв охапку, Никки отправилась изучать их в детскую.

Среди беспорядочно лежавших бумаг были рождественские открытки, фотографии младенцев, связки давних счетов, табели успеваемости, школьные тетрадки, а под ними Никки увидела конверт, который был такой старый, что у него истлели края. Девочка достала из него фотографию на картонной подложке и едва успела взглянуть на нее, как к дому подъехал автомобиль Кристал. Никки быстро сунула фотографию в конверт и переложила бумаги с дивана на комод, чтобы Отис не добрался до них.

- А теперь спать, - приказала она щенку и вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Кристал вошла в дом, сняла пальто и повесила его на вешалку в холле.

- Встретилась я с риелтором, - сообщила она Никки. — Его зовут Лен Колдуэлл. Очень милый, отзывчивый. Такой высоченный и с маленькими усами, - сказала она, улыбнувшись. - Как твои дела?

- Так, бродила по дому. Мне нравится, что он такой большой, просторный, - произнесла Никки.

- Это точно, - согласилась с ней Кристал. - Дом большой, это приятно, когда стены не давят на тебя. Но и на уборку уходит гораздо больше времени.

Никки хотела было выразить свое восхищение широкой лестницей на второй этаж и видом на горы, который открывался из окон, как вдруг зазвонил телефон.

Кристал сняла трубку.

- Алло! Ракель? Как ты?

Звонила мать Никки.

- Да-да... Конечно... Я понимаю, это действительно трудно.

- Я хочу с ней поговорить! - прошептала Никки.

- Правда? - спросила Кристал в трубку. - И что в ней?

- О чём ты? - спросила Никки.

- Да, странно, - после паузы продолжила Кристал. — Скажи Никки — она хочет знать.

- Мамик! - крикнула Никки в трубку. - Ты в порядке?

- Да, все хорошо, - ответила мать усталым голосом. - Я получила открытку от твоего отца.

- Правда? И что он написал?

- Немного. Я надеюсь, что у него тоже все нормально. Хотелось бы знать, где он.

- Прочитай мне, что в ней написано. Только подожди, я найду карандаш, хочу все записать.

Мать зачитала ей открытку, полученную от отца, и Никки записала все слово в слово. Они поговорили о работе матери, о воздушных тревогах, о холодной погоде. Никки рассказала о том, что ей очень нравится «Зеленая гавань», и попыталась убедить мать, что они допустят ужасную ошибку, если продадут дом. Потом они попрощались, и Никки знала, что распла-

калась бы, если б не записанное на листке
послание отца:

«Дорогие Ракель и Никки!

*У меня все хорошо. Работа успешно
продвигается. Хотелось бы сообщить
вам, где я, но это строго запрещено.*

Люблю вас обеих.

Папа.

*P.S. Сегодня к кормушке прилетели
три воробышка!»*

Мама была права, открытка мало о чем говорила. Но Никки узнала об отце кое-что новое: оказывается, он интересовался птичками.

ГЛАВА 7

Короткий путь домой

В тот день Гровер никак не мог сосредоточиться на занятиях. В классе шептались о террористах, о кровавой букве, о том, как истолковала ее Бренда Бисон. Гроверу показалось, что нервничала даже учительница, она то и дело поглядывала в окно и дважды получила в примерах неправильный ответ.

После уроков ученики вновь окружили Гровера и попросили рассказать, что он видел. Но он не мог описать им, как сама пророчица явилась на место происшествия, чтобы осмотреть окровавленную тряпку. Всех интересовала именно пророчица, но никто не видел ее со дня огненного откровения, за исключением доктора,

миссис Бисон и членов ее маленького комитета. Гровер вспомнил, что иногда, еще до того знаменательного дня, он встречался с Алтией Таузэр в книжном магазине, но тогда она никого не интересовала: обычная женщина с обычной прической, в очках без оправы, на пальцах пыль от подержанных книг, которые она перебирала. Бледная, худенькая, с ровным, спокойным голосом. Она всегда улыбалась ему, когда он заходил в магазин, но разговаривали они редко.

Теперь он очень хотел бы увидеть ее хоть краем глаза: наверное, у нее опалены брови и волосы, а лицо обожжено или застыло в маске изумления. Да и вообще хотелось увидеть человека, которому Бог даровал видение. Правда, Гровера волновало не само видение, а последствия, которые каким-то образом могли отразиться на нем.

Он провел на школьном дворе так много времени, что рисковал прийти домой не вовремя. Его ждали к половине четвертого, чтобы он помог бабушке с младшими детьми. А если он придет позже матери, то она пожалуется отцу, который накричит

на него. Поэтому он решил пойти домой коротким путем, что делал крайне редко, - это было небезопасно.

Короткий путь пролегал через задний двор дома Хойта Маккоя. Его дом стоял на огромном, заросшем колючими кустами участке, площадью в три, а то и в четыре раза превосходившем участки соседей, а на задворках в заборе была дыра, в которую мог пролезть худощавый мальчишка.

Этот путь позволял сэкономить минут пять. Гровер пользовался им несколько раз, хотя понимал, что его могли увидеть из окон. Правда, участок сильно зарос, а окна покрывал толстый слой пыли и грязи, поэтому он решил, что у него есть шанс проскочить незамеченным.

Но на этот раз он ошибся. Осторожно двигаясь вдоль забора, он старался тихо наступать на опавшую листву, чтобы она не хрустнула, как вдруг окно на верхнем этаже распахнулось и загремел голос Хойта Маккоя:

- Стой, нарушитель! Я держу тебя на прицеле! Немедленно покинь эту территорию!

Гровер резко остановился и выронил книги из рук. Он надеялся, что кусты скроют его, а Хойт нацелил на него винтовку! Он что, хотел его застрелить? Гровер стоял, не шевелясь, пока окно не закрылось. Он подождал еще немного, потом собрал книги и пошел дальше, прячась за кустами, и добрался до усыпанной гравием дорожки, по которой побежал на улицу.

Хойт Маккой слыл местным чудаком. Десять лет назад он переехал в Йонвуд из какого-то университетского городка. Больше года дом ремонтировали. Жители Йонвуда полагали, что Хойт привезет семью, но он жил один. Случалось, он уезжал на несколько недель, и тогда на воротах перед домом висел большой замок. К нему почти никогда не наведывались гости. Правда, раз или два Гровер видел, как к дому подъезжал темно-зеленый седан, в котором сидели двое мужчин, - наверное, сборщики налогов, подумал Гровер, вряд ли у Хойта Маккоя могли быть друзья. Высокий, худой, с запавшими щеками и темными кругами под глазами,

он всегда ходил, ссугулившись и вытянув вперед голову, словно кого-то выискивал. У него все вызывало неудовольствие. Если Хойт оказывался в супермаркете, на почте или в аптеке, Гровер видел, как он шикал на расшумевшихся детей или отчитывал продавцов за грубость, а порой грозил кулаком автомобилям, которые проезжали слишком близко. О комментариях миссис Бисон и видении пророчицы он отзывался пренебрежительно.

- Приказы с небес? - говорил он, поджимая губы. - Чушь. Она ничего не знает. Я специалист по небесам, не она. Если хотите знать, что там происходит, спросите меня.

Но никто, насколько знал Гровер, его не спрашивал об этом. Более того, жители городка вообще старались избегать разговора с ним.

Гровер пришел домой позже, чем следовало. Бабушка сидела в гостиной на привычном месте, в кресле у обогревателя, с младенцем на руках, а вокруг ползали маленькие дети. Работал телевизор.

Диктор сообщал, что президент выставил Фалангии ультиматум: за неделю, ровно за семь дней, снять с боевого дежурства ракеты, нацеленные на Соединенные Штаты. В противном случае Соединенным Штатам не останется ничего другого, как...

Бабушка взяла пульт дистанционного управления и выключила телевизор.

— Я слышала, в городе опять что-то случилось?

— Я первым это увидел, бабушка Кэрри. Именно я сообщил об этом Энди.

— Молодец, — сказала бабушка. — Как обычно, наш пострел везде поспел.

Тут вдруг младший брат Гровера стукнул сестру игрушкой. Девочка захныкала. Младенец на руках бабушки расплакался — обычная сцена в доме Гровера. Его младшие братья и сестры никому не давали покоя. Отец Гровера, мастер на все руки, уходил из дома рано, а приходил поздно. Мать работала в магазине одежды, а детьми занимались бабушка и Гровер после школы. Поэтому времени у мальчика никогда не было, ни на до-

машнюю работу, ни на занятия, которые он считал более важными, чем работа по дому.

- Посмотри, Гровер, я нашла для тебя несколько интересных журналов, — сказала бабушка Кэрри, поднимая с пола стопку журналов. - Вот этот принесет тебе десять тысяч долларов, а этот — автомобиль, который ты сможешь обменять на деньги.

Гровер взял верхний журнал и открыл его на странице, заложенной бабушкой: «Знаменитый тотализатор «Дорфберри». Сотни призов! Главный приз - \$10 ООО». Требовалось собрать пять крышек от коробок с разной крупой «Дорфберри» и заполнить бланк. Это было легко: его семья поедала эти продукты килограммами, и он мог собрать пять крышек менее чем за неделю.

- Для этого журнала ты должен написать маленькую заметку. - Бабушка Кэрри показала Гроверу рекламное объявление: «Почему вы покупаете огурчики Армстронга? Расскажите нам! Сто слов — не больше». В качестве главного приза обещали пятьсот долларов.

- Это хорошо, - сказал Гровер. - Спасибо. Если выиграю, куплю тебе «ка-диллак».

- Лучше купи мне новые шлепанцы. Мои уже порвались.

- Хорошо, - сказал Гровер. Он с радостью купил бы бабушке все, что бы она ни попросила.

В половине пятого пришла с работы мать. Она принесла большой пакет продуктов и выглядела очень уставшей.

- Кто-то шныряет по лесам, - сообщила она, снимая пальто.

- Я знаю, - откликнулся Гровер.

- В лес больше не ходи, - сказала мать, вынимая из пакета коробки и банки. - Побудь лучше дома.

Чуть позже появился отец. Оставил ящик с инструментами на крыльце, он вошел в дом.

- Слышали про кражу со взломом? - спросил он. - Полицейские должны взять винтовки и прочесать лес. Этого негодяя надо поймать.

- Не говори о винтовках! - воскликнула мать Гровера. - Это меня пугает.

- Трудные времена требуют трудных решений, - сказал отец, пожав плечами.

- Щит добра защитит нас лучше, - возразила мать.

- Вот ты и оставайся хорошей, а я буду держать ружье заряженным.

- Наверное, это какой-то бродяга, - заметила бабушка.

- Беда в том, что мы ничего не знаем, — ответил отец. - Это может быть бродяга, а может - разведчик, разнюхивающий, где находятся ракетные шахты, поэтому разобраться нужно обязательно.

Гровер заметил, что отец пришел с работы испачканный. Вероятно, сегодня он занимался сантехникой. Вообще-то он умел делать все, будь то сантехнические работы, столярка или электрика. Его зваливали заказами, поэтому он приходил домой поздно, усталый и ворчливый.

- Я пойду в сарай, — сказал Гровер, направляясь к двери: у него было полчаса до обеда.

- Ты слишком много времени проводишь в сарае, - пробурчал отец. - А уроки? Только не говори, что ничего не задали.

- Задали, но я все сделаю позже.
 - Что у тебя на первом месте - забота о будущем или твое маленькое хобби? Если ты собираешься сделать в жизни что-то полезное, начинать нужно сейчас.
 - Конечно, я собираюсь сделать что-то полезное, — ответил Гровер.
- Судя по тому, как ты тратишь свое время, - вряд ли. - Эту тираду Гровер слышал уже не раз. — Ты должен ставить во главу угла целесообразность. Мир движется к катастрофе, я думаю, мы можем с уверенностью говорить об этом. Но потом, если человечество выживет, потребуются строители, архитекторы, инженеры, и в большом количестве, поэтому учиться нужно как следует.

У Гровера на этот счет были совсем другие мысли. Он собрал книги и ушел в свою комнату, где решил дописать свое заявление, то самое, что могло кардинально изменить его жизнь. Бланк этого заявления Гровер держал в тонком блокноте с синей обложкой, который носил с собой повсюду.

Но куда подевался блокнот? Он принес учебник английского языка, математики,

истории, а блокнота нет. В школе оставил?
Он не мог этого сделать. Так может... В го-
лову пришла жуткая мысль.

Гровер был почти уверен: блокнот лежит
сейчас в траве за домом Хойта Маккоя.

ГЛАВА 8

Трещина в небе

Гровер понял, что должен пойти к дому Хойта вечером и под прикрытием темноты поискать блокнот. От этой мысли за обедом кусок не лез ему в горло. После обеда маленьких детей уложили спать, а родители сели смотреть телевизор. Представитель государства рассказывал о том, что президент установил срок, в течение которого Фалангия должна согласиться с требованиями Соединенных Штатов, и что на случай чрезвычайной ситуации разработаны специальные мероприятия.

- Я побуду на улице, - сказал Гровер.
- Хорошо, - ответила мать, не отрываясь от телевизора. - Возвращайся к половине десятого.

Гровер вышел через кухню, словно направлялся во двор к сараю, но вместо этого обошел дом и зашагал на улицу. «Хорошо, что дождя нет», — подумал он. Дождь испортил бы и блокнот, и бланк. К счастью для Гровера, луна только начала расти и серебряный серпик почти не давал света, а в темноте было легче спрятаться от острых глаз Хойта.

Гроверу хотелось побыстрее довести дело до конца. Если бы он не заполнил заявление, то не стал бы искать блокнот и отоспал бы другое. Но он потратил не один час на шлифовку текста. А кроме того, президент дал Фалангии только неделю. За это время он не успел бы отправить письмо с просьбой прислать еще один бланк, заполнить его и отослать по указанному адресу. Так что не оставалось ничего другого, как отыскать блокнот.

Гровер миновал последний дом на своей улице и повернулся на Воронью дорогу, где было гораздо темнее, потому что дома стояли дальше друг от друга и их окна освещали лишь небольшие участки улицы.

Наконец он подошел к высокому темному дому Хойта Маккоя, в котором на верхнем этаже горело одно окно. Цепляясь за колючие кусты, Гровер пробрался к тому месту, где еще недавно его настиг окрик Хойта.

Где же этот чертов блокнот? В тени деревьев и кустов Гровер ничего не видел. Опустившись на колени, он стал искать на ощупь. Ему попадались камни, комья земли, колючая трава, сухие листья, но не блокнот. Неужели Хойт нашел его и выбросил в мусорный контейнер или какой-нибудь зверек утащил его в свою нору? Гровер даже простонал от отчаяния. Он должен найти блокнот! Иначе он не сможет уехать, даже если у него появятся деньги, а ему надо уехать, от этого зависело его будущее...

Вдруг Гровер нашупал металлическую спираль. Так это же блокнот! Мальчик схватил его и осторожно пролистал страницы, ища незакрепленную. Да, бланк на месте. Все в порядке. Теперь надо выбраться отсюда.

Гровер тихо прошел между деревьями и кустарниками, мимо черного автомоби-

ля Хойта, припаркованного на углу дома, и еще раз, перед тем как выйти на подъездную дорожку, где его не укрывали кусты, посмотрел на дом... И тут у него на глазах свет в окне погас. От неожиданности Гровер скрылся в кустах. Должно быть, Хойт выключил свет и лег спать, а может быть, что-то услышал и теперь взглядывается из окна в темноту. Мальчик решил подождать... и вдруг увидел нечто странное.

За зашторенными окнами первого этажа появился синеватый свет, похожий на лунный, он становился все ярче и ярче. Что это такое? Хойт разом включил двадцать телевизоров или проводит какой-то эксперимент?

Гровер смотрел на окна, а вокруг стихли все звуки, будто ему заткнули уши ватой. В одно мгновение небо над домом Хойта рассекла яркая, тонкая как струна линия. Через секунду она исчезла, а звуки вернулись: шепот ветра в ветвях, далекий крик птиц. Воображение не сыграло с мальчиком злую шутку: он видел длинную узкую трещину в небе, будто оно раскололось,

выпустив свет. Гровер никогда не видел ничего подобного.

Постояв еще несколько минут, он крепко зажал в руке блокнот и бесшумно, словно вышедший на охоту кот, направился к подъездной дорожке. И лишь отойдя далеко от дома Хойта Маккоя, он помчался к Вороньей дороге, а затем к своему дому.

ГЛАВА 9

Дом пророчицы

В субботу Кристал кружила по особняку, что-то проверяя и занося в список неотложных дел. На кухне и в ванных, грея инструментами, работали сантехники, маляры сдирали старую краску с подоконников и укрывали пленкой мебель и пол, а Кристал ходила из комнаты в комнату, раздавая указания.

Иногда приходили люди, чтобы выразить соболезнования в связи с кончиной профессора Грина. Некоторые оказывались очень словоохотливы. Им хотелось побольше узнать о Кристал, и они задавали ей самые разные вопросы: «Вы замужем, дорогая?», «Собираетесь поселиться в Йонвуде?», «В какую церковь вы ходи-

те?», «Вы уже познакомились с миссис Бисон?». В конце концов Кристал вежливо говорила, что у нее очень много дел и она вынуждена попрощаться.

- Я хочу съездить в антикварный магазин, - сказала она Никки, когда они остались одни, - предложу кое-что из мебели. Потом у меня встреча с риелтором, вернувшись к вечеру.

Как только Кристал уехала, Никки помчалась в детскую, где ее ждал Отис. Она отправилась с ним на прогулку, а когда вернулась, пошла на кухню, чтобы сварить себе шоколад. И тут зазвонил телефон. Обычно она не отвечала на звонки. Действительно, кто ей мог позвонить? Когда Кристал уезжала, включался автоответчик, и, как правило, ей звонили рабочие насчет ремонта. Но на этот раз раздался голос Аманды:

— Алло. Э... Это Аманда Стоукс. Я...

Никки схватила трубку:

- Аманда! Это я, Никки.

— Как хорошо. Я не знала что и сказать, боялась, что сообщение прослушает твоя тетя.

- Ты получила работу у пророчицы?
- Получила! Я такая счастливая! Но я звоню, потому что мне нужны мои вещи. Ты можешь мне их принести?
- Конечно, - ответила Никки. - Скажи что.
- Все в моем чемодане, под кроватью. Только книги не приноси. Они мне не нужны. Если хочешь, оставь их себе.
- Ладно. Я могу принести прямо сейчас. Говори адрес.
- Дом двести сорок восемь по Скворцовой улице, - ответила Аманда и объяснила, как туда пройти.

Положив трубку, девочка пустилась в пляс. Она встретится с самой пророчицей!

Никки поднялась наверх и вытащила из-под кровати чемодан Аманды. Открыв его, она увидела нижнее белье, футболки, полосатый байковый халат, слаксы. Среди этих вещей оказались розовый набивной котенок, у которого вытерся весь ворс, и мятая открытка с изображением морского берега. Никки не могла устоять перед искушением прочитать надпись на обороте: «Дорогая Тыквочка! Какое красивое

место! Великолепные пляжи! До скорой встречи. Мама». Судя по дате, открытка отправлена двенадцать лет назад. «Неужели это все, что осталось у Аманды в память о матери?» — подумала Никки.

На дне чемодана она нашла четыре книги карманного формата. Никки взяла одну под названием «Порог страсти». На обложке была нарисована женщина с длинными черными волнистыми волосами в объятиях мужчины. На обложке другой книги, которая называлась «Сердце в огне», мужчина и женщина стояли обнявшись на высоком утесе, а за ними пламенел закат. Никки заинтересовалась книгами и решила, что обязательно их прочитает: возможно, они помогут ей достичнуть цели номер два.

Закрыв чемодан, она спустилась вниз, прошла мимо плотника, ремонтировавшего парадную дверь, и направилась к дому пророчицы.

Утро выдалось ненастным. По небу неслись серые облака, пронизывающий, холодный ветер скреб по тротуару опавшими листьями. Добравшись до центра города,

Никки поняла, что что-то произошло. Повсюду собирались люди и о чем-то возбужденно переговаривались. Проходя мимо аптеки, она увидела толпу, которая слушала по телевизору новости. Еще больше людей собралось у телевизора в магазине видеотехники и в ресторане «Уютный уголок».

«Должно быть, делает очередное заявление», - подумала Никки, увидев на экране президента, но ей не терпелось добраться до дома пророчицы.

Она прошла по Скворцовой улице четыре квартала, пока не добралась до дома двести сорок восемь. Аккуратный, оштукатуренный белый дом с крыльцом был похож на другие дома на этой улице, которые отличались лишь привязанными к забору букетами увядших цветов, ангелами с рождественской ели, изображениями святых и рукописными плакатами. На одном Никки прочитала: «Алтия - наша пророчица!», на другом - «Мы верим!». С крыльца свешивалась кормушка для птиц, но она была пуста, а все окна в доме были занавешены.

Никки позвонила, и через мгновение Аманда открыла дверь.

- Ой, привет! - сказала она и взяла у девочки чемодан. - Спасибо, что принесла.

- Да ладно тебе.

- Ну хорошо, еще увидимся, - быстро, словно прощаясь, проговорила Аманда и отступила назад, закрывая дверь.

- А мне нельзя зайти? - спросила Никки. - Я не могу встретиться с пророчицей? - Никки попыталась заглянуть за плечо Аманды, ей показалось, что в доме были какие-то люди и она слышала их голоса.

- Господи! Нет! - с тревогой произнесла Аманда. - Мне строго наказано никого не впускать.

- А если я только загляну в ее комнату и тихонько поздороваюсь?

- Даже это запрещено. Я не могу впустить тебя в дом. У меня будут неприятности.

- А кто же к ней приходит?

- Только миссис Бисон и ее комитет - преподобный Лумис, мэр, начальник полиции. Один-два человека постоянно в доме.

Сидят и слушают, что она скажет. - Аманда обернулась. - Они и сейчас здесь.

- Сейчас?!

- Да, обсуждают то, что она сказала.

- То есть она с ними разговаривает?

- Скорее бормочет, а они склоняются над ней, слушают, а потом на цыпочках уходят в гостиную и спорят о том, что услышали.

В этот момент к дому подъехал автомобиль.

- Ой, это миссис Бисон! - прошептала Аманда. - Пора возвращаться к работе.

Миссис Бисон вышла из машины и поспешила в дом.

- Извините, дорогие, срочное дело.

- Я должна идти, - сказала Аманда. - Послушай, а как Отис?

- Отлично.

- Я никак не могу собраться с духом, чтобы спросить миссис Бисон, можно ли мне взять его сюда.

У Никки упало сердце - она уже и забыла, что щенок не ее.

- Но не думаю, что она разрешит, - говорила Аманда. - Так что не знаю. А ты...

Никки все поняла без слов.

- Я позабочусь о нем. Мне это не в тягость. Не волнуйся. - Сердце девочки вновь радостно забилось, она попрощалась и направилась на улицу.

Никки торопливо шагала по Скворцовой, миновала парк и вышла на Главную, надеясь успеть послушать хотя бы завершающую часть выступления президента. Подойдя к ресторану «Уютный уголок», она подумала, не спросить ли там у кого-нибудь, что произошло, но в этот момент услышала, как в воздухе что-то зажужжало, словно пролетал пчелиный рой. Люди останавливались и доставали свои мобильные телефоны.

В чем же дело? Может быть, срочные новости от миссис Бисон? Но кого можно спросить об этом?

Никки заметила рыжеволосого мальчика в очках с толстой оправой, который выходил из ресторана, держа в одной руке пончик, а другой прижимая к уху мобильный. Он выглядел ее сверстником, возможно, был чуть старше. Никки решила обратиться к нему:

- Прости, пожалуйста. Ты не знаешь, что происходит?

Мальчик повернулся, посмотрел на нее и нахмурился.

- Подожди, - сказал он, подняв руку с пончиком и внимательно слушая, что говорят по телефону.

Наконец он захлопнул крышку мобильного и спросил:

- Ты кто? Я тебя не знаю.

Никки объяснила, каким образом она оказалась в Йонвуде. Минуту-другую мальчик подозрительно разглядывал ее и пришел к выводу, что она не террористка.

- Я Мартин. Ты слышала выступление президента?

- Нет. А что он сказал?

- Что ж, посмотри. Я записал на свой ДТД.

Мартин нажал на крошечную кнопку, и на миниатюрном экране появился президент. «Осталось шесть дней до конца ультиматума, - звучал его голос, - а Фалангия по-прежнему не склонна к сотрудничеству. Поэтому я прошу всех руководителей ввести в действие планы, разрабо-

танные на случай чрезвычайной ситуации, поскольку вероломное нападение на нашу страну может начаться в любой момент».

Президент говорил об эвакуации, убежищах, перемещении войск и закончил, как всегда: «Давайте помолимся Господу, попросим Его защитить наш народ и даровать успех нашим начинаниям».

- Так вот почему... - начала было Ники, оторвав глаза от экрана, но не договорила, потому что на всей улице внезапно погас свет и одна за другой темнели витрины. - Что происходит? - спросила она.

- Официальное сообщение миссис Бисон, - ответил Мартин. - Она только что передала всем новое указание пророчицы. Видишь ли, пророчица очень долго говорила: «Никаких дамб» или «Никаких ламп», но никто не мог понять, что это значит. И только сегодня миссис Бисон осознала, что правильным будет второй вариант - «Никаких ламп», потому что он соответствует посланию президента.

- Почему?

- Потому что президент предупреждает нас о нападении, которое может случиться

в любую минуту. Если мы выключим все лампы, нас не увидят с воздуха. — Мартин убрал телефон в карман.

Никки оглядела темную улицу. Над головой нависло вечернее небо. Она впервые по-настоящему испугалась, что может начаться война. Наверное, этот страх отразился на ее лице, потому что Мартин сказал:

— Не следует так волноваться. Даже если случится война, нам, скорее всего, ничего не грозит.

— Из-за пророчицы?

- Совершенно верно. У нас, можно сказать, прямая телефонная линия к Богу. Пока мы следуем ее указаниям, все у нас будет хорошо. Даже террорист, который бродит в окрестных лесах, нам не страшен.

- А он бродит?

Мартин кивнул.

- Вчера утром залез в ресторан.

— Это ужасно.

Никки думала, что все преступления остались в большом городе, а в Йонвуде тиши да благодать, но, увы, ошиблась.

Мартин всматривался в нее, словно пытался решить, с кем имеет дело.

- Ты любишь Бога? - спросил он наконец.

Поскольку этот вопрос Никки уже задавали, она не замедлила с ответом:

- Да, люблю.

Мартин улыбнулся, продемонстрировав белые ровные зубы, и Никки заметила, что глаза у него необычного цвета, красновато-карие, что прекрасно сочеталось с рыжими волосами.

- Это хорошо. Мне нужно идти. Еще увидимся.

Он ушел, а Никки стояла на темной улице, под черным небом и радовалась и тревожилась одновременно. Она познакомилась с мальчиком, это шаг к достижению цели номер два. Но миру грозила опасность, отчего цель номер три становилась самой насущной.

ГЛАВА 10

Фотография и дне...

Никки направилась к «Зеленой гавани». За последние два дня произошло так много, что голова шла кругом, и, чтобы успокоиться, она решила немного почитать.

Но первым делом Никки пошла на кухню, чтобы сварить себе горячего шоколада. И вдруг ей пришла в голову мысль, что горячий шоколад - идеальный кандидат для списка дел, от которых она хотела отказаться. Никки любила горячий шоколад, поэтому отказ от него дался бы ей нелегко. Волевое решение укрепило бы ее стремление творить добро, как физические упражнения укрепляют мышцы. Поэтому она заварила мятный чай, поднялась в детскую со стопкой отложенных бумаг и села на диван.

Сначала она взяла старый конверт и достала из него потемневшую фотографию на картонной подложке. На ней были запечатлены двое мужчин и две женщины, сидевшие на скамье, а на полу перед ними — двое детей. Все в старомодных одеждах, с хмурыми лицами, словно были недовольны тем, что фотограф заставил их долго сидеть.

Мужчины показались Никки какими-то странными. Присмотревшись, она поняла, что мужчины очень похожи и соединены друг с другом. Действительно, их связывала толстая перемычка на груди. Вот почему они так странно сидели! Это были не просто близнецы, а сцепленные близнецы или что-то в этом роде. Такие близнецы как-то назывались, но Никки не могла вспомнить как.

Под фотографией кто-то написал: «Господа Банкеры* с женами, гостиившие

*Чанг и Энг Банкеры (1811-1874) - знаменитые сросшиеся близнецы. Много лет гастролировали с цирком П. Т. Барнума под прозвищем «сиамские близнецы» (так называемые близнецы-ксифопаги). В современных условиях их могли бы разделить.

в «Зеленой гавани» 4 июня 1868 г.». Они побывали здесь, в этом доме! Никки долго смотрела на фотографию. Каково это - от рождения до смерти жить присоединенным к другому человеку? Если один болел, второму тоже приходилось лежать. Если один хотел пойти в магазин, а второй - почитать на диване газету, они должны были договариваться и находить взаимоприемлемое решение. Более странной жизни Никки не могла себе представить.

Она положила фотографию в конверт и взяла маленький коричневый блокнот, который принесла ей Аманда и в котором на первой странице было написано имя прадедушки.

Никки перечитала первую запись, где он писал о своих необычных ощущениях:

«10/12. Думаю, это одна из спален второго этажа, та, что у западного конца коридора. Почему там? Вскользнулось какое-то воспоминание? Сказать не могу.

13/12. Чертово бедро так разболелось! Чуть ли не весь день оставался в постели.

19/12. Алтия Т. почти шесть месяцев ничего толком не говорит. Бренда Б. очень тревожится за нее».

Он писал о пророчице! Но следующая запись была совсем о другом:

«27/12. Могут ли прошлое, настоящее и будущее существовать одновременно, а некоторые люди - перемещаться между ними? Нужно посмотреть гипотезы, обсуждаемые в последних научных журналах. Спросить М.».

Гм, что бы это значило?

Никки выглянула в окно. На тротуаре миссис Бисон в дождевике с капюшоном, накинутым на бейсболку, прогуливалась на поводке собаку. «Должно быть, это и есть Сосиска, - догадалась Никки. - Длинное тело и короткие лапы». Миссис Бисон прошла дальше по улице и повернула к кирпичному, старинному, ухоженному дому на противоположной стороне улицы. К парадной двери, выкрашенной белой краской, от тротуара вела прямая дорожка.

Около дома росли два куста, подстриженные в форме шара. «Идеальный дом, - подумала Никки. - В таком и должен жить человек, который стремится очистить Йонвуд от всего неправильного, нехорошего. Ах, если бы так удалось поступить со всем миром!»

Никки проводила взглядом миссис Биссон с Сосиской, пока они не скрылись за белой дверью, потом положила голову на красную подушку, чтобы немного подумать, а открыла глаза, когда за окном уже сгущались сумерки, и снизу ее звала Кристал.

Никки вскочила и выбежала из комнаты, подоткнув под дверь тряпки.

- Ну и денек! - воскликнула Кристал, снимая пальто в холле. - Объездила весь город. А ты что делала? Только читала?

- В основном, - ответила Никки.

- Нашла что-нибудь интересное?

- Да. Этот дом просто набит интересным. Не понимаю, как ты можешь думать о том, чтобы продать его!

Кристал только пожала плечами:

- И что тут интересного?

- Я нашла такую необычную старую фотографию. Подожди, сейчас покажу.

Никки опять побежала наверх. Когда она вошла в детскую, к ней подскочил Отис, и девочке стало жаль его, ведь до утра ему придется остаться одному. Никки присела, погладила щенка, он повалился на спину, вскинув лапы, и она почесала ему живот. Потом она достала из конверта фотографию близнецов и спустилась вниз. Кристал разговаривала по телефону:

- Страйся не волноваться. Я уверена, все у него в порядке. Хорошо. Хорошо. Пока. — И положила трубку. - Звонила твоя мама.

- Но я хотела поговорить с ней!

- Она совсем вымоталась, у нее нет сил даже на телефонный разговор. Просто хотела дать нам знать, что получила еще одну открытку от твоего отца. Я для тебя все записала. - Она протянула девочке листок бумаги.

Никки прочитала:

*«Дорогие Ракель и Никки!
Мы работаем на очень большом объекте.*

*У меня все хорошо. Надеюсь, у вас тоже.
Очень по вас скучаю.*

Люблю, пана.

P. S. С удовольствием съел бы этим вечером пирожок с ореховым маслом, которые так хорошо печет Ракель!»

Опять минимум новостей. И опять этот загадочный постскриптум. Никки не помнила, чтобы ее мать когда-нибудь пекла пирожки с ореховым маслом. Что этим хотел сказать отец?

Кристал прошла на кухню, и Никки последовала за ней.

- Вот эта фотография, - сказала она.
- Ах да! - воскликнула Кристал. - Кажется, я слышала об этом. Эти близнецы Чанг и Энг родились в Сиаме, теперь это Таиланд. От них и пошло название «сиамские близнецы». Они приехали в Соединенные Штаты, их показывали по всей стране, а выйдя на пенсию, они поселились в Северной Каролине, недалеко отсюда. Дедушка говорил мне, что однажды они приезжали в этот дом, во времена его дедушки,

вскоре после Гражданской войны. Должно быть, они оставили фотографию как подарок хозяевам. - Кристал перевернула фотографию. - Ты только посмотри! - вскричала она. - Они расписались на ней.

На обороте старомодным почерком было написано: «С благодарностью за ваше гостеприимство», а рядом - две подписи.

- Если надпись подлинная, эта фотография может принести неплохие деньги, - заметила Кристал.

- Интересно сколько? - полюбопытствовала Никки.

- Понятия не имею. Не миллионы, конечно, но что-то за нее дадут.

- Как я понимаю, эти два мальчика - их дети? - спросила Никки, снова посмотрев на фотографию.

- Да, - ответила Кристал. - Если не ошибаюсь, у каждого из них родилось чуть ли не по десять детей.

- Это же трудно, быть женой сиамского близнеца!

- Безусловно. Теперь я вспоминаю, что женщины эти - тоже сестры, которые еще и не ладили друг с другом, поэтому близ-

нецы купили себе два дома и поочередно жили то в одном, то в другом. - Она покачала головой. - Удивительно, не правда ли? И как им только удавалось договариваться? - Кристал открыла буфет и достала банку томатного супа. - Съедим на обед суп? - спросила она. - Я слишком устала, чтобы готовить.

- Хорошо, - согласилась Никки и подумала, не рассказать ли Кристал о пророчице, о миссис Бисон и ее попытке построить щит добра, чтобы бороться с силами зла, но промолчала. Кристал могла решить, что Никки не следует участвовать в этой борьбе и что она нуждается в более жестком контроле, а этого Никки совершенно не хотелось, поэтому она ограничилась одним вопросом: - Кристал, как, по-твоему, война будет?

- Не знаю, - ответила Кристал. - К счастью, я слишком занята, чтобы много думать об этом. - Она бросила взгляд на девочку: - И ты не думай. Мы все равно ничего не можем изменить.

- Просто жить, служа добру, да? Не давлять зла, как ты говорила.

- Вот именно. - Кристал открыла банку и вылила суп в кастрюлю.

- А если все будут жить служа добру, может, ничего плохого и не случится.

Никки заметила, что Кристал не слушает ее. Она подставила банку под кран, но напор воды был плохой.

- Что-то вода еле течет. Наверное, где-то прорвало трубу. И сантехники приходили сегодня! Только все испортили, вместо того чтобы наладить. А завтра, естественно, воскресенье, и их не найдешь. — Кристал вздохнула. - И еще столько дел! Наверное, мне пора подняться на третий этаж, там я еще не была.

Сердце Никки чуть не выпрыгнуло из груди.

- Там комнаты, набитые коробками и ящиками. Тебе совершенно не обязательно смотреть на них.

- Нет-нет, надо посмотреть, - сказала Кристал, помешивая суп. - Я должна осмотреть весь дом, чтобы знать, что мы продаем. Но, конечно, не сегодня. Завтра с утра. - Она достала две тарелки. - Уже темнеет. Зажги, пожалуйста, свет.

И тут Никки вдруг вспомнила, что следовало сделать:

- Мы должны задернуть шторы и опустить жалюзи.

- Зачем?

- Чтобы нас не увидели сверху в случае воздушной атаки. - Она опустила жалюзи на окнах кухни.

- Не думаю, что это необходимо. Но, если ты из-за этого волнуешься, давай так и сделаем.

ГЛАВА 11

Слабые места

Утром, как только Кристал помыла посуду и пошла в ванную, Никки побежала наверх, посадила Отиса на поводок и стала спускаться с ним. Она прошла на цыпочках мимо спальни Кристал, откуда доносилось мерное гудение фена, и выскочила из дома через черный ход.

В глубине сада она привязала поводок к дереву и наказала щенку:

- Сиди тихо, Отис. Я приду за тобой, как только смогу.

Вернувшись в дом, Никки тихо прошла мимо спальни Кристал и поднялась в детскую. Едва она успела спрятать миски и собачью еду в ящик со старыми игрушками, который стоял в шкафу, и сорвала с двери

одеяло, как услышала шаги на лестнице и голос Кристал:

- Ты наверху?

Никки показала тете две комнаты, превращенные в склад ненужных вещей.

- Ужас! - воскликнула Кристал, когда увидела облепленные паутиной ящики, сундуки, коробки. - Они ничего не выбрасывали. От одного вида этого безобразия у меня разболелась голова! - сказала она и направилась к детской. — А здесь что?

- Большую часть времени я проводила в этой комнате.

Кристал вошла, посмотрела на ковры, на одеяла, развешанные по стенкам, кресла-качалки, торшер.

- Моя работа! - гордо произнесла Никки. - Хотела создать уют.

Кристал улыбнулась.

- Что ж, здесь уютно. Очень милая комната. Хотя запах какой-то странный, - поморщив нос, сказала она. - Наверное, под крышей живут крысы. Надо бы пропустить. - Она подошла к окну и распахнула его. Снизу донесся собачий лай, но Кристал не обратила на это внимания. -

Когда будем продавать дом, скажем, что эту комнату можно использовать как домашний тренажерный зал или как кинотеатр. Если поставить здесь экран, а сюда - кресла, получится очень неплохо. Что скажешь?

Но ответа Кристал дожидаться не стала: наверное, догадывалась, что Никки опять будет возражать против продажи дома, и сказала, что подумает об этом позже, а сегодня, в воскресенье, собирается на прогулку с Леном.

- Полагаю, тебе ехать не хочется? - спросила Кристал.

- А кто такой Лен?

- Риелтор.

- Ясно. Нет, тогда не хочется.

Как только Кристал уехала, Никки пошла за Отисом и долго играла с ним, чтобы компенсировать его ссылку в сад. Сначала щенок играл ботинком, но совершенно изжевал его, и Никки нашла в ящике с игрушками старый теннисный мячик. Отис очень обрадовался ему, но с трудом удерживал его в зубах и выглядел так, словно пытался проглотить грейпфрут.

Никки решила, что этот день она должна потратить на знакомство с Йонвудом. Все-таки этому городку предстояло стать ее домом, если ей удастся реализовать цель номер один. К тому же, гуляя по городу, она намеревалась отыскивать грешников, слабые места в возводимом щите добра и проще, что казалось ей неправильным. Если она собиралась достигнуть цели номер три, ей требовалось четко понимать, что хорошо, а что - плохо. А еще она хотела увидеться с Мартином. Если бы она случайно встретилась с ним, они могли бы поговорить. А вдруг он окажется именно тем, в кого она могла бы влюбиться (цель номер два), он симпатичный и вроде бы дружелюбный.

Никки пошла по Главной улице мимо школы, которая в этот день, в воскресенье, пустовала. Хотя утро выдалось холодным и ветреным, небо было ясным и ярко светило солнце. На школьном дворе мальчишки играли в баскетбол. Мартина среди них не оказалось.

Миновав несколько кварталов, Никки дошла до центральной части Йонвуда. Ма-

газины работали не все, и темные витрины выглядели неприветливо, как пещеры. Люди толпились около телевизоров, чтобы посмотреть новости. Никки уловила обрывки фраз: «До установленного срока остается пять дней...», «Посла убили», «Группа, называющая себя «Воинами Аллаха», заявила...». Никки забеспокоилась, она обратила внимание, что многие нервничали. Одна женщина сказала, что от такого напряжения сходит с ума, другая - что с ней происходит то же самое и призывают верить в то, что с ними все будет хорошо. Никки ускорила шаг, чтобы ничего не слышать.

Пройдя еще полквартала, она услышала странное гудение, которое однажды уже слышала и которое так удивило ее. Что же это за звук? Может быть, так гудит двигатель какого-нибудь припаркованного автомобиля? Никки огляделась и заметила какое-то движение в переулке...

Никки встретила двух человек, которые смотрели выступление президента у аптеки, - невысокого лысого мужчину и седовласую женщину.

- Вы слышали этот странный звук? - спросила Никки. - Что это было?

Ей не ответили. Мужчина бросил на нее подозрительный взгляд, а женщина поджала губы, покачала головой и злобно глянула на девочку:

- Почему ты не знаешь? Ты кто? - Но, не дожидаясь ответа, подхватила мужчину под руку, и они торопливо ушли.

Никки словно влепили пощечину. Ей ясно дали понять, что спрашивать об этом нельзя. Но почему?

Никки пошла дальше и вышла к церкви, которую они с Кристал видели, когда приехали в город. Теперь ее называли «Церковь огненного откровения», но Никки смогла разобрать и прежнее название, которое было закрашено: «Общественная церковь Йонвуда». На щите белел листок с объявлением: «Сегодняшняя проповедь: «Объединяйтесь в тяжелые времена». Около церкви толпились прихожане. У многих были такие же значки-пуговицы, какие Никки видела у миссис Бисон. В распахнутых дверях стоял мужчина с тонким лицом, в темно-синей, отороченной белым

мантии. «Это, наверное, преподобный Лумис», - подумала Никки. Рядом с ним стояла миссис Бисон - Никки едва узнала ее, - она что-то говорила всем, кто заходил в церковь. Никки помахала ей рукой, и та широко улыбнулась ей.

Когда Никки шла обратно по другой стороне улицы, она поняла, что строить щит добра совершенно непросто. Какой-то старик, выходя из парка, плунул на тротуар. А маленький мальчик дергал кошку за хвост. Никки сделала ему замечание, но он только злобно посмотрел на нее. Около кинотеатра она увидела трех курящих подростков. Никки не смогла однозначно истолковать их действие. Курить — это плохо? Или курить нельзя только детям? Она решила спросить об этом у миссис Бисон.

Никки шла по улице и смотрела на дома и людей. Она увидела женщину, которая сидела на крыльце и читала газету. Несколько детей играли с мячом. Никто не делал ничего плохого. Действительно, Йонвуд казался ей гораздо лучше, чем грязная, захлебывающаяся в преступлениях Филадельфия. Должно быть, местные жи-

тели старались следовать наказам пророчицы, и результат давал о себе знать.

Впереди Никки увидела участок, как ей показалось, заброшенный, огороженный проволочным забором, а за ним заросли кустарника и высокие деревья. В глубь участка уходила усыпанная гравием дорожка. На стойке был прикреплен почтовый ящик, на котором черными буквами было написано: «Х. Маккой, Воронья дорога, 600». А рядом на дереве была прибита деревянная табличка: «Посторонним вход воспрещен». Фамилия Никки ничего не говорила, хотя миссис Бисон упоминала этого человека: по какой-то причине он ее очень тревожил. Никки показалось, что над зарослями кустов возвышался конек крыши. А может, так причудливо ложились отбрасываемые ветвями тени. Наверное, стоило пойти и посмотреть, чем там занимается этот Х. Маккой? «Не сегодня, как-нибудь в другой раз», - решила она и зашагала дальше.

Вскоре Никки из любопытства свернула в переулок, в котором стояло несколько домов. В одном доме она услышала, как жильцы бралились у открытого окна,

оскорбляя друг друга. Наверное, их следовало записать в грешники.

Следующий дом явно нуждался в покраске, он стоял на участке с фруктовыми деревьями, который был огорожен сетчатым забором, а к нему примыкал сарай.

Жизнь на этом участке была ключом. Двое малышей с визгом бегали друг за другом. Похоже, один мальчик хотел отнять у другого игрушечный грузовик. Вдруг в открытое окно выглянула пожилая женщина и крикнула: «Хватит галдеть!» — но мальчишки не обратили на нее ни малейшего внимания.

Никки наблюдала за ними, осторожно выглядывая из-за сарая. Малыш наконец выхватил игрушку из рук брата, и тот запопил во весь голос. Тут появилась девочка четырех-пяти лет и презрительно посмотрела на плаксу, а вслед за ней из дома выскоцил мальчик, на вид ровесник Никки или немного старше, с курчавыми светлыми волосами, большими ушами, худой, но, похоже, сильный.

- Ну что, Родди, остался без грузовика? Хочешь стать самолетом? - сказал он и, схватив малыша за ручки, стал кружить

его. Слезы тут же перешли в радостный смех.

- Я тоже хочу полетать! - закричал второй мальчик, и их старший брат покружили его, а за компанию и девочку.

- А теперь хватит галдеть, — повторил он слова бабушки. - В доме полно игрушек. Пошли отсюда.

- Не хочу!.. - захныкал маленький мальчик, у которого отняли грузовик.

- Быстро! - оборвал его старший брат. - И оставьте меня в покое.

Никки думала, что парень тоже пойдет в дом, но он направился к сараю. Она быстро спряталась. Парень повозился с дверью, возможно, отпирал замок, а потом вошел в сарай.

Вероятно, в этот момент Никки следовало уйти. Что она могла найти тут нехорошего? Но, как обычно, любопытство взяло верх. Что он собирался делать в этом почти развалившемся сарае? Никки могла это увидеть, оставшись незамеченной, через пыльное окно. И она перебралась к окну.

ГЛАВА 12

В сарае

В воскресное утро наконец-то выдался солнечный денек. Отец возился в гараже, мать ушла в церковь, и у Гровера появилось время, которым он мог свободно распорядиться.

Когда маленькие дети позавтракали, он отправил их во двор, сказав: «Пойдите побегайте. На улице сегодня солнечно». И, пока они бегали по двору, посидел с бабушкой Кэрри на кухне. В этот день она надела клетчатую байковую рубашку, старый зеленый свитер, оранжевые тренировочные штаны, толстые носки и желтые шлепанцы с вышитыми утками.

- Посижу на крыльце, - сказала бабушка, отпивая кофе. - Погреюсь на солнышке.

- Надень шапку, - предложил Гровер. - На улице холодно.

- Обязательно, - откликнулась бабушка. - Надену желто-зеленую, которую связала мне твоя мать.

Гровер улыбнулся. Бабушку не заботило, как она выглядит. Она могла носить самые разные вещи и иногда была похожа на груду цветного белья, поверх которой положили шарик для пинг-понга. Его мать частенько пыталась убедить бабушку одеваться иначе, но Гроверу нравилась его бабушка: она разительно отличалась от других городских старушек.

С улицы донеслись отчаянные крики. Бабушка встала из-за стола, открыла окно и крикнула:

- Хватит галдеть!

- Я разберусь с ними, - сказал Гровер.

Он снял с крючка куртку и вышел во двор. Несколько минут он поиграл с малышней, а потом завел их в дом и направился к сараю.

Дверь в сарай закрывалась на наборный замок, код которого знал только он. Нажав нужные кнопки, Гровер снял замок, от-

крыл дверь и, переступив порог, сразу же закрыл ее за собой.

На стене висели ржавые садовые инструменты. Гровер выбросил старые цветочные горшки и полупустые мешки с удобрениями, прибил к стене широкую полку, на которую поставил два стеклянных ящика, и, оборудовав их подставкой с подогревом и лампами, поселил в них свои сокровища - змей.

— Как поживаете, мои красавицы? — тихо проговорил Гровер, наклонившись над ящиками.

Змеи зарылись в сухие листья и куски коры, которые толстым слоем лежали на дне ящиков, поэтому в одном он с трудом увидел маленький участок яркой чешуи, а в другом — торчащий кончик хвоста.

Гровер проверил температуру: тридцать градусов в одном, двадцать шесть и семь — во втором, все как положено. Он снял стеклянную крышку с ящика и положил ее на полку. Осторожно сунув руку в ящик, он ухватил змею у головы и поднял ее в воздух. Она извивалась, скручиваясь, расправляясь, вновь сворачивалась,

словно живая веревка. По ее телу, сменяя друг друга, бежали кольца белого, черного и ржаво-красного цвета. На маленькой головке блестели черные глазки, а из пасти то и дело выстреливал язык.

- Скоро, очень скоро я принесу тебе обед, - проворковал Гровер, - может, завтра или послезавтра. Что-нибудь вкусненькое. - Он поднял змею еще выше и посмотрел ей в глаза: - Идет?

Змею звали Фэнг. Гровер нашел ее летом, когда она спала у скалы в лесу. Ему впервые удалось поймать молочную змею, и он очень гордился собой. Уже почти восемь месяцев она жила у него в террариуме, живая и здоровая. К счастью, зимой ей не требовалась частая кормежка. Добыча пищи для нее доставляла ему немало хлопот, потому что он не мог заказывать все необходимое в компании, поставлявшей корм для рептилий. Из десятков змей, которых он поймал за последние три года, эта жила у него дольше всех. Если он не мог обеспечить своих змей пропитанием или они начинали выглядеть больными, Гровер отпускал их в лес.

Он намеревался стать экспертом по змеям. Четыре года назад, когда ему было девять лет, в лесу змея выползла из кустов и пересекла тропинку у его ног. Он остановился и как зачарованный наблюдал за странным и прекрасным существом, которое скорее вызывало у него восторг, чем пугало. Остаток лета он провел в лесу, заглядывая под камни, бревна и ямы в надежде найти змею и принести домой, чтобы изучать ее жизнь. Он пошел в библиотеку и составил список книг о змеях, а в Интернете обнаружил множество ссылок с информацией и картинками. Очень скоро Гровер знал о змеях больше, чем любой житель Йонвуда.

Он рассказывал о своем новомвлечении родителям, бабушке, своему другу Мартину. Но у родителей всегда было немало дел, а Мартин не понимал, что может быть интересного в этих грязных, скользких тварях. Только бабушка слушала его. Она говорила, что это прекрасная идея - изучать змей, при условии, что он не будет показывать их ей, и предупредила, что завоет, как пожарная сирена, если увидит рядом с собой змею.

И теперь Гровер никому не рассказывал о змеях. Он устроил в сарае жилье для них и все заработанные деньги тратил на змей. Он поймал и держал у себя уже тридцать семь змей, и только две умерли в неволе. Теперь он знал все виды змей, которые жили в этих краях, и его аппетиты росли. Появились планы на будущее, а для их реализации требовались деньги, но он уже знал, как их раздобыть. Надо только немного подождать...

Он сказал об этом своей змее:

— Успех близок, Фэнг. Можешь не сомневаться. Скоро все увидишь.

Он снял крышку со второго ящика, где содержался Лакричный Кнут, краснобрюхий водяной уж, которого он поймал всего несколько недель назад. Гровер достал его и смотрел, как змеи извиваются, оплетают его запястья, скользят по руке, поднимают маленькие элегантные головки, словно собираются что-то сказать.

Внезапно Гровер услышал шум, а потом удар о стену сарая. Он посмотрел на пыльное окно и уловил какое-то движение. Там кто-то был. Гровер быстро вернул змей

в терраиумы и накрыл их крышками. Выскочив из сарая, он побежал к калитке в сетчатом заборе и увидел, как по переулку кто-то убегал, но Гровер не мог разглядеть, кто это был. Он не кинулся в погоню, решив, что это был Мартин, который раньше дружил с ним, а нынче пытался поймать за каким-нибудь запрещенным занятием.

- Что с ним случилось? - в недоумении спросил Гровер у Фэнга и Лакричного Кнута. - Чем я ему не угодил?

Он достал Фэнга из стеклянного ящика, посадил себе на плечи, вытащил старые листья и насыпал новые. Вдруг дверь открылась, и в сарай заглянул отец.

- Есть срочная работа. Труба потекла. Мне понадобится твоя помощь.

Гровер вздохнул, отправил Фэнга в терраиум, вышел из сарая, запер дверь на замок и последовал за отцом в дом.

ГЛАВА 13

Идеальная гостиная

Никки ударились о стену сарай, когда ее нога соскользнула с камня. Она увидела, как мальчик повернулся к окну, и бросилась бежать в город, пока не убедилась, что ее никто не преследует.

Никки была поражена увиденным: мальчик держал в руках змей, с обожанием смотрел на них, а змеи извивались и высовывали свои черные языки.

Она никогда в жизни не видела живую змею. Разве змеи не ядовитые? Разве это не опасно, держать змей рядом с домом, где живут маленькие дети? Никки охватило волнение. Похоже, она нашла слабое место. Ей вспомнились слова миссис Бисон: «Ты чувствуешь, что что-то здесь

не так. Ты это просто чувствуешь». Мальчик со змеями определенно вызвал у нее неприятные чувства. Никки прибавила шагу: миссис Бисон наверняка уже вернулась домой из церкви, а у нее накопилось к ней столько вопросов.

Никки с волнением нажала на кнопку звонка, и за дверью дома миссис Бисон зазвонил колокольчик. Может, следовало договориться о встрече заранее?

Но дверь открылась, и на пороге появилась хозяйка. Она была в той же одежде, в которой ходила в церковь, а к уху прижимала телефон ДТД. Ее сопровождала Сосиска, которая принялась обнюхивать обувь Никки.

- Секунду, Ралф. — Миссис Бисон оторвалась от телефона и улыбнулась Никки. — Заходи, милая. Я сейчас закончу разговор.

Никки вошла. Пока ждала, она вновь обратила внимание на синий значок-пуговицу, приколотый к свитеру миссис Бисон. Что это за рисунок на значке? Вроде бы высокий, узкий дом, как... Ну, ко-

нечно, это башня. Пророчицу звали Алтия Тауэр*.

- Значит, так, Ралф, - продолжила миссис Бисон. - Ты должен мне доверять. Нам нужно, чтобы все следовали за нами, и, если для этого потребуется пойти на необычные меры, мы на них пойдем, потому что и времена необычные... Я знаю, знаю, но так она сказала. Я уверена. Да, да. Хорошо. Увидимся. - Миссис Бисон выключила телефон и повернулась к Никки. - Иди сюда, - позвала она Никки и направилась в гостиную.

Никки было любопытно, как выглядел дом миссис Бисон внутри - таким же идеальным, как и снаружи, или нет. Теперь она убедилась, что ей никогда не доводилось видеть такой уютной и красивой гостиной. Большой белый диван стоял напротив двух синих кресел, на кофейном столике - блюдо с булочками и три книги, сложенные аккуратной стопкой. Верхняя была в черном переплете и с золотым тиснением, наверное, религиозная книга. На стенах ви-

* Tower (*англ.*) - башня.

сели три цветные фотографии, на которых у горного озера был запечатлен молодой мужчина с веснушчатым лицом в солдатской форме вместе с Сосиской.

- Это мой муж, - пояснила миссис Бисон. - Он погиб двадцать три года назад в Войне пяти наций.

На каминной доске стояла ваза с искусственными розами рядом с коробкой в виде сердца. В гостиной царил идеальный порядок. Здесь не висела одежда на спинках стульев, не валялись журналы на столах и обувь на полу - здесь вообще ничего не валялось, в отличие от «Зеленой гавани».

Тихо играла музыка.

- Миссис Бисон, я хочу кое-что у вас спросить.

- Конечно, милая, - сказала миссис Бисон. - Присядь. Возьми булочку.

Никки села на диван. Миссис Бисон уже устраивалась напротив в одном из кресел, когда в гостиную с мерным гудением вкатился какой-то агрегат, по форме напоминавший колокол. Сосиска взвизгнула и тут же прыгнула на колени к хозяйке.

- Не обращай внимания, это робот-пылесос, — сказала миссис Бисон. - Когда он приблизится, просто подними ноги. Со-сиска боится его, но я думаю, что это отличная машина. Я запрограммировала его на уборку дома через день.

Никки с интересом наблюдала, как робот пылесосит ковер.

- Здорово! - воскликнула она и взяла с блюда булочку.

- Да. Мне кажется, что многие технические новинки очень полезны. Вот, например, мой ДТД. Он может фотографировать, снимать видео, посыпать электронные письма, записывать телевизионные передачи, получать последние новости, определять ядовитые вещества, сличать отпечатки пальцев... и многое другое. Если бы он еще мог выискивать плохое! - Миссис Бисон рассмеялась. - Надеюсь, со временем он и это сможет делать. Так ты что-то хотела спросить?

- Да. - Никки положила на столик недоеденную булочку и рассказала миссис Бисон о старом сарае и мальчике, который возился со змеями. - Я не уверена, грешник он или нет.

- Змеи? - Миссис Бисон подняла ноги, когда робот-пылесос подкатился к ее креслу. - И где ты это видела?

Никки объяснила.

- Интересно. В последние месяцы я прочитала много духовной литературы и не встретила ни одного доброго слова о змеях.

- У меня возникали и другие вопросы, - вновь заговорила Никки. — Я видела, как маленький мальчик дергал кошку за хвост, а девочки-подростки курили... Я не уверена, что это плохо. Еще какие-то люди кричали друг на друга на Триллиумной улице, наверное, ссорились.

- А адрес какой? - спросила миссис Бисон.

Никки описала дом.

- И этот человек...Хойт Маккой!-сказала миссис Бисон, вдруг воодушевившись.

Пылесос укатил в другую комнату, и миссис Бисон опустила Сосиску на пол.

- Так, и что ты можешь о нем сказать?

- Проходя мимо его дома, я увидела в глубине участка какие-то странные тени, словно черные призраки. У меня аж мурашки побежали по коже.

- Гм. — Миссис Бисон нахмурилась. — Действительно, очень интересно.

- Я знаю, подглядывать и подслушивать — это плохо. Наверное, мне не следовало этого делать, но...

Миссис Бисон подняла руку и серьезно посмотрела на Никки.

- Послушай, милая. Ты все сделала правильно. И я хочу, чтобы ты это запомнила. Когда ты знаешь, что твои деяния — на благо Господа, ты вправе делать все что угодно. Повторяю, все что угодно.

Никки словно током ударило. Наверное, только так и становятся святыми: идут на все ради Господа. Она подумала о святых, которые принимали мученическую смерть, о храбрых героях, которые сражались с чудовищами. Конечно, дети не могут уподобляться им. Но часто, во всяком случае в книгах, ребенок сокрушал тьму. И Никки переполняло сильное желание нести добро в мир, по крайней мере в Йонвуд.

Миссис Бисон встала.

- Ты мне очень помогаешь, милая. Ведь у нас с тобой одна и та же мечта — чистый,

светлый мир, где все знают, как себя вести!
И это будет прекрасный мир, не так ли?

Никки кивнула, представив себе мир без страхов и войн.

- Чем больше слабых мест мы обнаружим, тем крепче будет наш щит добра, - твердым голосом произнесла миссис Бисон. - Помнишь, как я говорила, что одна заплесневелая ягода может испортить корзинку клубники? Мы не позволим, чтобы такое случилось. Мы сделаем все, чтобы в этом городе не осталось места злу. И скажу тебе откровенно, милая, я смогу этого добиться. С виду я, может, и мягкая, но воля у меня железная.

- Вы - проповедница, миссис Бисон? - спросила Никки.

- Нет, нет. Я на пенсии, но не могу сидеть сложа руки, понимаешь? - Она рассмеялась. - Весной я тренирую школьную команду девушек по бейсболу, а еще руководжу группой по изучению Библии, организую субботник по уборке территории. Возможно, буду баллотироваться в мэры. Мне нравится заниматься сразу несколькими делами.

Они направились в холл, где на вешалке в виде дерева висело несколько шляпок.

- У вас все время звучит музыка, - заметила Никки, - а я так и не поняла откуда.

- Ой! - Миссис Бисон улыбнулась. - Это моя музыкальная шкатулка! - Она вернулась в гостиную и принесла коробку в форме сердца. - Тоже высокие технологии. Питается от какой-то батарейки с неограниченным сроком службы, кажется, на плутонии. Работает и работает. Здорово, правда?

- Да, - согласилась Никки.

Миссис Бисон открыла парадную дверь, и они вышли из дома.

- Спасибо тебе большое. Если заметишь что-то еще, приходи. - Она улыбнулась, и Никки, испытывая чувство гордости, пошла домой.

По дороге в «Зеленую гавань» она вдруг ощутила угрызения совести, ведь никаких черных призраков около дома Хойта Маккоя она не видела и вообще не заметила на его участке ничего плохого. Но тогда она почувствовала какое-то отторжение. А обо

всем остальном она говорила миссис Бисон правду.

Едва Никки переступила порог особняка, как зазвонил телефон. Она сняла трубку.

- Хорошо, что это ты, - раздался в трубке голос Аманды. - Я вспомнила, у меня остался ключ от дома. Я хочу его отдать.

- Хорошо. Принеси, когда тебе будет удобно. Аманда, есть что-нибудь новенькое от пророчицы? Ей получше?

- Нет, она такая же, как и всегда, грустная и тихая. По-прежнему что-то неразборчиво говорит, а иногда уходит.

- Уходит?

- Да, ходит, словно во сне, как лунатик. Идет во двор, и мне приходится бежать за ней.

- Она пытается куда-то пойти?

- Не знаю.

- И я по-прежнему не могу познакомиться с ней? Мне так интересно, Аманда! Может, я смогу разобрать, что она говорит.

- Сомневаюсь, - ответила Аманда. - Если уж миссис Бисон не может, не понимаю, как тебе это удастся.

- Но мне хочется на нее взглянуть. Как она выглядит?

- Выглядит больной. Черные круги под глазами. — В голосе Аманды слышалось нетерпение. - Я должна идти.

Почти час Никки провела в «Зеленой гавани» одна. Ей нравилось оставаться в доме одной. Она бродила по тихим комнатаам, как старатель в поисках золотой жилы. Ее интересовало все старое, а особенно — написанное и напечатанное. На третьем этаже она доставала из ящиков столов, с полок шкафов, из сундуков и коробок пачки писем, программки давно забытых спектаклей, журналы, бухгалтерские книги, списки гостей, открытки. Никки сидела на полу и рассматривала эти бумаги, долетевшие до нее через пропасть времени, которые, казалось, говорили ей от лица тех, кто оставил их на бумаге: «Помни нас. Мы здесь жили. И были такими же, как ты».

Отис сидел рядом с ней, тыкался носом в ее руку, требуя, чтобы она поиграла с ним, а иногда засыпал, распластавшись на животе, как лягушка.

Кристал все не возвращалась, и Никки решила вывести Отиса на прогулку.

Выходя из дома, она обнаружила, что дверь в подвал приоткрыта. Вероятно, сантехник зашел туда, чтобы проверить водопровод. Подвал давно интересовал ее, и она решила заглянуть туда. Взяв Отиса на руки, Никки открыла дверь и переступила порог. Сантехник зажег свет - тусклая лампочка под потолком осветила каменные ступени.

ГЛАВА 14

Встреча в подвале

Подвал поразил Никки размерами: помещение с низким потолком далеко уходило в темноту. Вдали горела еще одна лампочка. Может быть, здесь работал тот самый сантехник? Никки хотела крикнуть: «Есть тут кто-нибудь?» — но заполнившая подвал тяжелая тишина испугала ее, и она не смогла открыть рот.

В подвале пахло сыростью и землей. Как только глаза приспособились к темноте, Никки увидела груды старой мебели: там валялись столы, стулья, табуретки, комоды, кровати с горой матрацев, гардеробы с зеркалами, лампы и что-то еще, завернутое в простыни. И всюду — оседавшая десятилетиями пыль. С потолка сви-

сала паутина, которая то и дело цеплялась за волосы и лицо Никки.

Девочка шла по проходу между кучами мебели и внезапно услышала какой-то скрип и шорох.

Никки остановилась и затаила дыхание. В темноте ничего не было видно. Вдруг кто-то крикнул:

- Папа, это ты?

- Нет, - со страхом ответила Никки, и сердце у нее, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Снова послышался скрип, и из-под стола вылез мальчик с паутиной в волосах.

- Я знаю, кто ты, - сказал он, сложив лодочкой ладони, словно что-то прятал в них. - Ты внучка старика.

- Правнучка, - поправила его Никки.

- А это кто? - Он указал на Отиса, который рвался из рук Никки.

- Это Отис. Хозяйка попросила меня заботиться о нем. А ты кто?

- Гровер, - ответил мальчик. - Мой отец ремонтирует трубы.

- А что ты тут делаешь?

Мальчик шагнул к ней и проговорил:

- Лежу в засаде! Чтобы доверчивые существа попали в мою западню!

Никки вскрикнула, но тут же пожалела об этом, потому что мальчишка рассмеялся, увидев, что напугал ее.

- Я уже поймал одно доверчивое существо. - Он поднял сложенные лодочкой ладони. - Оно теперь в плену, ожидает своей участи.

- И кто же это?

Он шагнул к ней, но Никки отпрянула: вдруг в ладонях у него паук?

- Я покажу тебе, если ты не испугаешься. - Гровер вытянул перед собой руки и приоткрыл ладони.

Никки увидела что-то маленькое и розовое. Отис вытянул шею и принюхался, девочка положила ему на мордочку руку.

- Это мышонок! - воскликнул Гровер. - Их было восемь штук в норке около трубы отопления.

- Дай посмотреть, - попросила Никки.

Гровер поднял к свету руки, и Никки увидела крошечного безволосого, с почти прозрачной кожей зверька, с маленьки-

ми, подрагивавшими лапками и слепыми глазами.

- Зачем ты его взял? - спросила она.
- Он нужен для моей змеи.
- Что?
- Чтобы змея поела.

Никки в изумлении вскинула глаза на мальчика.

- Ты мне не веришь? - спросил он.
- Я тебе верю. Но мне это не нравится, - сказала Никки и направилась к выходу.

Гровер поднялся за ней по лестнице. Никки опустила Отиса на землю, и тот обнюхал ноги мальчика.

- А откуда взялся пес? - спросил Гровер.
- Меня попросили позаботиться о нем некоторое время, - ответила Никки. - Никто не знает, что он живет здесь. И ты, пожалуйста, никому не говори.

Гровер откинул голову и закричал:

- Эй, все, кто меня слышит, знайте, что здесь...

- Прекрати! - взвизгнула Никки.

Мальчик рассмеялся.

- Я сохраню твой секрет. Но теперь ты у меня в долгу.

- Ты действительно хочешь скормить мышонка змее? — спросила Никки.

- Да. - Гровер скривил гримасу. - Потому что я зло-о-о-бный и ужа-а-а-сный. - И дико захотал. - Я хуже... - зашептал он, - Хойта Маккоя. Ты слышала о нем?

Никки кивнула, почувствовав отвращение.

- У тебя паутина в волосах, — сказала она и пошла прочь.

«Как же не повезло, — думала Никки. — Встретилась с мальчиком, могла бы с ним подружиться... И на тебе — это, оказывается, тот самый мальчик со змеями, да еще похититель и убийца мышат». Нет, в такогоне влюбиться никак не могла.

Никки поднялась наверх и решила почитать, пока не вернется Кристал. Включив лампу, она взяла дневник прадедушки. У ее ног улегся Отис, повизгивая и дергая лапами во сне.

«2/1. Ноги ослабли и болят. День провел за чтением научных журналов. Заинтересовался идеей дополнительных измерений

и других миров. Поговорил об этом с М., но, разумеется, ничего не могу понять».

«Что все это значит? О каких дополнительных измерениях идет речь? Кто такой М.?» - подумала Никки и продолжила чтение.

«4/1. Необъяснимое происшествие прошлым вечером. Пошел в спальню, чтобы взять ножницы. Кажется, там кто-то есть за кроватью. Чья-то фигура в юбке. На меня нахлынула страшная печаль. Я чуть не упал, если бы не схватился за ручку двери. Фигура исчезла, словно растворялась в воздухе. Может, у меня что-то с глазами или с сердцем?»

Прадед умер в девяносто три года. Наверное, тронулся головой, думая, что видит призраков. Никки продолжала читать дальше:

«19/1. Сегодня приходила Брендя Б. Была очень взволнованна. Пыталась понять, что говорит Алтия и что с этим нужно делать.

Твердила, что штудирует все религиозные книги, которые только может достать, чтобы понять слово Божье. Я процитировал ей святого Августина: «Если ты что-то понимаешь, это не Бог». Угостил ее ромашковым чаем».

Запись показалась Никки загадочной, и она заинтересовалась следующей:

«30/1. Теория струны - теория М.? Одиннадцать измерений - гравитационные волны - альтернативные вселенные? Возможные переходы из одной вселенной в другую? Удивительно! М. говорит, что его исследования многообещающие».

Может, ему показалось, что он в дальней спальне каким-то образом соскользнул в альтернативную вселенную и увидел призрака? А какая спальня дальняя? Никки оставила спящего Отиса и спустилась на второй этаж в надежде увидеть призрака. Она догадалась, что прадедушка назвал дальней ту спальню, что была окнами на задний двор. Девочка

не обнаружила там призрака, но в окно увидела Гровера, который, вероятно, дожидался отца. Он прогуливался вдоль низкой стенки, огораживавшей террасу с бетонным полом, то и дело присаживался и изучал землю, наверное, выискивал какую-нибудь живность. Никки наблюдала за ним. Он, конечно, симпатичный паренек, но влюбиться в него ей мешали змеи и новорожденный мышонок. Тем не менее она решила спуститься и поговорить с ним.

Увидев, что Никки выходит из дома, Гровер замахал рукой, зовя ее к себе. Никки подошла.

- Послушай, — зашептал он, - я хочу показать тебе кое-что удивительное. Человеческий глаз никогда прежде этого не видел.

Никки насторожилась:

- Что-то связанное со змеями?
- Нет, нет, - замотал головой Гровер. - Я же тебе сказал, никто этого не видел.
- Даже ты?
- Даже я.
- И что же это? - спросила Никки.

Гровер достал из пакета маленькое зеленое яблоко.

- Я уже видела яблоки! - фыркнула Никки.

- Да, но смотри. - Гровер вытащил из кармана перочинный нож и разрезал яблоко пополам, указывая на белую сочную поверхность с семечками.

- Это я тоже видела.

- Нет, не видела. Никто не видел. До нас никто никогда не видел сердцевину этого яблока. Это совершенно новое зрелище для человеческого глаза. - Он откусил большой кусок от половинки и принялся энергично жевать, удовлетворенно улыбаясь.

- Думаешь, ты очень умный? - Никки вырвала у него вторую половинку яблока, сердясь, что ее провели, но не могла не улыбнуться - в конце концов, он говорил правду. В голове у нее мелькнула забавная мысль.

- Я знаю, чего ты никогда не видел. Человеческий глаз этого никогда не увидит.

- Глупость какая-нибудь, - сказал Гровер.

- Отнюдь. Я покажу тебе.
- Но как ты мне покажешь, если я не смогу увидеть?
- Подожди. Я сейчас вернусь, - сказала Никки и побежала в дом, в свою спальню. Она вернулась с листком бумаги, который протянула Гроверу.
- Знаешь, что это?
- Какой-то монстр из научно-фантастического фильма?
- Нет. Это пылевой клещ. На этой картинке он увеличен в несколько миллионов раз. Он такой маленький, что человеческим глазом не виден.
- Где ты это взяла? - Гровер удивленно посмотрел на Никки.
- Вырезала из журнала. Я люблю все необычное, интересное.
- Но змей ты не любишь, - сказал Гровер. - Боишься их?
- Не боюсь.
- Ты, наверное, не захочешь посмотреть, как змея ест мышь.
- Может, и захочу! - произнесла Никки и поняла, что, пожалуй, ей будет любопытно увидеть это. Зрелище, конечно,

ужасное, но такое интересное. К тому же она смогла бы определиться, есть в мальчике зло или нет.

- Правда? - изумился Гровер.

- Правда.

- Я тебе не верю. Ты говоришь это только для того, чтобы показать, какая ты смелая.

Гровер, конечно, не ошибся, но Никки не собиралась этого признавать.

- Только скажи мне когда - я приду и посмотрю.

И он сказал, что будет ждать ее завтра в половине четвертого, и объяснил, куда приходить, а Никки едва не проговорилась, что знает, где он живет.

Кристал вернулась около пяти часов. Раскрасневшаяся от холода, она вошла в парадную дверь и со сверкающими глазами стала говорить о местных краях.

- Окрестности великолепные! Я прекрасно провела время.

- Хорошо, - откликнулась Никки, слушая вполуха.

- Лен рассказал столько интересного о Йонвуде. У одной женщины было религиозное откровение, поэтому, по мнению многих, Йонвуд - избранное место, а его жители будут в безопасности даже в случае войны.

Это заинтересовало Никки.

- Лен тоже так думает?

- Он не знает что и думать. - Кристал бросила пальто на стул. — Он учился в школе с этой пророчицей и помнит ее застенчивой, прилежной девочкой, которая не стала бы привлекать к себе внимание. Он считает, что она говорит правду. Ты об этом что-нибудь слышала?

- Немного, — ответила Никки, притворяясь, будто ей безразлична эта история.

- Завтра пойду в здешний салон красоты, - сказала Кристал. — Надо сделать прическу. - Она вскинула руками волосы.

- Хорошая идея, - произнесла Никки, хотя полагала, что с прической у Кристал все в порядке.

- А потом поеду в Эшвилл за покупками. Наверное, у тебя нет желания составить мне компанию.

- Нет, - согласилась Никки. - Никакого.

- А что ты собираешься делать?

- Ничего особенного. - Никки решила, что про змей и мышонка лучше промолчать.

- Ты такая хорошая девочка. Все время одна, не скучаешь и не попадаешь ни в какие передряги. Это потрясающе!

Никки лишь улыбнулась.

ГЛАВА 15

В лесу

На следующий день, в понедельник, Гровер во время занятий думал о Никки. Нет, не так, как думают мальчики о девочках. Он думал о ней как об интересной личности. Не так часто ему встречался человек, тем более девочка, интересующийся пылевыми клещами. Ему не терпелось показать ей своих змей и посмотреть, испугается она или нет.

Но прежде он собирался поохотиться. Около двух часов дня, ответив на последние вопросы теста по английскому, Гровер вышел из школы и побежал по Папоротниковой улице в лес.

Лес давно стал его вторым домом. Он знал все тропинки, петлявшие по горно-

му склону, к которому прилепился Йонвуд, все ручьи, скалы и гниющие стволы деревьев, под которыми прятались саламандры. Летом он проводил в лесу долгие часы, пробираясь через кусты или бродя по ручейкам, а если находил интересное место, садился и замирал, наблюдая, как животные, не ведая о его присутствии, вылезали из своих нор. Однажды в сумерках летнего вечера полосатый скунс прошел так близко от него, что Гровер разглядел длинные, загнутые когти на лапах зверька.

Сегодня он отправился в лес за обедом для краснобрюхого водяного ужа. Молочной змее полагался новорожденный мышонок, которого Гровер устроил в тепле, чтобы он не умер, и Никки увидела, как змея поедает его живым. А для рыжебрюхого нужно было найти несколько слизней и, может быть, маленькую саламандру. Конечно, он мог отыскать их и в своем дворе, но ему хотелось пойти в лес. В последнее время Гроверу никак не удавалось попасть туда из-за уроков, плохой погоды и домашних дел, а он уже соскучился по лесу.

Гровер знал, что, по слухам, в последние дни в лесу кто-то бродит, может, даже террорист, вынашивавший страшные планы. Но его этот бродяга не волновал, Гровер о нем не думал, ему и без этого хватало забот.

Гровер зашагал по круто поднимавшейся тропе, которая минут через пятнадцать привела бы его к ручью, бежавшему между пологими берегами, где он мог наловить обитавшую там живность. Он взял с собой пластиковый контейнер, чтобы отнести добычу домой.

Его шаги отбивали четкий ритм: как я рад попасть сюда, как я рад попасть сюда. Солнечные лучи пробивались сквозь облака и высвечивали на земле яркие пятна. С обеих сторон к тропе подступал густой лес: стволы деревьев и кусты переплетали лианы. Тут и там росли рябины, на голых ветках которых краснели гроздья ягод. В кустах щебетали птицы, а при приближении Гровера вспархивали с веток. Он все время смотрел под ноги, чтобы не пропустить что-то живое. Ямы, коряги, нагретые солнцем камни - все это нравилось змеям, а следовательно, и Гроверу.

Шагая, он тихо напевал какую-то веселую мелодию — он был в хорошем настроении: знал, куда и зачем шел и что хотел сделать. Как всегда в такие моменты, внимательно глядя на землю, Гровер думал о другом. Его мысли были заняты летним походом за змеями, которым должен был руководить знаменитый герпетолог Эддисон Раф. Поход намечался в Аризону, где змеи совершенно отличались от тех, что водились около Йонвуда. Гровер мечтал отлично провести время, многому научиться и познакомиться с людьми, которые в будущем могли помочь ему в выборе карьеры. Он точно знал, что отправится в этот поход. Разве его могла остановить такая мелочь, как отсутствие необходимых трехсот семидесяти пяти долларов? Конечно, жаль, что семья не могла выделить ему такой суммы. С другой стороны, обстоятельства заставляли его пораскинуть мозгами и проявить изобретательность, что в конечном счете только пошло бы ему на пользу. Он почти не сомневался, что его рекламный куплет для овсянки и криптограмма, которую он сразу разгадал,

дал, принесут ему деньги. Насчет тотализаторов у него не было такой уверенности, потому что выигрыш определялся волей случая.

Круговорот всех этих мыслей ослабил наблюдательность Гровера. Он забрался довольно высоко, тропинка заметно сузилась, и время от времени путь мальчику преграждало упавшее дерево или разросшийся куст. Но Гровера это не останавливало - он знал, где находится, но все-таки не забывал внимательно смотреть под ноги. Увлекшись дорогой, поначалу он не заметил, как в густой растительности кто-то движется выше по склону. Через некоторое время Гровер вышел к тому месту, где тропа поворачивала вдоль русла ручейка. Добравшись до конечной точки намеченного маршрута, он остановился и вдруг услышал хруст веток, словно кто-то пробирался через кусты.

Гровер замер и, осторожно повернув голову, заметил вдалеке какое-то светлое, почти белое пятно. Оно двинулось и остановилось, снова двинулось и затем исчезло. Мальчик постоял минуты три-четыре,

больше ничего не услышал и пошел к кромке воды, где сел на валун.

Кто же это мог быть? Может, огромная белая птица вроде аиста? Но что делать аисту в лесу? Уж не призрак ли это? Но в призраков Гровер не верил.

Тогда, может быть, это шатается бродяга, о котором говорили в Йонвуде? От страха у Гровера по спине пробежал холодок. Может, террорист затаился, чтобы кого-то похитить? «Дайте мне миллион долларов на финансирование моей террористической организации, а не то я изрублю этого мальчика на куски и развешу их по деревьям».

Гровер обхватил руками колени и наклонился к бегущей воде, глядя на то, как ручей тащил с собой листья и маленькие веточки. Мальчик застыл в этой позе, гадая, что бы он сделал, если бы террорист внезапно вышел из-за дерева и схватил его. Оптимальный вариант, конечно, носить с собой змею, желательно ядовитую, чтобы испугать ею террориста и успеть убежать, а иначе... Да, оставалось только со-жалеть, что он не владел приемами карате

или какого-нибудь другого рукопашного боя. Впрочем, он мог пустить в ход ноги и даже зубы. Мальчик представил себя гигантским удавом, который обвивает шею террориста, а потом вонзает ему в затылок зубы.

«Но лучше всего просто не попадаться террористу в руки», - решил Гровер и стал заниматься тем, ради чего пришел к ручью. Он начал переворачивать камни, поднимать ветки, рыться в опавшей листве и вскоре нашел несколько личинок жуков, многоножку, пять водяных улиток, двух крупных слизней и маленькую пурпурную саламандру с золотыми точками на спине. Сложив добычу в пластиковый контейнер, он двинулся вниз по тропе.

ГЛАВА 16

Змеиный обед

К половине четвертого Никки была уже у дома Гровера. Она впервые видела его с главного фасада, который не был скрыт фруктовыми деревьями. На лужайке перед одноэтажным, выкрашенным желтой краской домом стояли два трехколесных велосипеда, на крыльце — диван, обитый когда-то зеленой материей, которая выцвела и вытерлась. На диване сидела старушка в теплом красном платье и мешковатом бледно-лиловом свитере. Когда Никки подошла к крыльцу, старуха пристально посмотрела на нее и спросила:

- Ты ведь не здешняя?
- Нет, - ответила Никки. - Я приехала сюда на несколько дней.

Старуха кивнула.

- Я ищу Гровера, - сказала Никки.

Но Гровер, должно быть, уже увидел ее, потому что вскоре открылась входная дверь, и он появился на пороге.

- Так ты пришла. Потрясающе!

- Завел себе подружку? - спросила старушка.

- Она мне не подружка, - ответил Гровер. - Просто девочка.

В доме царили сумрак и шум. Работал телевизор, и в новостях президент объявлял, что осталось только четыре дня до крайнего срока, установленного им для Фалангии. Но никто не обращал внимания на экран. Старую мебель в гостиной оккупировали дети: одни сидели на креслах, другие спали на диване, а остальные ползали под столом и стульями. Когда вошла Никки, все взгляды устремились на нее.

- Это мои братья и сестры, - сказал Гровер.

- И сколько их? - спросила Никки, заметив еще одного малыша, выползшего из коридора.

- Шестеро. Близнецы и еще четверо.
Плюс я - самый старший.

Он повел ее в коридор, где на стенах висели школьные, свадебные и детские фотографии в рамках или прикрепленные скотчем.

Гровер и Никки вышли из дома через кухню, пересекли двор между фруктовыми деревьями, шурша опавшими листьями, и направились к сараю.

Никки занервничала и почувствовала, как у нее начинает крутить желудок.

Гровер открыл наборный замок, распахнул дверь и первым вошел в сарай. Никки последовала за ним. В сарае пахло землей. На стене висели какие-то садовые инструменты. На широкой полке у стены стояли два стеклянных ящика, в которых жили змеи. На других полках, на полу, на маленьком столике и на стуле лежали пачки журналов и коробки из-под крупы, стирального порошка и смесей для выпечки.

- Зачем тебе это? - спросила Никки.
- Я участвую в конкурсах, - ответил Гровер. - Тотализаторы, лотереи, все такое. Можно выиграть деньги.

- Зачем?

- Разумеется, мне нужны деньги. - Он скрчил гримасу, словно хотел сказать ей: «Ну разве можно быть такой дурой?» — Летом я собираюсь принять участие в походе за змеями. Для этого нужно заплатить триста семьдесят пять долларов, а у меня их нет. Вот я и хочу их выиграть.

- Люди редко выигрывают в таких конкурсах, - заметила Никки. - Я не знаю ни одного, кто бы выиграл.

- Скоро узнаешь. Посмотри сюда. - Гровер показал Никки вырванную журнальную страницу. - Пишешь один абзац, не больше сотни слов, о том, что огурчики Армстронга самые лучшие. Хочешь послушать, что я написал?

- Конечно. - Никки с опаской поглядывала на стеклянные ящики на полке, но видела в них только сухие листья.

Гровер нашел на столе листок и прочитал: «В прошлое воскресенье вечером я готовился к контрольной работе по математике. Время было позднее, я очень устал, глаза слипались, числа путались,

и я не мог решить ни одного примера. Как же я напишу контрольную, подумал я, если не успею к ней подготовиться, потому что засыпаю? И тут у меня в голове мелькнула спасительная мысль: мне нужен огурчик Армстронга! Я вскочил со стула, побежал к холодильнику, достал банку с огурчиками Армстронга и вытащил зеленый, пупырчатый, хрустящий огурчик! Едва я откусил кусочек, как туман в голове начал рассеиваться! А когда я съел весь огурец, усталость как рукой сняло. И на следующий день я получил пятерку!» - Гровер посмотрел на Никки и улыбнулся. - Всего девяносто восемь слов.

Никки рассмеялась.

- Здорово! И что ты собираешься выиграть?

- Пятьсот долларов и целую коробку с банками огурцов, - ответил Гровер. - Конкурсов очень много. Иногда просят придумать слоган, иногда составить как можно больше слов из названия какого-то продукта, или решить криптограмму, или...

- Ты хоть что-нибудь выиграл? - спросила Никки.

- Да, - ответил Гровер. - Шесть коробок «Овсяных хрустиков» и купоны на десять кусков мыла «Розовые лепестки». Денег пока нет, но и это придет. - Он повернулся к полке со змеями: - Ладно, пора заняться делом. Сначала молочная змея. Она не ела уже несколько недель.

- Несколько недель?!

- Да. Зимой змеи едят мало. В природе они забираются в норы и почти ничего не едят до весны. Слушай, а знаешь, кого я видел на горе, когда искал еду для змей?

- Кого?

- Террориста. Ну, того, что разбил окно в ресторане.

- И ты не испугался?

- Нет. Он был далеко. Правда, такой огромный. Я видел его лишь мельком.

Гровер снял крышку со стеклянного ящика, и находящаяся в нем змея подняла голову, а потом начала выползать из коры и листьев. На ее теле чередовались полосы черного, белого и красновато-коричневого цвета.

- Совсем не похожа на молоко, — заметила Никки.

- Я знаю, — сказал Гровер, нежно глядя на змею. - Ее называли так, потому что люди часто находили эту змею в коровниках и думали, что она приползает, чтобы пить молоко.

Гровер достал из маленькой картонной коробочки, стоявшей рядом с терра-риумом, крошечного мышонка, которого показывал Никки. Зверек едва шевелился на ладони мальчика и выглядел очень слабым.

- Прощай, детка, — произнес Гровер и взял щипцы, какими переворачивают мясо на решетке мангала.

Мальчик вдруг стал очень серьезным, сосредоточенным на своем занятии. Ухватив мышонка щипцами, он поводил им из стороны в сторону перед головой змеи. Та поднялась и задергала языком.

- Ну не знаю, — вырвалось у Никки. - Наверное, мне все-таки не хочется смотреть.

Но она опоздала. Змея рванулась вперед и схватила мышонка. Утащив зверька

на дно террариума, она кольцом обвилась вокруг него, потом максимально широко открыла пасть и начала заглатывать мышонка с головы.

- Они всегда начинают есть с головы, - объяснил Гровер. - И у них расширяющиеся челюсти.

Никки в ужасе замерла, но не могла оторвать глаз. Буквально за несколько секунд розовое тельце мышонка, еще подергиваясь, исчезло в пасти змеи. Некоторое время лишь хвост свисал с ее нижней челюсти, а потом от мышонка не осталось и следа. Змея вытянулась на сухих листьях.

Никки шумно выдохнула. Ее мутило.

- Это ужасно.

- Отнюдь, - возразил Гровер. - Так живет змея. Если бы я не дал ей мышонка, она бы поймала его сама.

- Как ты мог это сделать? Бедный маленький мышонок!

Гровер пожал плечами.

- Таков закон природы. Природа любит змею так же, как мышь.

- Наверное, - не могла не согласиться Никки.

- Вот и все. — Гровер положил щипцы на стол и накрыл ящик крышкой. - По крайней мере, ты не упала в обморок.

- Я никогда не падала в обморок, - ответила Никки, хотя чувствовала себя нехорошо, ее тошнило.

- Хочешь посмотреть, как ест краснобрюхий?

- Нет. Все это так странно.

- Ничего странного, - отрезал Гровер. - Такое случается ежедневно, сотни раз. Если хочешь увидеть действительно странное, подойди ночью к дому Хойта Маккоя. Он раскалывает небо. Я видел.

- Перестань. Ты все выдумываешь.

- Нет, я действительно видел длинную тонкую трещину на небе. Он делает что-то странное. Может, посыпает сигналы врагу или открывает небо, чтобы впустить инопланетян и демонов! - сказал Гровер и угрожающе согнул пальцы, сжимая и разжимая их.

Никки покачала головой. Ох уж этот Гровер! Никогда не знаешь, правду он говорит или дурачится.

- Мне пора идти.

Гровер вывел Никки через двор и дом на крыльце, где бабушка по-прежнему сидела на диване.

- Уже уходишь? - спросила старушка.

- Я показал ей молочную змею, - похвалился Гровер.

- Неудивительно, что девочка так быстро уходит.

- Она посмотрела, как змея обедала.

- Это было ужасно, - призналась Никки.

- Правда? - Бабушка с интересом посмотрела на девочку. - Не собираешься представить меня юной даме? — спросила она Гровера.

- Это моя бабушка, Кэрри Хартуэлл. Мы все зовем ее бабушка Кэрри. - Гровер повернулся к бабушке: - А это Никки.

- Никки Рэндолф, - уточнила Никки. - Здесь жил мой прадедушка. Его звали Артур Грин.

- Ага, - кивнув, произнесла бабушка. - Он был на стороне ангелов.

Никки не поняла, что это значит, но решила, что эти слова следовало воспринимать как комплимент. Она попрощалась

и направилась на улицу. Ноги не слушались, желудок жгло. По дороге она все думала: хорошо ли скормливать мышонка змее? Для мышонка точно нехорошо, а для змеи как раз и ничего. Творил ли Гровер своим поступком зло? Никки не знала.

ГЛАВА 17

Дом Хойта Маккоя

В «Зеленую гавань» Никки возвращалась по Вороньей дороге. Она шла и думала о том, что увидела в сарае Гровера. Проходя мимо участка Хойта Маккоя, девочка остановилась. Ей вспомнились слова Гровера о том, что Маккой расколол небо. В это просто невозможно было поверить! Миссис Бисон полагала, что этот человек какой-то странный - слабое место в щите добра. Никки обещала ей помочь и поэтому, раз уж она оказалась здесь, решила проверить, чем занимается Хойт Маккой. Конечно, ей совсем не хотелось этого делать, даже ее обычного любопытства не хватало, чтобы убедить себя обследовать дом на заросшем участке или пообщаться

с человеком, который был не такой, как все. Но, если уж она собиралась выкорчевывать все плохое, чтобы победило хорошее, ничего другого не оставалось, как смело идти вперед.

Глубоко вздохнув, Никки решила, что быстро забежит на участок, чтобы сообщить миссис Бисон что-нибудь интересное.

Она зашагала по дорожке, по обе стороны которой росла ежевика, в тени, отбрасываемой соснами. Миновав поворот, она увидела прямо перед собой трехэтажный дом, окруженный соснами и дубами. Никки остановилась и огляделась, но ничего особенного, кроме птичек на островке травы, не заметила.

А что, собственно, она искала? Что-то ужасное, вроде свежих могил и человеческих костей? Или танцующего безумного Маккоя? Никки не могла ответить на этот вопрос. Может, что-то плохое и происходило в этом темном, безмолвном доме, но она не могла подойти к нему вплотную и уж тем более заглядывать в окна. Никки сказала себе, что дойдет до вымощенной кирпичом дорожки, которая

вела к парадной двери, и, если не увидит ничего подозрительного, повернет назад.

Девочка вышла из спасительной тени и на цыпочках пересекла площадку перед домом. Она пристально посмотрела на дверь, на окна слева и справа, которые были плотно занавешены, и на окна второго этажа с опущенными жалюзи. Но, когда Никки глянула на открытое окно верхнего этажа, из которого торчал ствол винтовки, направленный в небо, Никки отпрянула и у нее подкосились ноги.

Она стояла, оцепенев от страха, а ствол нацелился прямо на нее, и из дома раздался громкий голос: «Стой на месте, лазутчик! Не шевелись или пеняй на себя!»

Но Никки не стала ждать, когда ее пристрелят. Она стремглав метнулась в тень деревьев, со страхом думая, что сейчас раздастся выстрел и пуля вонзится ей между лопатками. Внезапно она обо что-то споткнулась и упала. Лежа на земле и дрожа всем телом, она посмотрела на дом. Винтовка по-прежнему была нацеле-

на на нее, но никто не кричал и не выбегал из дома. Никки поднялась, к ее ногам вернулась сила, и она побежала.

Зная, что Кристал еще не приехала, Никки направилась к дому миссис Бисон и едва дыша, не в силах перевести дух подскочила к двери и нажала на кнопку звонка. Когда миссис Бисон открыла дверь, девочка не могла произнести ни слова.

- Миссис Бисон! — наконец выдохнула она. - Этот Маккой пытался меня застрелить.

Миссис Бисон вытаращила глаза:

- Что? Застрелить тебя?

Никки все рассказала.

- Ох! - Миссис Бисон схватила девочку за руку и завела в дом. - Это даже хуже, чем я думала. Я должна немедленно вызвать полицию. - Она устремилась в гостиную, оставив трясущуюся Никки у двери, и стала с кем-то говорить по телефону: - Воронья дорога. Да, Маккой. Будьте осторожны, он вооружен. Встретимся там.

Надев куртку, миссис Бисон вернулась к Никки.

- Мы отправим его в тюрьму. Не волнуйся. Бедная, храбрая малышка! - Она обняла девочку, обдав ее сладким запахом духов. - Мне следовало знать... Я же чувствовала. Почему я раньше?.. - Она сцепила руки и глубоко вздохнула. - Притормози, Бренда! — сказала она себе. — Успокойся.

Но Никки так переволновалась, что не могла успокоиться.

- Это еще не все! Мальчик со змеями... он кормит их живыми мышатами! И он видел террориста в лесу! И еще он сказал мне, что Хойт Маккой раскалывает небо и посыпает сигналы врагу!

Миссис Бисон схватила сумочку со стола.

- Мне нужно туда ехать. Ты отправляйся домой и никуда не уходи. Кто знает, быть может, он... Мы упрячем его в тюрьму, не волнуйся. Я вернусь, когда все закончится, и мы поговорим.

Никки пошла к «Зеленой гавани». Ей хотелось скорее рассказать все Кристал. Но Кристал еще не приехала, а на столике у телефона девочку ждала записка:

«Никки!

Звонила твоя мама. Голос у нее очень усталый и встревоженный. Она получила еще одну открытку от твоего отца с таким текстом:

«Дорогие Никки и Ракель!

*Все здесь идет хорошо. Мы много-
гработаем и быстро продвигаем-
ся к намеченной цели. Я надеюсь,
что и у вас полный порядок.*

С любовью, папа.

*P.S. Вчера не спал до полуночи,
читал Шекспира!»*

*Я и не знала, что твой отец читает
Шекспира.*

Вернусь к обеду,

K».

«Я тоже этого не знала, - подумала Никки. - Странные какие-то эти открытки». Она чувствовала, что должна над этим подумать. Он наверняка хотел что-то сообщить ей. Отцу всегда нравились за-

шифрованные послания. Он рассказывал о них Никки, и они часто вместе работали над ними. Может, в этих открытках что-то зашифровано?

Девочка поднялась в детскую и разложила все тексты на диване. Перечитывая их, она не нашла никакого шифра. Чтобы поднять себе настроение, она пошла с Отисом на прогулку. Радость в душе Никки рождалась от одного только взгляда на него: этот влажный черный нос, ушки на макушке и мягкие подушечки на лапах... Она играла с Отисом, думая о странных посланиях отца, и совсем забыла о Хойте Маккое.

ГЛАВА 18

Что увидел Гровер?

В доме Хойта Маккоя что-то произошло. Перед обедом Гровер пошел забирать почту и увидел два автомобиля, один из которых был патрульный, проследовавших по Триллиумной улице, и, когда они повернули на Воронью дорогу, он побежал следом, чтобы посмотреть, куда они направились. Автомобили свернули к дому Хойта Маккоя. Похоже, это был не дружеский визит: они ехали так быстро, что из-под колес во все стороны летел гравий.

Может, у Хойта случился сердечный приступ или он прострелил себе ногу из своей винтовки? А может, он выстрелил в кого-то и его должны арестовать? Что бы

ни было, Гроверу хотелось все увидеть собственными глазами.

Он забежал на участок Хойта Маккой вслед за автомобилями и скрылся под деревьями. Машины остановились на площадке перед домом, и из них выпрыгнули полицейские Йонвуда и миссис Бренда Бисон. Полицейские нацелили пистолеты на входную дверь, и Гарни прокричал: «Хойт Маккой! Выходите с поднятыми руками! Дом окружен!»

Дом, конечно, не был окружен, но, едва Гарни произнес эти слова, двое полицейских двинулись с места, чтобы обойти дом сзади. Миссис Бисон стояла, сжав кулаки и раздувая ноздри, и не отрывала испепеляющего взгляда от двери.

Спустя мгновение дверь открылась, и на пороге появился высокий, сутуловатый Хойт Маккой в мешковатом оливково-зеленом свитере и черных брюках. Волосы у него торчали во все стороны, словно он не причесывался несколько недель.

- Руки вверх! Руки вверх! - крикнул Гарни, который, как решил Гровер, за-

имствовал эту фразу из сериалов о полицейских.

Но Хойт не поднял руки. Он смотрел на толпу, собравшуюся на его подъездной дорожке, с таким выражением лица, будто видит кошмарный сон, а потом, указав на Гарни, прокричал:

- Вон с моего участка! Что вы себе позволяете?

- Вы арестованы! — прокричал в ответ Гарни, но ни на шаг не приблизился к Хойту. — По обвинению в покушении на убийство.

И тут Хойт опустил руку и улыбнулся. Гровер даже подошел ближе, чтобы убедиться, что Хойт улыбался, хотя улыбка на его длинном лице больше напоминала гримасу. Он спустился с крыльца и направился к Гарни, не боясь, что его пристрелят, а Гарни держал пистолет обеими руками, словно на него надвигался танк или разъяренный носорог.

- Шеф, произошла ошибка, - ровным голосом заговорил Хойт, — и я вижу, что причина этой ошибки стоит у вас за спиной. - Он указал на миссис Бисон. - По

какой-то только ей ведомой причине эта дама выслеживает меня, посыпает на мой участок лазутчиков, а теперь обвиняет в убийстве, и нелепость этого обвинения вызывает у меня улыбку.

Миссис Бисон шагнула вперед. Гровер приблизился, чтобы все слышать, не тревожась, что его увидят: никто не обращал на него внимания.

- Да, вы обвиняете в покушении на убийство. - Голос миссис Бисон дрожал от ярости. - Я всегда знала, что вы плохой человек, а теперь выясняется, что от вас можно ждать...

- Убийство кого, мадам? - прервал ее Хойт.

- Ребенка! Маленькой девочки, которая случайно забрела на ваш участок и смотрела на ваш ужасный...

- Один момент, дорогая моя! - Улыбка с лица Хойта исчезла, и его глаза потемнели от гнева. - Это уже чересчур. В последнее время на моем участке постоянно кто-то появляется, то мальчик, то девочка, наверняка и еще кто-нибудь, кого я не заметил.

Гровер знал, о каком мальчике идет речь. Но девочка! Он не мог и представить себе, чтобы какая-нибудь девочка решилась зайти на участок Хойта Маккоя.

— Почему, хотелось бы мне знать? Почему? — продолжал Хойт. — Я сейчас занят важными исследованиями, которые могут изменить мир... и вашу жизнь, мадам, тоже. А вы посылаете лазутчиков, чтобы они досаждали мне! Но, когда я призываю их к порядку, требую, имея на это полное право, чтобы они покинули принадлежащую мне территорию, меня обвиняют в покушении на убийство. Это переходит все границы!

Полицейские стояли, пригнувшись, как бегуны на старте, готовые в любую секунду прыгнуть на Хойта Маккоя и повалить его на землю. Но Маккоя это, похоже, не волновало, он сверлил взглядом миссис Бисон.

- Вы направили винтовку на маленькую девочку, — отчеканила миссис Бисон, не сводя с него глаз. - Она видела, как вы целились в нее. И слышала, что вы угрожали ей. - Тут у нее перехватило дыхание,

и ее лицо стало таким же красным, как ее бейсболка.

Гарни шагнул вперед:

- Вы арестованы.

Но Хойт Маккой вновь улыбнулся.

- А-а, - произнес он, проигнорировав слова полицейского, - теперь я понимаю, в чем дело. Посмотрите наверх, дамы и господа, вот оно, ваше смертоносное оружие.

На третьем этаже в открытом окне торчал, как показалось Гроверу, ствол винтовки. Хотя, думал он, размеры побольше, чем у винтовки отца, да и форма не такая. Может, это помповое ружье? Тогда понятно, почему ствол нацелен в небо. Хойт мог стрелять по птицам, когда на участке никого не было.

- Это не винтовка, - усмехнулся Хойт. - Это телескоп, с помощью которого я изучаю небо. - Он повернулся к миссис Бисон. - А также выискиваю нарушителей на моем участке! Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Почему человек не имеет права побыть один?

Гровер затаил дыхание, ожидая, что ответят Хойту Маккою. Собственно, ждали

все. Миссис Бисон, возможно, рассчитывала получить подсказку от Бога. Гровер заметил, как напряглось ее лицо. «Странно, - думал мальчик, - ей бы сейчас успокоиться. Сказать: «Все понятно, никакого преступления не было и в помине. Это моя ошибка! Извините!»

Но вместо этого она велела полицейским подняться наверх, чтобы убедиться, что Хойт Маккой говорит правду.

- И внимательно все осмотри, - добавила она. - На случай... ты знаешь...

- Конечно, - сказал Гарни.

- Что?! - вскричал Хойт. - Вы думаете, что можете ворваться в мой дом без ордера на обыск?

- Это вопрос национальной безопасности, - ответил ему Гарни. - В нынешние времена ради этого приходится менять установленные правила.

- Безобразие! - вскричал Хойт. — Но я не буду вам препятствовать — в моем доме вы не найдете ничего противозаконного.

Он ушел в дом в сопровождении полицейских, и они находились там долгих пятнадцать минут, невероятно скучных

для Гровера, который не уходил, чтобы не привлекать к себе внимания, несмотря на то что у него замерзли ноги. Миссис Бисон ждала в своем автомобиле, раздраженная и сердитая, словно арестовали ее. Гровер даже подумал, что все это выглядит довольно забавно. Ни та ни другая конфликтующая сторона не вызывала у него теплых чувств. Он не мог забыть, как Хойт Маккой напугал его, но и миссис Бисон он не жаловал: в последнее время, куда бы она ни посмотрела, везде видела только дурное.

Полицейские вышли из дома. Хойт стоял на крыльце, сложив руки на груди, и торжествующе наблюдал, как они усаживаются в патрульный автомобиль.

- Вы очень удачно выбрали время для визита, - сказал он. - Если б приехали завтра, то не застали бы меня, потому что я собираюсь уехать на несколько дней по важному делу. Вы и представить себе не можете, какое это важное дело. Помешав моему отъезду, вы приняли бы крайне неудачное решение. Но теперь, раз уж с этим недоразумением покончено, я на-

деюсь, что больше не увижу вас на моем участке.

Полицейские не слушали его.

- Никогда не видел более странного дома, - произнес Гарни, усаживаясь в машину. - И такой там бардак! Этот парень - чокнутый.

Полицейские уехали, а Хойт, не сдвинувшись с места, провожал взглядом их автомобили. Гровер ждал, когда он тоже уйдет, но Хойт продолжал стоять на крыльце, и тогда мальчик наконец понял, что тот смотрит на него.

- Я вижу, нарушитель вернулся. - В голосе Хойта не слышалось злости.

- Я ухожу, - ответил Гровер. - Просто хотел посмотреть, что происходит.

- Раз уж ты здесь, позволь тебе кое-что сказать.

«Ну вот, - обреченно подумал Гровер. - Теперь будет на меня кричать», - но остался на месте: по крайней мере, стрелять в него никто не собирался.

Хойт спустился с крыльца и подошел к Гроверу. Мальчик заметил пятна машинного масла на его свитере.

- Бренда Бисон не знает, что действует на основе ложной информации. Небо - вот моя территория. Я знаю, что там происходит. Я знаю, что приготовила нам вселенная.

Гровера поразило то, что на него не кричат, и он спокойно спросил Хойта, словно они вели обычный разговор:

- И что приготовила нам вселенная?

- Бесконечные чудеса и безграничное удивление, но только для тех, кто хочет все это увидеть.

- Я видел трещину в небе над вашим домом, - сказал Гровер.

- Понятно. - Хойт пристально посмотрел на мальчика. - Не обращай внимания.

- Почему? Это секрет?

Хойт Маккой проигнорировал вопрос.

- Если бы ты просто позвонил в дверь, как положено цивилизованному человеку, вместо того чтобы шнырять по моему участку, я бы кое-что тебе показал, если б, конечно, тебя это заинтересовало.

- Может, в другой раз? А сейчас мне пора, - сказал Гровер, удовлетворивший свое любопытство.

- И вот еще что, - громко произнес Хойт. - Ты можешь передать это, если захочешь, миссис Бисон, которая любит, чтобы все было аккуратным, чистеньkim и нормальным. Меня не назовешь ни аккуратным, ни чистеньkim. И я не тот, кого большинство посчитало бы нормальным, но я ничуть не хуже других.

«А вот это уже полный бред», - подумал Гровер и, пробормотав несколько вежливых слов и испытав огромное облегчение, пошел по усыпанной гравием дорожке.

В ту ночь Гровер не мог заснуть. Мысли не давали ему покоя, поэтому он поднялся, осторожно, чтобы не разбудить малышей, оделся и вышел из дома. Обычно, когда он долго не мог заснуть, ему помогала короткая прогулка. И он решил прогуляться быстрым шагом до Главной улицы.

Ему было не страшно гулять по ночному Йонвуду. Да и чего ему бояться? Может быть, только террориста, который вновь забрел бы в город? Но, если бы и забрел, Гровер увидел бы его первым, затаился,

вызнал, что тот задумал, и сдал бы полиции. Эта мысль лишь укрепила его намерение прогуляться. Гровер шел быстро, вдыхая холодный ночной воздух, глядя на звезды и жалея, что не делает это чаще. Один в ночи, он ощущал себя абсолютно свободным.

Он поднялся по Триллиумной улице, обогнул ресторан «Уютный уголок», спустился вниз по Главной, где ни один фонарь не горел, как, впрочем, и во всем городе, и не увидел ни ночного сторожа, ни бездомного кота, ни даже паука. И только проходя мимо темных окон бакалейной лавки, он случайно заметил на Скворцовой улице человека. Незнакомец вел себя так, будто заблудился, какая-то неуверенность была в каждом его движении.

«Может, это лунатик?» - подумал Гровер. Он остановился, стал присматриваться и внезапно понял, что знает, кто это. Но почему она не дома? И что на ней надето? Ночная рубашка? Он уже направился к женщине, но не прошел и десятка шагов, как на дороге появилась худенькая девушка, которая побежала к заблу-

дившейся, схватила ее за руку и увела в дом.

Гровер вернулся на Главную улицу и пошел домой. «Бедная пророчица, - с грустью подумал он. - Должно быть, это ужасно, когда Бог говорит с тобой и превращает твой разум в пепел».

ГЛАВА 19

Синие конверты

Во вторник утром Никки проснулась от стука дождя по крыше. Дождь лил как из ведра, порывы ветра налетали с разных сторон. В такие дни лучше всего остаться дома, сидеть у камина с чашкой горячего шоколада. Но Никки отказалась от горячего шоколада, поэтому она пила мятный чай и за это считала себя очень во-левой, потому что такое решение далось ей нелегко. Она тренировала силу воли, как мышцы, правда не испытывая от этого радости. Ей недоставало горячего шоколада, но зато она чувствовала себя сильной. Значит, она смогла бы ощутить большую силу, если бы отказалась еще от чего-то?

Кристал уехала рано, чтобы обсудить с Леном вопросы, связанные с показом дома потенциальным покупателям.

- Встретимся в «Уютном уголке» в шесть вечера, - сказала она, уходя из дома. - Пообедаем вместе, и ты расскажешь мне о своих приключениях.

Прогулка с Отисом в это утро не затянулась. Он застыл на пороге, с сомнением поглядывая на дождь, и Никки пришлось вытолкнуть его во двор.

Детская в то утро показалась Никки особенно уютной: темное небо, дождь за окнами, золотистый свет ламп. Она устроила Отиса на диване под окнами и дала ему поежевать косточку. Подложив под спину подушки, Никки стала раздумывать, что бы почитать. Ее взгляд упал на четыре книги, оставленные Амандой. Почему бы не заглянуть в них? Никки взяла верхнюю, с черноволосой красоткой на обложке, и открыла страницу наугад:

«В свете свечей глаза Елейна блестели, как драгоценные камни. Кларисса затаила дыхание, когда он наклонился

к ней. Какой великолепный мужчина! Массивная челюсть, густые черные волосы, широкие плечи... Ее сердце учащенно забилось. А когда он протянул руку и погладил ее по щеке, по телу пробежала дрожь.

— Блейн, — прошептала она. — Ты не должен меня покидать. Я хочу всегда быть с тобой».

Никки взглянула на залитое дождем окно и попыталась почувствовать то же самое. Сначала она представила себе наклоняющегося к ней Мартина, его красновато-карие глаза и рыжие волосы. Нет, она не находила его великолепным. Он, конечно, милый и определенно на стороне добра, но не заставлял учащенно биться ее сердце. Она представила себе Гровера. Умный парень, интересный, с чувством юмора, если кому-то нравится такой юмор, но при этом какой-то странный. Никки не знала, на какой он стороне — добра или зла, и не считала его великолепным. Стало бы сильнее биться ее сердце, если бы он погладил ее по щеке? Нет, скорее бы отпрянула, вспом-

нив, что этой же рукой он держал змею. Хотела бы она быть с ним всегда? Нет и еще раз нет. Да и вообще это же кошмар, если кто-то всегда будет рядом с тобой. Иногда хочется побыть одной или в какой-нибудь компании.

Никки перевернула еще несколько страниц и прочитала:

«Кларисса сбежала по каменным ступеням на продуваемый ветром берег. Ее волосы цвета воронова крыла развевались за спиной. Она оглядывала пустынные дюны, и, когда увидела, что Елейна нет, с ее губ сорвался крик душевной боли. Она не могла жить без него! Лучше умереть!»

Никки закрыла книгу. Сомнений не оставалось: она не была влюблена ни в Мартина, ни в Гровера, потому что прекрасно могла прожить и без одного, и без другого.

Дождь на улице не унимался. Никки заметила прохожего в широкополой непромокаемой розовой шляпе и с парусиновой

сумкой на плече. Девочка узнала миссис Бисон. Как здорово! Если быстренько спуститься вниз, то можно узнать у нее, что произошло в доме Хойта Маккоя.

Никки набросила куртку и выскочила под дождь, даже не взяв с собой зонтик. Вода бурными потоками неслась по каналам. Голые ветки деревьев терлись о стены домов. Никки побежала навстречу миссис Бисон, и та, увидев девочку, улыбнулась.

- Здравствуйте! - крикнула Никки. - Я увидела вас из окна и решила...

- А я как раз думала о тебе, - перебила ее миссис Бисон. Она выглядела уставшей. Помада на губах размазалась, волосы под шляпой растрепались. - Ты мне так помогла. Если хочешь, пойдем со мной. Я разношу уведомления.

- Какие уведомления? - спросила Никки.

- Срочные. Я начинаю терять терпение. Мы получили чудесный шанс спастись, а несколько человек могут лишить всех этого шанса. Проявляют чудовищный эгоизм! Я должна заставить их понять ситуацию. В лесу бродит террорист! Кризис

нарастает! Через три дня может начаться война! — Миссис Бисон покачала головой, удивляясь человеческой глупости. — Я подумала, что пора приступить к решительным действиям, поэтому разношу уведомления. Вот осталось только одно. — Она притянула Никки к себе, под зонт, окутав сладковатым ароматом духов.

- А о чём уведомления? — спросила девочка.

Но миссис Бисон уже говорила о другом:

- И с Хойтом Маккоем не вышло, как хотелось. Я про твою ошибку, милая. Но я по-прежнему уверена — ему есть что скрывать. Ты со мной согласна?

На лице Никки отразилось недоумение.

- Я не знаю, что произошло с Хойтом Маккоем. Хотела спросить у вас. Его не арестовали? Я ошиблась?

Миссис Бисон с удивлением посмотрела на девочку:

- Ты не знаешь? — И она рассказала о том, что винтовка на поверку оказалась телескопом. - Но я уверена: в принципе мы правы. От него так и разит злом. Я это чувствую, а работа, которую я выполняю,

убеждает меня, что моим чувствам можно доверять. Просто нам нужно поймать его за руку. А вот и последний дом.

Развязка истории с Хойтом Маккоем поразила Никки. Телескоп! И полицейские держали его под пистолетами из-за нее!

Они остановились у кирпичного дома, к которому примыкал полуразвалившийся деревянный сарай. Миссис Бисон достала синий конверт из парусиновой сумки, на котором было написано: «Срочно. От Б. Бисон», и бросила его в почтовый ящик.

Они пошли дальше, Никки едва успевала за миссис Бисон.

- Иногда я сожалею, что это случилось. Сначала видение Алтии, потом ее инструкции. Многое так трудно понять, например то, что связано с наказанием, - говорила миссис Бисон.

- С наказанием? - переспросила Никки.

- Да, для людей, которые не хотят сотрудничать. Мы не можем им этого позволить: они закрывают путь к спасению для остальных жителей Йонвуда.

- И что это за наказание? - спросила Никки.

Но миссис Бисон не услышала девочку за шумом дождя.

- Это такая ответственность, - продолжала она. - Должна признаться, иногда я просто не нахожу себе места. То, что она говорит... Я не знаю. - Миссис Бисон покачала головой, взглянув на Никки в мокрый тротуар. - Не могу заставить себя...

Она так резко остановилась, что вода с широких полей ее шляпы выплеснулась Никки на голову.

- Что я сказала? Не могу заставить себя? Потому что нужно пойти на жертву? Нет-нет. Это и есть вера, не так ли? Верить, даже когда не понимаешь.

Миссис Бисон вскинула голову к небу, ее глаза сверкали, и она не обращала внимания на капли дождя, падающие ей на лицо.

- Правда? - спросила Никки.
- Да, - ответила миссис Бисон и пошла дальше.

Вернувшись в «Зеленую гавань», Никки сразу поднялась наверх, пройдя мимо рабочих, которые полировали пол какой-то ревущей машиной. Она понимала, что

во время их прогулки миссис Бисон приняла какое-то очень важное решение, пока только для себя, но вскоре она познакомит с ним и остальных.

В детской Отис встретил ее радостным лаем. Никки уложила его на спину, почесала ему розовый живот, потом шею, усадила рядом с собой на диван под окнами и включила лампу.

Дождь все еще лил, и Никки снова взялась за бумаги, которые достала из большого сундука.

Она нашла несколько писем, написанных девочкой родителям из летнего лагеря в 1955 году, статью, вырезанную из раздела светской хроники о вечеринке по случаю дня рождения, устроенной в «Зеленой гавани» в 1940 году. Отложив в сторону согнутые открытки и выцветшие фотографии, Никки увидела конверт со странным письмом. Она долго ничего не могла понять, но потом сообразила, что автор, некто по имени Элизабет, сначала писала как положено, а потом повернула листок длинной стороной к себе и принялась писать по написанному. Результат

получился вроде бы нечитаемый, словно забор из колючей проволоки, положенный один на другой. Но Никки обнаружила, что при определенном наклоне листа вертикальные строки как бы уходят в тень, а горизонтальные, наоборот, становятся более яркими.

Письмо написано 4 января 1919 года. Элизабет писала о самом обыденном: о гостях, о новогодней вечеринке, о новой одежде и новой лошади. Но одна часть письма заинтриговала Никки:

«...я надеюсь, что твоя дорогая мама уже не так сильно расстроена, как прежде. Я смотрю на календарь и вижу, что прошел год с того дня, как лихорадка забрала крошку Фредерика. Такая трагедия. Но время, надеюсь, чуть притупило боль утраты».

Никки представила себе мать, молодую и прекрасную, в одном из длинных облегающих платьев, в каких ее запечатлели на фотографиях. С разрывающимся от боли сердцем она сидит у постели больного ре-

бенка и не может дать ему необходимое лекарство, потому что его еще не изобрели. Наверное, нет ничего ужаснее, чем наблюдать, как умирает твой ребенок.

Никки решила сохранить это необычное письмо и положила его на полку, рядом с фотографией сиамских близнецов.

Подошло время встречи с Кристал. Никки надела куртку и направилась в центр города. Вдруг над ее головой с ревом пролетели истребители. Никки содрогнулась и вспомнила предельный срок, установленный президентом: до конца ультиматума оставалось только три дня.

Город погрузился во мрак. Все дома стояли темные. На Березовой улице в одном особняке в окнах горел свет, а у крыльца стояла патрульная машина. «Господи, - подумала девочка, - они собираются заставить всех следовать правилам, установленным миссис Бисон».

Никки зашла в ресторан «Уютный уголок». В зале царил сумрак: верхний свет не горел, и темноту разгоняли горящие на столах свечи, что прибавляло уюта. Ник-

ки сразу заметила Кристал: она сидела за столиком у окна, спиной к двери, в компании высокого мужчины с маленькими усиками, должно быть, это был Лен, риелтор. Почему он оказался за одним столом с Кристал? Тетя не говорила, что они будут обедать втроем, к тому же тетя обещала ей, что выслушает рассказ о ее приключениях. Впрочем, у Никки поубавилось желания рассказывать.

Лен увидел девочку, стоящую у двери, и что-то сказал Кристал. Та повернулась и позвала:

- Никки! Мы здесь!.. Я разговаривала сегодня с твоей мамой, - сказала Кристал, как только Никки села за столик. - Она получила очередную открытку от твоего отца. Он не сообщил, где находится и что делает, но написал, что, возможно, вас ждет сюрприз.

- Наверное, он возвращается домой! - воскликнула Никки. - Я так рада!

Никки очень недоставало отца. Он называл ее «моя синичка», складывал для нее из бумаги самолетики. Ах, если бы он сидел сейчас за этим столиком!

Она хотела спросить, не передала ли мать что-нибудь еще, но Кристал уже говорила о другом:

- Мы подумали, что показывать дом лучше всего в субботу.

- Будем надеяться, что с погодой нам повезет. - Лен широко улыбнулся.

- Это означает, что ближайшие три дня придется потрудиться, - радостно произнесла Кристал.

Она достала из сумки блокнот, и они принялись оживленно обсуждать, что нужно сделать, при этом вид у обоих был такой, будто более приятного занятия трудно было найти.

Никки заказала суп и уставилась в окно. Мимо прошел мужчина в футболке с надписью «Не делай этого», потом другой, с мобильным телефоном. На противоположной стороне улицы черный автомобиль въехал на автозаправочную станцию. Из машины вышел Хойт Маккой, и Никки охватило чувство вины. Она смотрела на него, пока он заливал в бак бензин, и очень обрадовалась, когда он сел за руль и уехал по дороге, ведущей к автостраде.

Обед тянулся и тянулся. Кристал со-ставила длинный список дел, и каждый новый пункт обсуждался в мельчайших деталях. Время от времени Никки вносила какое-нибудь предложение, но ее никто не слушал. Она уже хотела попрощаться и вернуться в «Зеленую гавань», как вдруг в окно кто-то громко постучал. Никки повернулась. На улице стоял Гровер. У него было тревожное лицо, он смотрел на Никки испуганными глазами.

- Это кто? — спросила Кристал.

- Сын сантехника, — ответила Никки. — Мы познакомились с ним, когда его отец ремонтировал трубы в нашем доме.

Никки рассмеялась, думая, что Гровер опять дурачится, но мальчик даже не улыбнулся. Он просил ее выйти. Никки поднялась из-за стола. Что еще случилось?

- Мне нужно кое-что у него спросить, — сказала она и выскочила за дверь.

ГЛАВА 20

Приказы

Гровер ждал ее в нескольких шагах от ресторана, перед темной витриной обувного магазина.

- В чем дело? - спросила Никки. - Почему ты так на меня смотрел? Что-нибудь случилось?

- Да. Ты знаешь о моих змеях?

Никки кивнула.

- Мне велели от них избавиться.

- Что? Кто велел?

- Бренда Бисон. Я пришел домой на обед, а в почтовом ящике лежало для меня письмо, в котором говорилось, что змеи - порождение зла, что держать их нехорошо и что я должен от них избавиться.

- Ой, - вздохнула Никки.

- Кто-то рассказал ей о змеях. И, кажется, я даже знаю кто: мой так называемый друг Мартин.

Никки не ответила. Она не могла заставить себя встретиться взглядом с Гровером и смотрела, как продавец заносил в магазин выставленные на улицу столики с уцененной обувью.

- Несколько дней назад он крутился около моего сарая, - продолжал Гровер. - Правда, я не уверен, что это был он, но кто-то там был и быстро убежал. - Он насупился. - Я не хочу избавляться от моих змей.

У Никки голова пошла кругом. Как ей понять, на чьей она стороне: то ли она помогает Богу, то ли является подругой Гровера.

- Я хотел с кем-нибудь поделиться. Увидел тебя, вот и... - Он пожал плечами, с любопытством глядя на Никки, будто пытался понять, почему она застыла как памятник.

И тут, помимо воли девочки, правда вырвалась наружу.

- Это не он, - сказала Никки, глядя себе под ноги.

- А кто же?
 - Это я заглядывала в сарай через окно.
- Это я рассказала ей о змеях.
- Гровер был поражен.
- Ты??!
 - Я ей помогала, - пролепетала Никки. - Выискивала ростки плохого, чтобы она могла их выдернуть. Я не знала, хорошо это или плохо — держать змей. Я просто спросила ее об этом, вот и все.
 - Почему ты ей помогаешь? - спросил Гровер, вскинув руки, и на его лице ясно читалось: «Я не могу в это поверить».
 - Потому что я хочу бороться со злом, - ответила Никки. - Находить слабые места, укреплять щит добра, чтобы мы все могли спастись.
 - Ты знаешь, что они собираются сделать, если я не избавлюсь от змей? - спросил Гровер.
 - Что?
 - Наденут на меня браслет! - выкрикнул он. Женщина, которая в это время проходила мимо, от неожиданности даже оглянулась. - Пусть попробуют! Они не прикоснутся ко мне!

- Какой браслет? - спросила Никки.

- Ты ничего не знаешь о браслетах? -

Гровер обхватил запястье большим и указательным пальцами. — Браслеты, которые гудят. Они питаются от маленькой батарейки, и от них не избавишься ни молотком, ни ножовкой. Они говорят, что браслеты носят грешники. Никто не может говорить с человеком, которому на руку надели браслет. И они не снимают его, пока ты не перестанешь грешить или не уйдешь.

- Уйдешь?

- Да, покинешь город. Переедешь куданибудь.

- Так я, наверное, слышала, как они гудят, и не раз.

- Сейчас эти браслеты у троих или четверых. Эти люди не выходят из дома. Я знаю, что один браслет есть у Джонатана Смолла, а другой - у Рикки Платта.

- А что они сделали?

- Насчет Рикки не знаю, но Джонатан поет, — ответил Гровер. — Никто не должен петь, раз пророчица сказала: «Никаких песен». Но он каждое утро, когда принимает

душ, громко поет что-нибудь веселое. Соседи услышали, вызвали полицейских, и ему надели браслет. Он говорил, что не откажется от пения, но, наверное, уже готов пересмотреть. Эти браслеты сводят людей с ума. А теперь еще многие нашли письма в своих почтовых ящиках. Элвудов предупредили, что они не должны кричать друг на друга и сквернословить, а Мариэсса Браун должна бросить курить. Ты бы видела, что произошло в доме Хойта Маккоя! Его пытались арестовать. На моих глазах...

У Никки сильно забилось сердце.

- Может, тебе стоит выпустить змей?

- С какой стати? - вспыхнул Гровер. -

Кому они причиняют вред?

- Они могут кого-нибудь укусить, - промямлила Никки.

- Сарай запирается на замок! Никто не заходит туда, кроме меня! — Гровер стал кричать, прохожие испуганно смотрели на него. - И потом это неядовитые змеи!

Никки отпрянула, увидев безумные глаза Гровера.

- Мне очень жаль. Я лишь старалась... поступить правильно. - Она глубоко

вздохнула. - Если они попытаются надеть на тебя браслет, что ты сделаешь?

— Убегу. Они меня не поймают, - решительно произнес Гровер. - А тебе следует самой думать, что правильно, а что нет, и не полагаться на чье-то мнение. — Он развернулся и ушел.

Никки стояла у обувного магазина, испытывая тяжелое чувство вины.

В ту ночь Никки не могла заснуть. Она думала о синих конвертах. Должно быть, миссис Бисон раздала их всем, кто, по ее мнению, сделал что-то плохое. Сколько людей выдала Никки? Будут ли они сопротивляться, как Гровер? И что в этой ситуации правильнее?

Никки стало нехорошо. Она долго лежала без сна, думая о Гровере и его змеях, о гудящих браслетах, о пророчице, президенте, Боге, борьбе добра и зла, и в конце концов в голове у нее все смешалось. Она встала с постели и на цыпочках поднялась на третий этаж, в детскую. Отис спал на кровати Аманды, но, услышав, как она вошла, спрыгнул на пол и подбежал к ней.

Никки подняла его на руки и забралась с ним в кровать. Нашупав теплое место, где лежал Отис, она положила его рядом и сразу успокоилась. Но ей не удалось хорошо выспаться. Чувство вины или ужаса - она не могла определить - оставалось с ней и утром.

ГЛАВА 21

Готовясь к показу дома

Следующие два дня, среду и четверг, Никки и Кристал готовили «Зеленую гавань» к показу потенциальным покупателям. Тетя поручила племяннице привести в порядок комнаты на третьем

- Не обязательно наводить лоск, но нужно сделать так, чтобы можно было пригласить туда людей, - сказала она. - Разложи аккуратно вещи, убери паутину, подмети. - Кристал оглядела гостиную. - Первые два этажа должны выглядеть как можно элегантнее. Я думаю, с этим мы справимся - дом-то хороший.

Время от времени Кристал поднималась на третий этаж, чтобы посмотреть, как

идут дела, и Никки приходилось быстро прятать Отиса в чулан и прибавлять громкость радиоприемника, чтобы заглушить звуки, которые он издавал. К счастью, третий этаж не очень интересовал Кристал. Она заботилась лишь о том, чтобы он выглядел пристойно, и поэтому надолго там не задерживалась.

Работая, Никки, не переставала думать над тем, что такое хорошо и что такое плохо. В четверг вечером, во время обеда, она задала этот вопрос тете:

- Кристал, как ты можешь определить, что хорошо, а что — плохо?

Кристал совершенно вымоталась, представляя мебель и отправляя коробки с вещами в комиссионный магазин.

- Ты спрашиваешь, как определить, хорошая книга или плохая? Хороший фильм или плохой?

- Нет. - Никки покачала головой. - Я про то, что человек делает. Как понять, хорошо он поступает или плохо?

По телевизору передавали новости.

- Прослушайте заявление президента, - произнес диктор.

Не ответив на вопрос Никки, Кристал подняла указательный палец:

- Давай послушаем.

На экране появился президент:

«Срок ультиматума Фалангии подходит к концу, остается один день. К сожалению, должен отметить, что никакого прогресса в наших отношениях нет. Мы полны решимости и не отступим перед угрозами злобных безбожников. Граждане страны должны быть готовы к конфликтному развитию событий. Всю необходимую информацию можно получить на сайте Министерства национальной безопасности три дабл-ю...»

Кристал выключила радио и нахмурилась.

- Не нравится мне все это. С нами-то ничего не случится, но я волнуюсь за твою маму. Мегаполисам достанется в первую очередь.

- Так давай позвоним ей и скажем, чтобы она приехала сюда.

- Нет, сейчас не время для путешествий. Не знаю, что и делать.

Кристал включила радио, но президент уже закончил свое выступление, а диктор

говорил о террористах, которые захватили сотню заложников и заставляют их принять свою веру.

- Теперь ты можешь ответить на мой вопрос? — спросила Никки. — Как определить, что хорошо, а что плохо?

- Это очень сложный вопрос, - ответила Кристал, - а я безумно устала. Но, наверное, если уж отвечать на него, я бы сказала, что нужно посмотреть, не вредит ли комунибудь твой поступок, не причиняет ли боль. Если да, то хорошим он быть не может.

- А если ты причиняешь боль не людям и даже не животным, а Богу?

- Причинить боль Богу? Это как?

- Если то, что ты делаешь, противоречит слову Божьему.

- Тогда ты должна знать, что Он говорит, так? При условии, что Он, находясь там, наверху, что-нибудь говорит. - Кристал от правила в рот ложку супа. - Для меня это слишком сложно. Я хочу пообедать и лечь спать. Между прочим, твоя мама опять позвонила и зачитала мне очередную странную открытку от твоего отца.

Никки вскочила.

- Ты записала текст? Где он?
- Где-то здесь. — Кристал пошла в холл и вернулась с листком бумаги. - Вот.

Никки прочитала:

*«Дорогие Ракель и Никки!
Как у вас дела? Мы работаем, как обычно.
У меня полный порядок. Мне вас очень
недостает.*

С любовью, папа.

P.S. Никки, я думал о фильме, который мы посмотрели на твой девятый день рождения. Кажется, он назывался «Ослепленный снегом»?»

Никки очень хорошо помнила день, когда ей исполнилось девять лет. Она ходила на каток вместе с Кейт и Софи. И никаких фильмов. То ли ее отец выживал из ума, то ли в открытках содержалось зашифрованное послание. Но она могла разгадать шифр. Конечно, могла. Никки принесла тексты в спальню, разложила их на кровати и стала изучать. Спустя некоторое время у нее начала появляться идея...

В пятницу утром Никки решила, что должна узнать, как Гровер и его змеи. Даже если он еще злится на нее, она больше не может быть в неведении.

Кристал собиралась встретиться с Леном и обсудить последние детали завтрашнего показа дома.

Проводив тетю, Никки пошла с Отисом на прогулку, потом покормила его и направилась к дому Гровера.

Утро выдалось холодным. Над городом нависли свинцово-серые облака. На Главной улице царила напряженная обстановка. Никки шла не останавливаясь. Она спешила.

Бабушка Кэрри увидела Никки, когда девочка направилась к крыльцу дома Гровера.

- Здесь ты его не найдешь, - предупредила она, едва Никки поднялась по ступенькам.

- А где он?

- Где-то в лесу. Рано утром на него надели браслет, он и убежал.

Никки застыла на месте:

- Браслет?

- Да. - Бабушка поджала губы. - Отвратительная штуковина.

- Он не пошел в школу?

- Сомневаюсь. Этот браслет так громко гудит, что его, скорее всего, выгнали бы с урока.

- Значит, он не отдал своих змей.

- Сказал, что не понимает, почему он должен их отдавать.

- Как они его поймали? Он же говорил, что убежит.

- Напали из засады. Тедди Крейн и старый Билл Уиллард схватили его, выскочив из-за гаража, когда он шел в школу. Потом он убежал, а эти двое пришли сюда и сказали нам, что они сделали.

- Я попытаюсь его найти, - произнесла Никки.

- Не стоит, - сказала бабушка Кэрри, покачав головой. - Отец уже отправился искать его. В лесу можно заблудиться.

— Но в лесу террорист! - воскликнула Никки.

- Да, я слышала. - Бабушка Кэрри нахмурилась. - Это, конечно, причина для волнений. Но нынче у нас так много при-

чин для волнений. - Она указала на окно, из которого доносился звук работающего телевизора. - Президент установил срок. Мы ждем. Надо же узнать, будет война или нет.

ГЛАВА 22

Вселенная в доме

Никки уходила от дома Гровера, а в голове у нее вертелись мысли об ультиматуме президента. Неужели может начаться война? Никки посмотрела на небо, боясь, что на город сейчас спикируют вражеские штурмовики.

Она не знала что делать. Искать Гровера действительно не имело смысла. Даже если она найдет его, чем ему помочь? И уж конечно она не могла остановить войну. Ее цель номер три теперь казалась ей глупостью: разве она могла что-нибудь сделать, чтобы помочь этому обезумевшему миру? Она же, в конце концов, ребенок.

Никки шагала по тротуару, не глядя по сторонам, изредка отбрасывая камешки,

которые попадали ей под ноги. Она думала о Гровере, убежавшем в лес, где, возможно, прятался опасный террорист, о Хойте Маккое, обвиненном полицией в том, чего он не делал, и чувствовала за все это свою вину. Она хотела как лучше, а поступила плохо.

Добравшись до Вороньей дороги, Никки повернула налево. Она не собиралась идти этим путем, но ноги, похоже, сами несли ее. Недалеко от дома Хойта Маккоя она увидала прибитую к дереву табличку «Посторонним вход воспрещен». Никки смотрела на участок и боролась с собой. В ней словно говорили два голоса. Один требовал, чтобы она прибавила шагу и побыстрее миновала этот участок, а другой призывал подойти к дому, постучать в дверь и извиниться за то, что произошло. Хватило бы у нее на это храбости? От одной только мысли об этом у нее похолодели руки. Однако она решила подойти, быстро постучать, извиниться и тут же уйти - на это, подумала Никки, у нее хватит храбрости.

Дом, как и прежде, стоял темный и тихий. Окна в нем были закрыты, не было

видно ни телескопа, ни винтовки, и это придало ей смелости. Подойдя ближе, Никки вдруг осознала, что автомобиля Хойта около дома нет. Хорошо! В кармане ее куртки, как обычно, лежали клочок бумаги и огрызок карандаша, и она могла...

Внезапно за спиной у нее послышалось урчание мощного двигателя и хруст гравия. Никки повернулась и увидела подъезжающий черный автомобиль, за рулем которого сидел Хойт Маккой. Разумеется, он уже увидел ее, поэтому убежать она не могла. Она остановилась, и у нее гулко забилось сердце.

- Ага! - произнес Хойт, выходя из машины. - Еще одна нарушительница.

- Я... я пришла, чтобы извиниться за то, что произошло, - пролепетала Никки.

- Ты говоришь про вторжение полиции?

- Да. Это случилось, потому что... я по-думала, что вы хотели... застрелить меня.

- Я не стреляю в людей, - сказал Хойт, открывая заднюю дверцу и доставая потрепанный чемодан. - Я, возможно, не люблю людей, но не стреляю в них.

- Я подумала, что у вас винтовка и вы целитесь в меня из окна.

- А теперь мой вопрос тебе. - Хойт поставил чемодан на гравий, упер руки в бока и пристально посмотрел на девочку: - Зачем ты зашла на мой участок, почему ты заглядывала в мои окна?

Что Никки могла ответить на это - что она старалась служить добру? Она прекрасно понимала, что смотреть в чужие окна неприлично, какими бы благородными ни были причины, побудившие ее к этому. Она стояла, опустив голову и уставившись в гравий.

- Но я и так знаю причину. Тебя послала Бренда Бисон. Она послала и того мальчишку, так?

- Какого мальчишку?

- Мальчишку, который неделю назад отирался на моем участке, а потом прокрался сюда, когда полицейские пытались арестовать меня. Худощавого мальчишку, с падающими на лицо волосами.

- Ах, Гровер! Нет, она его не посыпала, - сказала Никки. - Что ж, я должна идти. - Она уже сделала то, зачем приходила.

- Один момент, - остановил ее Хойт Маккой.

Сердце Никки гулко билось в груди.

- Я только что вернулся с важной встречи, и она принесла результат, на который я рассчитывал. Поэтому я в превосходном настроении, что со мной случается редко. Я хотел бы показать тебе, что мрачным и не очень опрятным может быть не только преступник и сумасшедший. Но ты, наверное, отклонишь предложение войти в мой дом.

- Спасибо вам большое, но я должна идти.

- Я так и думал. Мудрый выбор, и обычно правильный, однако в данном случае ты проявляешь излишнюю осторожность. Но с того места, где ты стоишь, тоже можно все увидеть.

Он открыл дверь и отступил в сторону, чтобы Никки смогла заглянуть в дом. Она увидела просторный холл с арками в боковых стенах, ведущими в другие комнаты. Окна были зашторены, и комнаты лишь слегка освещались золотистым светом ламп накаливания. В холле царил бес-

порядок: стопки книг на полу, одежда на ручках дверей, на столике валялись какие-то вещи и бумаги.

Почему он ей все это показывал? Может, повернуться и убежать? Никки отступила на несколько шагов, но любопытство заставило ее вернуться.

- Меня не интересует повседневная скучная болтовня, - заговорил Хойт, - соблюдение внешних приличий, вежливость и красивая одежда. Те, кому не нравятся моя внешность и мой дом, никогда не приближаются ко мне, и меня это устраивает. Мой мир - небо, дневное и ночное. Смотри.

Никки услышала щелчок выключателя - все лампы в доме мгновенно погасли, комнаты и холл погрузились в темноту, и только через распахнутую входную дверь в дом вливался свет. Девочку вновь охватил страх: вдруг он сейчас выскочит и схватит ее? Но через мгновение стены и потолок начали светиться, постепенно черный цвет менялся на синий, словно штукатурка уступила место стеклу, и стены превратились в гигантский телевизи-

онный экран, на котором появились крошечные точки света, их количество все увеличивалось, следы беспорядка ушли в тень, и в комнатах Хойта Маккоя засияли звездами ночные небеса.

- Эффект усиливается при закрытой входной двери, - пояснил Хойт. - Ты можешь войти и посмотреть, но, если ты по-прежнему меня боишься, я не буду настаивать.

Никки стояла, широко раскрыв глаза, лишившись дара речи.

- Пришлось приложить немало усилий, чтобы обустроить этот дом. Люди заглядывали через забор, чтобы понять, что же я тут переделываю, и недоумевали, когда после завершения работ дом снаружи остался прежним. - Он сухо рассмеялся. - Небо - мое место жительства и моя работа, хотя о ней я, как правило, не говорю.

Тут Никки вдруг вспомнились слова Гровера.

- Вы можете расколоть небо?

Хойт вскинул брови:

- Кто тебе это сказал?

- Гровер. Он видел.

- Ах да, значит, видел. - Хойт улыбнулся. - Наблюдательный парень. Большинство людей решили бы, что это молния.

- А что это было?

- Вот об этом мне сейчас говорить не хочется. Последние несколько дней я вел очень сложные переговоры. Результатом доволен, но вымотался донельзя, слишком вымотался, чтобы опять что-то объяснять.

- Знаете, все это действительно очень красиво, - сказала Никки.

Она хотела войти в дом и рассмотреть все, оказавшись среди звезд, словно в открытом космосе, но не находила в себе смелости. Если бы Хойт выглядел старым добрым дядюшкой, может, и осмелилась бы. Но он был таким большим, неопрятным, нечесанным... Она по-прежнему боялась его, хотя, похоже, без всяких на то оснований.

- Спасибо вам. Мне так нравится! Это целая вселенная?

- Разумеется, нет. Малая часть одной вселенной, нашей. Будь у меня несколько миллиардов домов, я бы разместил и несколько других вселенных.

Другие вселенные. Никки подумала о записях в дневнике прадедушки. Она едва могла свыкнуться с идеей одной вселенной, не говоря уже о других.

- Я хотела бы на все это посмотреть. Но, может, я зайду в другой раз?

- Просто нажми на кнопку звонка. Нарушители не приветствуются, в отличие от некоторых избранных гостей. Считай, что ты в их списке. - Коротко, без улыбки, кивнув, он закрыл дверь. Вселенная исчезла.

Никки была так взволнованна, что, вернувшись в «Зеленую гавань», стала бродить по дому, не в состоянии присесть. Она смотрела на портреты своих предков в золотых рамках, пробегала пальцами по перилам лестницы, изучала свое отражение в большом зеркале в столовой, потом поднялась в детскую и, взяв Отиса на колени, покачалась с ним в кресле-качалке при свете торшера.

В половине пятого Никки вывела щенка на прогулку и увидела, что на улице много людей. Все куда-то торопливо шли, будто опаздывали на важную встречу.

Никки отвела Отиса в дом и вышла на улицу. На тротуаре она встретила Мартина.

- Что случилось?

- Ты не слышала? - Мартин пренебрежительно посмотрел на девочку. - Миссис Бисон созывает горожан на собрание. Дело срочное. Тебе следует пойти. Собрание состоится у церкви.

- Ты знаешь, о чем пойдет речь? - спросила Никки.

- Нет, - ответил Мартин. - Но, наверное, о чем-то важном. Тебе бы лучше прийти, — уходя, проговорил он, а потом добавил: — И твоей тете тоже.

Никки не сомневалась, что Кристал не пошла бы на собрание, но сама решила пойти. Ей не терпелось узнать, по какому поводу собрание. Она надела куртку — солнце уже садилось, и становилось холодно — и присоединилась к людскому потоку, устремившемуся к церкви.

ГЛАВА 23

Экстренное собрание

Со всех сторон люди стекались на Главную улицу. Хмурые, с озабоченными лицами шли мужчины, женщины с маленькими детьми на руках, родители с детьми постарше. Все шли молча, лишь изредка кое-кто шепотом задавал вопросы, на которые отвечали тоже тихо: «В чем дело, вы не знаете?» — «Понятия не имею» - «Должно быть, что-то серьезное?» - «Возможно, связано с пророчицей». Людской поток двигался мимо темных витрин магазинов, которые в этот день закрылись раньше, мимо пустынного парка... На собрание спешили чуть ли не все жители Йонвуда. Никки точно знала, что не все: не придет Хойт Маккой, Гровер, пото-

му что он убежал в лес, и еще несколько горожан, которые не жаловали Бренду Бисон.

Миновав давку в дверях, Никки очутилась в длинном зале, заставленном деревянными скамьями. Окна из цветного стекла не пропускали много света - уже наступили сумерки, - и в зале горели свечи, освещавшие проходы, скамьи, но верхняя часть зала и потолок растворялись в темноте.

Люди расходились по церкви, усаживаясь на скамьи. Никки села на самой дальней. Горожане тихо шептались в тревожном ожидании.

Наконец дверь за кафедрой открылась, и в церковь вошла миссис Бисон. Она поднялась на кафедру, оглядела собравшихся, и шепот тут же стих.

На этот раз миссис Бисон была без шляпки, в красном платье, к которому был приколот значок-пуговица с изображением башни. Миссис Бисон выдержала долгую паузу, глядя на лица собравшихся, а потом заговорила:

- Друзья, мы живем в трудное время.

Гул согласия прошелестел над скамьями.

- Наша пророчица увидела ужасную беду для мира, возможно, грядущую войну. Вероятно, это связано с террористом, который прячется в нашем лесу.

Толпа вновь загудела.

- Но пророчица пытается сказать нам, как спастись от этой беды. Я называю это чудом. Нас с вами словно взяли под крыло Бога.

Миссис Бисон улыбнулась, и Никки показалось, что все ощутили тепло ее улыбки.

- Мы стремимся выполнять указания нашей пророчицы, но не всегда можно понять, о чем она говорит. Иногда она произносит то, что даже я не могу истолковать. Например, она говорит: «Никаких слов». Если она имеет в виду не ругательства, без которых мы и так обходимся, то я в полном замешательстве. Она часто произносит еще одну фразу, которую я не могла правильно понять. Но теперь, когда нависшая над нами опасность становится реальной, я думаю, у этой фразы есть только одно толкование.

Миссис Бисон замолчала и посмотрела на сидящих перед ней людей. «Она выглядит как королева, - подумала Никки, - синеглазая, в рубиново-красном платье, с подсвеченными пламенем свечей волосами». Люди в церкви затаили дыхание.

Наконец миссис Бисон расправила плечи и заговорила вновь:

- Все, что я сейчас скажу, принесет нам всем пользу. Мы должны повиноваться, понимаем мы, почему это нужно сделать, или нет. Пути Господни для нас непостижимы.

В церкви повисла мертвая тишина. От напряжения Никки стало не по себе.

Миссис Бисон заговорила почти шепотом, но голос ее наполняла такая сила, что все слышали каждое ее слово:

- Алтия повторяла эту фразу снова и снова, но я не хотела ее слышать. «Никаких собак, - говорит она. - Никаких собак». Совершенно ясно, собаки каким-то образом стоят у нас на пути.

- Что?! - вдруг воскликнула женщина, сидевшая около кафедры.

Миссис Бисон повысила голос:

- Да, я все понимаю и испытываю те же чувства к моей маленькой Сосиске. Но почему мы должны отдавать животному любовь, которая могла быть отдана нашим семьям? Почему мы должны отдавать животному любовь, которую могли бы подарить Богу? Я знаю, друзья, это трудно, но собаки, все до единой, должны нас покинуть.

Сердце Никки учащенно забилось. Что она такое говорит?

В церкви поднялся шум.

Миссис Бисон вскинула руки, напоминая ангела, готового взмыть к небесам.

- Послушайте!

Все замолчали.

- Это больно, я знаю. Но ужасные времена требуют огромных жертв. Мне представляется, пророчица пытается донести до нас простую истину: чем чаще мы говорим «нет» всему мирскому, к чему мы так привязаны, тем больше у нас возможностей сказать «да» Богу. Когда веришь, что ты прав, тогда ради этого ты можешь сделать все что угодно. Все что угодно!

Несколько человек встали и вышли из церкви. Кто-то, уходя, крикнул: «Она не права!» - но большинство осталось на своих местах в ожидании инструкций миссис Бисон.

- Значит, так. Послезавтра я пошлю автобус, - продолжала она, - в который соберут собак из всех домов, и их увезут в дикие места за много километров отсюда. Собаки вернутся в природу, которой они принадлежат. Ни одному животному не будет причинен вред, а мы в Йонвуде продолжим выполнять заповеди нашей пророчицы и сможем любить Бога всем сердцем.

У Никки кровь прилила к лицу.
«Они не возьмут Отиса, - подумала девочка. - Никогда!»

Но вдруг ее осенила мысль, что за Отиса можно не беспокоиться: никто, кроме Аманды и Гровера, не знал, что в «Зеленой гавани» живет собака. Правда, гулять с ним теперь нужно осторожно, а когда продадут дом, Никки увезет его с собой, подальше от Йонвуда.

Она уже знала, что ей не достичь цели номер один — поселиться в «Зеленой га-

вани» с родителями. Никки по-прежнему любила этот дом и Йонвуд, но уже не хотела жить в том месте, где миссис Бисон и пророчица отдавали приказы от имени Бога.

ГЛАВА 24

Браслет

В пятницу утром, когда Гровер шел в школу, двое мужчин загородили ему дорогу, выскочив из-за гаража. Они схватили его, надели ему на руку браслет и нажали кнопку на пульте дистанционного управления, активируя его.

Гровер вырвался и убежал, но было уже поздно. Браслет гудел на его запястье. Мальчик тряс рукой, словно хотел скинуть вцепившегося в нее скорпиона или отмакивался от роя пчел, но гудение продолжалось. Гровер не мог придумать ничего другого, как убежать из города. Он помчался по Лесной дороге, по которой редко ходили люди. Прочь из города, прочь! Гровер, сопровождаемый мерзким гудением, про-

бежал мимо школы, потом по краю игрового поля и добрался наконец до тропы, уходящей в лес.

Пробежав минут десять, он остановился. Браслет гудел, словно огромный комар около уха. С этим следовало что-то сделать, решил Гровер. Утро выдалось холодным, но от бега ему стало жарко. Он снял с себя куртку и свитер, снова надел куртку, а свитер обмотал вокруг руки, чтобы приглушить гудение, но любой человек, оказавшийся поблизости, мог его услышать. Гровер снял с себя футболку и обмотал ею руку. В результате его кисть стала как футбольный мяч, а вся рука напоминала гигантский леденец на палочке или булаву. Гровер с удовольствием треснул бы ею по голове Тедди Крейна и Билла Уилларда, попадись они ему на пути.

Двойная защита почти заглушила гудение. Гровер решил, что с этим уже можно жить, и двинулся дальше.

Он не знал, что ему делать. Он хотел только одного - исчезнуть из города, не видеть устремленных на него глаз. Нет, он должен найти способ избавиться от этой

штуковины и не пойдет домой до тех пор, пока не освободится от нее.

Гровер поднимался все выше по склону, кипя от ярости, и вскоре вышел к ручью, где недавно добывал обед для краснобрюхого. Он решил отдохнуть, обдумать ситуацию, к тому же ему хотелось пить.

Опустившись на колени, он зачерпнул ладошкой воду и вдруг вспомнил движущееся белое пятно, которое увидел почти на этом месте. Гровер поднял голову и прислушался. Вокруг - ни шуршания опавшей листвы под ногами, ни хруста веточек, лишь слабое гудение браслета, доносящееся сквозь «повязку», словно далекая сирена.

Гровер вытер руку о штаны и пошел дальше. Он подумал, не начать ли ему петь, чтобы окончательно заглушить этот противный звук, но решил, что, если в лесу действительно скрывается террорист, пение привлечет его внимание. И Гровер попытался настроиться на пение птиц.

Тропинка поднималась все выше в гору. Иногда деревья редели, и тогда мальчик

видел лежащий внизу городок. Школьные занятия уже начались, и его отсутствие наверняка не осталось незамеченным. Билл и Тедди, конечно, зашли к нему домой, сказали родителям, и, может быть, кто-нибудь уже ищет его...

К полудню Гровер почувствовал голод. В кармане его куртки оказалось печенье, но его было мало, а в лесу в это время года - почти ничего съестного. Ягоды отошли, грибы, правда, были, но Гровер в них не разбирался. Он понял, что какое-то время ему придется поголодать. К счастью, в это утро он плотно позавтракал.

Увидев небольшую поляну, он решил остановиться и попытаться снять браслет. Он сел на камень и развязал свитер и футбольку.

Браслет представлял собой плоское кольцо тусклого серебряного цвета. Гровер не понимал, как добраться до источника звука - не было ни выключателя, ни сдвижной панели.

Он попробовал стянуть браслет, но кисть в него не пролезала. Гровер попытался сломать шарнир, но добился только

того, что кромка браслета впилась в кожу. В раздражении он стукнул браслетом по камню, но лишь поцарапал его. Гудение продолжалось, сводя мальчика с ума.

И тогда Гровер предпринял еще одну попытку избавиться от ненавистного браслета. Он нашел небольшой камень и принялся бить им по браслету. Пять минут отчаянных усилий привели к маленькой вмятине на поверхности браслета и большой ссадине на руке. Гровер в отчаянии отбросил камень и снова завернул руку.

Он лег на нагретый солнцем камень и посмотрел в небо, где в вышине кружил ястреб. Что, думал Гровер, он сделал плохого? Ничего. Кому причинил вред? Никому. Так за что его так мучили? Алтия Таурээр набормотала, что змеи - это зло? Гровер не знал, что ему делать.

Словно загнанный в угол, мальчик закрыл глаза. Под лучами солнца его размороило, и он заснул.

Проснулся Гровер уже к вечеру. В лесу заметно похолодало. Гровер приуныл. Что ему делать, когда наступит ночь? И что делать завтра? Ему хотелось есть, и он на-

чал замерзать, потому что остался только в байковой рубашке и куртке. Так что лучше - тепло и сводящее с ума гудение браслета или холод и едва слышное жужжание? Гровер решил, что лучше терпеть холод.

Впервые он осознал, что ему предстоит провести ночь в лесу. Темнота наступила бы раньше, чем он успел бы спуститься в город, да он и не хотел туда возвращаться.

Гровер стал готовиться к ночи. Первым делом нужно было соорудить спальное место и поискать какую-нибудь пищу.

Гровер решил устроиться на ночь под деревьями, а не на открытом месте. Он пересек поляну и начал пробираться через кусты. Ветки царапали ему ноги и руки, под ногами была каменистая, усыпанная листвами, влажная земля. Нет, не лучшее место для ночлега.

Обследовав окрестности, Гровер нашел ложбинку, окруженную соснами. Дно ее было устлано толстым слоем иголок, из которых мальчик соорудил что-то вроде матраса. Получилось неплохо. Теперь пришло время подумать о еде.

Последние лучи солнца, опускавшегося за гору, освещали деревья на другой стороне поляны. Гровер пробирался через кусты к опушке и вдруг заметил, что кто-то шевелится среди деревьев. Гровер остановился и скрылся в кустах. Если б он захватил с собой бинокль! Неужели это террорист, услышавший гудение браслета?

Медленно двигаясь, белая фигура выбиралась на поляну. Гровер затаил дыхание. Наконец террорист вышел из укрытия.

Гровера как гром поразил: он увидел перед собой медведя, белого медведя! Он и не знал, что такие водятся в здешних лесах.

Медведь прихрамывал, вероятно, повредил лапу. Он шел, опустив морду и покачивая головой из стороны в сторону. Теперь Гровер разглядел, что медведь был не чисто белый, а грязно-кремовый.

Зверь приближался. Мальчик затаил дыхание, но не думал, что медведь нападет на него. Ему и раньше приходилось видеть в лесу медведей, и он помнил: главное - не напугать медведя своим внезапным появлением. Надо заранее дать ему знать о себе, и тогда он просто уйдет.

И все-таки Гровер нервничал: близилась ночь, он один в лесу, и этот звук, который зверь скоро услышит.

Едва он об этом подумал, как медведь поднял голову, остановился и посмотрел на Гровера.

Гровер поступил так, как посчитал правильным. Он вышел из кустов на поляну, поднял правую руку, на которой жужжащий шар напоминал знак «Стоп», и крикнул, насколько мог, твердым голосом: «Медведь! Здесь я, твой друг, а не твой обед!»

Они смотрели друг на друга. Гровер успел разглядеть светло-коричневый нос медведя и глаза, блестевшие в солнечном свете, как маленькие рубины. Размахивая правой рукой, Гровер кричал: «Ты должен уйти! Тебе грозит опасность!»

Медведь повернулся и, не торопясь, стал уходить с поляны. Через несколько минут он скрылся в лесу.

Гровер провел ночь на сосновых иголках. Вместо подушки он подложил под голову свою обмотанную футболкой и свитером правую руку. Браслет жужжал ему

в ухо, отчего во сне Гровер видел пикирующий на него боевой самолет. Проснувшись утром, замерзший и очень голодный, он понял, что ему не остается ничего другого, как идти домой. По крайней мере, сегодня суббота, и никто не отправит его в школу.

ГЛАВА 25

Показ дома

В субботу утром дом выглядел прекрасно. Отполированный пол, свежая краска, нигде ни пылинки. Среди антикварной мебели стояли большие вазы.

Кристал порхала по комнатам первого этажа, выискивая последние недочеты, которые могли отпугнуть покупателя. Трещина в штукатурке? Прикроем портретом в золоченой раме. Царапина на полу? Положим персидский ковер! Она ни минуты не стояла на месте и все время говорила: «Лампа от Тиффани - вот здесь ей самое место! Диванные подушки... Никки, принеси зеленые из спальни. Да, так лучше. Действительно, отлично смотрятся. Хотя... секундочку... А почему бы нам не поставить

столик для игры в карты вот сюда? Никки, помоги передвинуть его».

Так пролетел час с небольшим. Никки думала об Отисе, который сидел наверху без еды, невыгулянный, и мог в любой момент заскулить или залаять. Но Кристал впервые за многие дни никуда не собиралась уезжать.

В десять часов она включила радио.

- Должны же передать какие-то новости, — сказала она и села к кухонному столу.

«В любую минуту мы ожидаем заявление Белого дома, - сообщил диктор. - Срок, объявленный президентом, истек вчера, но до сих пор у нас нет оценки нынешней ситуации».

Прошло уже немало новостей, но никакого заявления так и не передали. Сообщили о каком-то мятеже, о свадьбе кинозвезды, и наконец диктор объявил, что заявления пока не ожидается.

- Странно, - удивилась Кристал, выключая радио. - Но, по крайней мере, это еще не война.

Она продолжила свое занятие, еще полчаса наводя лоск в комнате, а потом села

на красный диван в большой гостиной и оглядела результаты своего труда.

- Неплохо! — произнесла она и посмотрела на часы. - Десять сорок две. Мы открываем дом в одиннадцать. Лен должен вот-вот подъехать.

- Я тебе больше не нужна? - спросила Никки.

- Нет-нет. — Кристал помахала рукой. - Можешь идти поиграть.

- Хорошо, только мне надо забрать кое-что сверху.

Кристал кивнула и, взяв пульверизатор, окатила водяным туманом папоротник в горшке.

Никки взлетела по ступеням. Бедный, бедный Отис. Он стоял у двери, ждал ее и отчаянно повизгивал.

- Не волнуйся, Отис, подожди еще две минутки, - уговаривала Никки щенка. — Я знаю, ты голоден, но сначала нам нужно выйти отсюда, поэтому ты должен вести себя очень и очень тихо.

Она прицепила поводок к ошейнику Отиса, другим концом обмотала ему морду, чтобы не лаял, и понесла его вниз. На

втором этаже Никки остановилась и прислушалась, но не поняла, где Кристал. Спустившись на первый, она пошла по коридору, который вел на кухню, и тут до нее донеслись голоса.

- Все выглядит превосходно! - воскликнул Лен. - Как и ты.

- Ну, спасибо. Ты просто душка!

Никки поняла, что они стоят у парадной двери, и ее это вполне устраивало. С Отисом на руках она прошмыгнула на кухню, схватила со стола яблоко и сдобы, крикнула: «Пока, я ухожу! Удачи!» - и захлопнула за собой дверь черного хода.

Для прогулки день выдался не самый лучший. Небо было затянуто серыми облаками, дул холодный, пронизывающий ветер. Никки надела свою самую теплую куртку, шерстяной шарф и вязаную шапочку, но все равно мерзла. Чтобы согреться, она старалась идти быстро. Отис сидел у нее на руках, уткнув мордочку в ее шарф.

Как только они повернули на Папоротниковую улицу, а потом на тропу, уходящую в лес, Никки опустила Отиса на землю.

Настроение у нее сразу улучшилось, холод уже не имел значения. Перед ней расстипался лес, таинственный, неисследованный. Здесь ей не грозила встреча с ненавидящей собак пророчицей или с ее шпионами, а если по лесу бродил террорист... что ж, увидев его, она спрячется - и дело с концом.

Никки не шла, а летела, довольная тем, что выбралась из города. Под ногами у нее потрескивали прихваченные морозцем опавшие листья, комочки земли и мелкие сучки. Со всех сторон ее окружали высокие деревья. Под ветром они раскачивались, и с них слетали последние листья.

Хотя близился полдень, у Никки не возникло желания где-нибудь присесть и съесть булку и яблоко, которые она взяла с собой, - ей хотелось только шагать и шагать.

Тропа поднималась все выше, с обеих сторон к ней подступали деревья, но потом они вдруг поредели, и Никки увидела внизу крыши Йонвуда, который издалека казался маленьким и мирным. Людей она, разумеется, разглядеть не смогла и попы-

талась найти «Зеленую гавань», но - увы. Ей стало очень грустно, когда она смотрела на городок, куда мечтала переехать. Она-то думала, что это идеальное место, тихое и прекрасное, не знающее бед мегаполисов. Если б кто-нибудь заранее сказал ей, что в Йонвуде борются с силами зла, пытаясь построить щит добра, она бы только обрадовалась. А теперь она не желала иметь никаких дел с этими «строительями».

Никки продолжала идти. Отис времяя от времени останавливался, нырял под куст или начинал рыться в опавшей листве. Некоторые места вызывали у него такой интерес, что он надолго застревал там, обнюхивая их. Никки не мешала ему. Она стояла и смотрела, как с ветки на ветку перелетали птицы. В небе медленно плыли облака. Иногда в просветы между ними врывались солнечные лучи, которые освещали лес, траву, тропу. В такие моменты льдинки на земле блестели, как осколки стекла.

Через час Никки подумала, что пора отдохнуть и поесть, и начала искать место, где можно было бы присесть. Вскоре она

нашла упавшее дерево, увитое лианами и поросшее зеленым мхом. Очистив небольшой участок ствола, она привязала конец поводка к ветке, села и стала есть сдобу и яблоко. Последний кусочек сдобы перепал Отису.

Внезапно она услышала шаги. Кто-то спускался по тропе и приближался к ней. Сердце у Никки стало биться сильнее. Что же делать? Нырнуть в кусты? Спрятаться за деревом? Но Отис, почуяв приближение незнакомца, навострил уши и громко, пронзительно залаял. Теперь прятаться не имело смысла. Их уже заметили, и оставалось только надеяться, что это не террорист и не какой-нибудь бандит и что он не обратит внимания на сидящую на бревне девочку.

Никки сидела и ждала, и через несколько секунд перед ней появился... Гровер.

Он увидел Никки, остановился и скрчил зверскую гримасу, растянув губы и выпучив глаза.

- А-а-а-а! - завопил он. - Ужасный террорист! Жуткий монстр! Спасите меня, спасите!

- Прекрати! - отмахнулась Никки, улыбнувшись и радуясь тому, что Гровер жив и здоров.

Отис подбежал к мальчику, Гровер наклонился, чтобы погладить его, и тут Никки услышала гудение браслета.

- Можно мне посмотреть? - спросила она.

- Пять долларов.

- Да перестань.

Он развязал свитер и футболку, и гудение стало таким пронзительным, что Никки ужаснулась:

- И ты не можешь разбить его камнем или чем-нибудь еще?

- Не сломав руку — нет. Я пробовал. - Гровер вновь завернул руку в футболку и свитер. - А что ты тут делаешь?

- Дом сегодня показывают покупателям. Пришлось увести Отиса. Но не только по этой причине - еще из-за пророчицы.

Гровер присел на бревно.

- Почему?

Никки рассказала о выступлении миссис Бисон на экстренном собрании.

- Завтра собираются увезти всех собак.

Гровер вытаращил глаза.

- Я потрясен!

- Я тоже. Согласись, она не права, что собаки получают от людей слишком много любви, которая должна доставаться Богу?

- Я так не думаю, - сказал Гровер, покачав головой.

- Но за Отиса можно не тревожиться - о нем почти никто не знает. Ты же не скажешь, правда?

- Нет, — ответил Гровер и потрепал Отиса за уши. - Знаешь что?

- Что?

- Я видел террориста.

- Да перестань. Правда, что ли?

- Да. - И он рассказал Никки о медведе. - Это альбинос. Я уверен в этом, хотя никогда не слышал о белых медведях, за исключением полярных, а такие в Северной Каролине не водятся. - Мальчик вдруг погрустнел. - Я велел ему уходить ради его же блага. Люди не любят тех, кто чем-то выделяется.

- Он красивый? — спросила Никки.

- Пожалуй, нет. Скорее грязный. Весь в пятнах. И он хромал.

- Ты испугался?

Но Гровер не ответил, нахмурился, а потом вдруг его брови взлетели вверх:

- Я все понял!

- Что?

- Кто разбил окно. Готов спорить, что это медведь. Он просунул лапу через стекло.

- В ресторане?

- Да. Он схватил курицу и когтем зацепил полотенце. Она говорила, что это какая-то буква, а я всегда думал, что это просто пятно. Готов спорить, что это кровь медведя. Готов поспорить на что угодно.

Он объяснял - Никки слушала.

- И никто не догадался! - восхищенно произнесла она.

Они умолкли, и было слышно, как гудит браслет.

- Ты должен его снять, - заявила Никки. - Что ты собираешься делать?

Ветер усилился, с востока наползали черные облака.

- Придется расстаться со змеями, - сказал Гровер, вставая. - Я их выпущу. Я уже долго изучал их. Все равно собирался выпустить их летом, перед отъездом.

Никки удивленно посмотрела на мальчика:

- Ты уже собрал нужную сумму?
- Соберу. В каком-нибудь конкурсе победа будет за мной.

Они шли вниз по тропе, и Гровер рассказывал об альбиносах, о том, как редко они встречаются, как когда-то давно люди считали их священными. Никки слушала вполуха. Она грустила, грустила потому, что Гровер скорее всего не добудет денег и не отправится в поход за змеями, и потому, что у «Зеленой гавани» появится новый владелец, который не будет любить дом так, как полюбила его она. К грусти добавилась усталость, да и холод пробирал до костей.

Облака совсем затянули небо.

- Похоже, пойдет снег, - предположил Гровер.

ГЛАВА 26

Катастрофа

- Как прошел показ? - спросила Никки.
- Отлично, — ответила Кристал.
- Кто-нибудь захотел купить дом?
- Да, мы получили предложение. -

Никки показалось, что голос Кристал звучал не очень счастливым.

- От кого?
- От семейной пары по фамилии Хардести. Дети у них уже выросли, они на пенсии и решили организовать центр здоровья для пожилых. Витамины, травяные чаи, тренажерный зал, библиотека со специальной литературой, например о том, как бороться с выпадением волос или лечить больные суставы, и все такое. - Кристал выглядела подавленной. -

Мне это совершенно не нравится, но они предложили хорошую цену и готовы подписать все бумаги, как только продадут свой дом. Я позвонила сестре, твоей маме, и она сказала, что мы должны принять предложение.

«Все кончено, - подумала Никки. - Цель номер один недостижима, надеяться не на что».

Утром Никки поднялась еще до рассвета и вывела Отиса на прогулку. Потом она отвела его в детскую, спустилась в свою спальню и стала дожидаться прихода дня. Когда совсем рассвело, она встала, оделась, прошла в холодную кухню, съела на завтрак гренки с молоком и отправилась в город посмотреть, как помощники миссис Бисон начнут собирать собак.

На Главной улице Никки увидел школьный автобус, в котором не было детей. На перекрестке с Триллиумной улицей автобус повернул направо. За ним последовал синий мини-вэн с надписью на боку «Церковь огненного откровения», в котором рядом с водителем сидела миссис Бисон,

а за ними, на задних сиденьях, — какие-то люди.

Никки быстрым шагом пошла за машинами, которые вскоре остановились у небольшого дома с коричневыми оштукатуренными стенами. Миссис Бисон и несколько мужчин зашли на крыльцо, и полицейский постучал в дверь.

Из дома вышел мужчина, державший на поводке спаниеля. Он погладил своего питомца, отдал поводок полицейскому и ушел, захлопнув за собой дверь. Полицейский завел спаниеля в автобус, все сели в мини-вэн и отправились дальше.

Никки шла следом и наблюдала. По дороге к ней присоединились другие люди, и среди них был Мартин, который, похоже, с одобрением относился к тому, что происходило. И теперь Никки не могла понять, почему она вдруг решила, что он ей нравится.

Горожане активно обсуждали действия миссис Бисон, и большинство полагало, что она все делает правильно. «Это трудно — поступать правильно, не так ли? — говорила полная женщина средних лет в зе-

леной вязаной шляпе. - У меня нет собаки, но, если бы была, я бы с ней рассталась ради такой благородной цели».

Лысый мужчина в круглых очках с ней соглашался:

- Я знаю, какое это трудное решение, но человек, принявший его, может гордиться собой. Ведь он тем самым покажет свою силу. Вы понимаете, о чем я говорю?

Никки вспомнила, что она чувствовала, отказавшись от горячего шоколада. Да и гордость, и силу оттого, что смогла принять для себя трудное решение. Но разве можно было почувствовать то же самое, когда речь шла о ее любимой собаке, зная, что Отиса оставят в лесу умирать от голода и холода? Ведь это не человек что-то отрывал от себя - это собак лишали дома, а может, и жизни.

Женщина в зеленой шляпке кивнула:

— Мы должны верить нашей пророчице и не повторствовать своему эгоизму. Это же ради нашего общего блага.

Но Никки не видела ничего хорошего в том, что происходило у нее на глазах. Автомобили останавливались у дома, где

держали собаку, полицейский подходил к двери, звонил, ждал, когда ему передадут собаку на поводке, и отводил ее в автобус. Некоторые хозяева держали себя в руках, как тот мужчина в первом доме: погладив своего любимца или любимицу, уходили, закрыв за собой дверь. В других домах, особенно если там жили дети, разыгрывалась трагедия. В доме начинались рыдания, ребенок вырывался из родительских рук, выбегал на улицу, хватался за ошейник собаки, крича: «Нет, нет, вы не можете забрать моего песика!» Тогда полицейскому приходилось отрывать ребенка от собаки, а родители уводили рыдающее чадо в дом. И лишь в считанных домах дверь не открывали, и миссис Бисон записывала их адреса в блокнот.

Примерно через час, когда к первому автобусу добавился второй, а чуть позже и третий, Никки начало трясти, словно все страдающие сердца бились в каждой части ее тела. Она дрожала всем телом, как от холода. Никки поняла, что больше не выдержит. Она побежала домой, чтобы спрятать Отиса, на случай если автобус

с собаками все-таки остановится у «Зеленой гавани».

Девочка бежала и говорила себе: «Все хорошо, все хорошо, никто не знает, что он там. У меня есть время, он будет в безопасности, никто о нем не знает, кроме Аманды и Гровера, так что ничего с ним не случится». А в ушах у нее стоял отчаянный собачий лай и детские крики.

Кристал, наверное, была дома, но Никки уже не тревожило, что тетя узнает о существовании Отиса, - все равно она узнала бы в самое ближайшее время. Кристал наверняка помогла бы спрятать щенка, не позволила бы увезти его.

Но, вернувшись к «Зеленой гавани», Никки не увидела автомобиля тети. Она взлетела по ступеням, открыла дверь и бросилась наверх, но на втором этаже неожиданно столкнулась с Амандой, которая держала в руках Отиса.

Никки очень удивилась, но с облегчением вздохнула:

- Ой, ты тоже об этом подумала?

Аманда непонимающе смотрела на девочку.

- О чём? - Отис лизнул её в шею, и она вскинула подбородок.

- Что Отиса нужно спрятать, чтобы они его не нашли! Хотя никто не знает, что он здесь, будет лучше...

- Они знают, что он здесь, - прервала её Аманда.

- Знают? Тогда нам нужно поторопиться! Откуда они знают?

- Я сказала миссис Бисон, - холодным, ровным голосом ответила Аманда.

- Ты? - У Никки оборвалось сердце.

- Да, потому что не могла не сказать. Ты думала, я пойду против пророчицы?

Никки подскочила к Аманде и схватила Отиса обеими руками. Аманда вырвала его.

- Нет! Она сказала - никаких собак! Я должна его взять!

- Ты не возьмешь его!

Никки вновь бросилась к Отису. Щенок рвался из цепких рук Аманды, но она отскочила в сторону и повернулась к Никки спиной, прижимая Отиса к груди. Никки схватила Аманду за руку, и она так толкнула девочку, что та отлетела, едва устояв

на ногах. Аманда метнулась на лестницу. Никки бросилась за ней следом.

Аманда была уже на верхней ступеньке лестницы, когда Никки, поборов в себе желание толкнуть ее, схватилась за подол ее юбки. Аманда вырвалась, а Никки упала на лестницу.

Пока она поднималась, Аманда уже миновала лестницу, выбежала по дорожке к тротуару и со всех ног помчалась к перекрестку Облачной и Триллиумной улиц, где как раз показался тупоносый желтый автобус.

И тут Никки зарыдала. Из глаз ее покатились слезы, она бежала и плакала, пока не увидела, как из автобуса вышел мужчина, взял у Аманды Отиса и унес его в автобус. Никки остановилась и закричала. Автобус повернул за угол. Никки побежала за ним, слезы душили ее, но, когда она добралась до поворота, автобус уже скрылся из виду.

В девочке боролись два желания: догнать Аманду и задушить ее и найти Кристал, чтобы они могли поехать за автобусом и вызволить Отиса.

Никки стояла на улице, оглядываясь по сторонам и не зная что делать. Может, Кристал оставила ей записку в «Зеленой гавани»? Она побежала домой, металась из комнаты в комнату, но записки не обнаружила. Может, Кристал поехала в ресторан? Трясущимися руками Никки перелистывала справочник, пока не нашла телефон «Уютного уголка». Кристал в ресторане не было. Никки снова побежала на улицу. Автобус наверняка был уже далеко. Что же делать? Мысли у нее путались, с губ срывались рыдания, сердце грозило выпрыгнуть из груди, из глаз катились слезы, и она ничего не могла с собой поделать.

И вдруг из-за поворота показался автомобиль Кристал. Через мгновение Никки подскочила к нему и забаранила кулаками по стеклу.

- Они забрали Отиса! - прокричала Никки. - Аманда... она предала меня, украла Отиса! Ты должна помочь! Пожалуйста! Пожалуйста! Если мы поедем следом, то сможем забрать его...

Кристал была поражена.

- Что ты такое говоришь? - спросила она, держа бумажный стаканчик с недопитым кофе и белый пакет из пекарни.

- Они забирают собак! - почти просто-нала Никки. - Объяснять нет времени! Пожалуйста, отвези меня! По пути я все расскажу!

Перекошенное от страха и волнения лицо Никки убедило Кристал.

- Хорошо, - сказала она. - Садись в машину.

ГЛАВА 27

Погоня

Никки быстро и коротко описала ситуацию.

Кристал с удивлением слушала племянницу, глядя на нее большими глазами и порой прерывая ее вопросами:

- Ты хочешь сказать, что в доме все время жила собака? Девушка пряталась в стечном шкафу? Ты сражалась с силами зла?

Но Никки интересовало только одно: куда поедут автобусы?

- Не важно, не важно, — с трудом произносила она, потому что горло постоянно перехватывало. - Потом я тебе все расскажу. Поехали туда. - Никки указала на перекресток. - Они поехали на Березовую... Я не знаю, где теперь автобус.

Кристал направила автомобиль к перекрестку.

- И куда, по мнению пророчицы, нужно отвезти собак?

- Она сказала, в лес, на природу, которой они якобы принадлежат. Она считает, что собаки должны жить на воле, как и положено животным.

- Странно, - удивилась Кристал, прибавив газу. - Собаки не жили на воле тысячи лет. Они нуждаются в нас.

- А мы - в них! — воскликнула Никки. - Мне нужен Отис!

Они повернули на Хвойную улицу, на которой не было ни людей, ни машин, мимовали Скворцовую и выехали на Главную. Пошел небольшой снежок. Кристал включила дворники.

- Смотри! - воскликнула она.

Далеко впереди, в самом конце улицы мелькнул желтый автобус.

Но через мгновение автобус свернул с Главной улицы и исчез.

- Это Вершинная дорога. Собак вывожат из города! Ты можешь ехать быстрее? - с волнением говорила Никки.

Кристал надавила на педаль газа.

- Допустим, мы догоним автобусы.

А что потом?

- Будем ехать за ними, пока они не останавливаются, - сказала Никки, обеими руками вцепившись в приборный щиток. - А потом, когда они будут выпускать собак, заберем Отиса.

- А как же остальные собаки?

- Не знаю. Хорошо бы, конечно, спасти всех.

- А если нам не отдадут Отиса?

- Не знаю, не знаю! - взвизгнула Никки. - Давай поедем чуть быстрее.

Они повернули на узкую, извилистую дорогу, по обочинам которой росли деревья. Снег усилился, видимость упала, и Кристал снизила скорость. Если впереди и ехали автобусы, они их не видели.

- Не знаю, может, эта идея не из лучших, - с сомнением произнесла Кристал.

Никки молча смотрела перед собой, словно пыталась прожечь взглядом белую пелену. Разве Отис сумеет выжить в такой снегопад? Он совсем маленький и не знает, где найти еду.

Кристал взглянула на племянницу.

- Почему ты мне ничего о нем не говорила?

- Боялась, что ты отвезешь его в собачий приют. Ты ведь сказала, что отвезешь.

- Я сказала? - Кристал покачала головой. - Так ты все время ухаживала за ним?

Никки кивнула, к горлу подступил ком, и слезы вновь покатились из ее глаз.

- Странно, - проговорила Кристал, пожав плечами. - Эта пророчица говорит, что любовь, которую ты даешь собаке, уменьшает любовь к Богу. Я правильно поняла?

Никки кивнула. Небо все темнело, превращая день в вечер. Тени от деревьев стали такими густыми, что она уже ничего не могла разглядеть.

- Тогда то же самое можно сказать о кошках, о попугайчиках, о белках и даже о людях? Как определить, кого можно любить, а кого - нет?

- Не знаю, - ответила Никки.

Ей не хотелось говорить об этом. Она почти упиралась лбом в ветровое стекло, пытаясь хоть что-то разглядеть. Кристал

включила фары, но они освещали лишь падающие на дорогу снежинки. Ну почему Кристал так медленно ведет машину?

- Мне кажется, любовь - это любовь. При условии, что ты не любишь грабить, взрывать самолеты, похищать маленьких детей.

- Мы можем ехать быстрее? - спросила Никки.

- Нет, если не хотим вылететь с дороги, - твердо сказала Кристал. - И мы сейчас прекратим погоню. Это слишком опасно. - Она сбросила скорость перед очередным поворотом, а потом с такой силой нажала на педаль тормоза, что автомобиль потянуло в сторону. Навстречу им, из ослепляющей белизны, надвигалась большая желтая машина.

- Автобус! - вскрикнула Никки. — Он едет обратно!

Кристал съехала на обочину и остановилась. За первым автобусом проскочил второй, третий; несколько мгновений - и они растворились в снежной пелене.

- Они повезли собак обратно или уже выпустили их? - спросила Никки.

Кристал вновь выехала на дорогу.

- Я думаю, водители, как и я, поняли, что ехать дальше опасно. Почти наверняка они выпустили собак, развернулись и поехали в город.

- Тогда давай поедем дальше! - воскликнула Никки и забарабанила кулаками по приборному щитку. - Мы сможем их найти!

Кристал подчинилась, но хмурилась, глядя на дорогу, и все сбрасывала скорость. Они проехали еще минут десять, и вдруг деревья поредели, а справа у дороги открылось поле, припорошенное снегом. Никки увидела на нем черные следы от колес.

- Стой! - закричала она. - Я думаю, здесь автобусы и развернулись. Давай посмотрим.

- Мы тоже тут развернемся, — ответила Кристал, но остановила машину.

Никки выскочила и оглядела окрестности. На краю поля она заметила две или три собаки, которые бежали к лесу.

- Отис! - крикнула Никки, хотя эти собаки были значительно больше ее маленького щенка. - Отис, Отис, иди сюда! Верниесь!

Но собаки уже исчезли в лесу. Даже если они и услышали голос девочки, то не обратили на него внимания: у них было новое приключение - обретенная свобода, по крайней мере поначалу. Они еще не понимали, что в лесу им никто не поставит миску с едой и они не найдут там ни людей, ни разожженного камина.

Кристал подошла к племяннице.

- Я хочу пойти за ними, - всхлипнула Никки. — Ты подождешь меня? Я побегу к опушке и позову Отиса, оттуда он меня услышит.

- Снегопад усиливается, и уже начинает темнеть, - сказала Кристал. - Я не могу разрешить тебе идти в лес. Боюсь, мы опоздали.

- Нет! - вскрикнула Никки. - Лес же совсем близко! - Она указала на темную полосу, отделенную от них полем, и снова позвала: - Отис!

Внезапно ветер поднял снег, и белые вихри скрыли далекий лес.

- Нам пора ехать. — В голосе Кристал слышались печаль и доброта.

По дороге обратно Никки не произнесла ни слова. Она смотрела в окно на стволы деревьев, которые, как призраки, выступали из снега. Она знала, что в темноте уже ничего не увидит, но не могла оторвать глаз от леса. Сердце ее словно придавили сотней камней.

Кристал подъехала к «Зеленой гавани».

- Очень сожалею, что все так вышло, милая. Я ведь понятия не имела о том, что здесь творится.

- У тебя хватало других дел, - устало проговорила Никки.

Внезапно на нее навалилась страшная усталость. Они вошли в дом, а Кристал продолжала задавать вопросы, и Никки приходилось все объяснять. Потом они сели за стол, чтобы поесть, хотя Никки совсем не чувствовала голода. Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем она смогла забраться в постель и закрыть глаза, хотя спать ей совершенно не хотелось. Никки лежала и думала об Отисе, замерзшем, голодном и одиноком. Она думала о миссис Бисон, пытавшейся делать добро и причинявшей всем столько

боли, об Алтии Тауэр, с видения которой все началось, и о том, что наделала сама, а потом уткнулась в подушку горящим от стыда лицом и постаралась больше ни о чем не думать.

- Я хочу к маме и папе, - прошептала она. - Я хочу домой.

ГЛАВА 28

Еще один поход в лес

К утру снежное одеяло накрыло всю землю. Шапки снега лежали на деревьях и крышах. Ярко светило солнце, а под ним сверкал белый мир.

Но грустное настроение мешало Никки насладиться всей этой красотой. В другое время она выскочила бы во двор и принялась бы лепить снежных ангелов или строить крепость. Но теперь у нее не было такого желания, к тому же Кристал нашла для нее работу.

Никки умоляла Кристал снова отвезти ее на то место, где высадили собак, чтобы поискать Отиса. Но Кристал отказалась. Им предстоял трудный день, собаку наверняка уже невозможно найти - лес завали-

л о снегом, а до отъезда оставались считанные дни.

Кристал поручила Никки убраться в детской: нужно было положить вещи на место, запаковать игрушки, выбросить сломанные. Все утро девочка трудилась не покладая рук и постоянно ощущала отсутствие Отиса. У нее даже подкатил комок к горлу, когда она убирала его миски для еды.

Никки решила сохранить фотографию сиамских близнецов. Кристал, правда, сказала, что может продать ее в Филадельфии. Она позвонила в антикварный магазин, поговорила со специалистом, и тот предложил за нее триста пятьдесят долларов. Но Никки решила оставить фотографию на память о «Зеленой гавани» вместе с письмом, написанным вдоль и поперек. Она аккуратно уложила их на дно чемодана и попросила у Кристал разрешения оставить себе дневник прадедушки. Никки казалось, что теперь, когда она лишилась Отиса, он составит ей компанию. Она взяла дневник и начала листать его, думая о тайнах, которые хранили эти страницы. Интересно, что увидел профессор в даль-

ней спальне, отчего его охватила печаль? Никки села у окна и нашла эту запись:

«4/1. Необъяснимое происшествие прошлым вечером. Пошел в спальню, чтобы взять ножницы. Кажется, там кто-то есть. за кроватью. Чья-то фигура в юбке. На меня нахлынула страшная печаль. Я чуть не упал, если бы не схватился за ручку двери. Фигура исчезла, словно растворялась в воздухе. Может, у меня что-то с глазами или с сердцем?»

Перечитав эту запись, Никки вспомнила другую - о смерти младенца. Даты совпадали: младенец умер четвертого января, и в этот же день прадедушка ощутил эхо той смерти, если он именно это ощущал.

Могло так случиться? Когда ребенок умер, мать испытала такое мощное эмоциональное потрясение, что оно могло оставить шрам на ткани реальности где-то за кроватью в той самой спальне, шрам, настолько глубокий, что он не рассосался и через сотню лет. А старый профессор, сам на грани смерти, мог почувствовать

его и даже уловить образ убитой горем матери, стоявшей в тот ужасный день у изголовья постели ребенка.

Или, подумала Никки, закрывая дневник и глядя на сверкающий под солнцем снег, может, профессор где-то прочитал об этой трагедии или вообще все это вообразил, придумал в подтверждение гипотезы «параллельных миров», которая так его заинтересовала.

Действительно ли он уловил видение прошлого? Увидела ли пророчица будущее? Кому дано это знать?

Никки положила дневник в чемодан, рядом с фотографией близнецов и письмом и продолжила уборку в детской. Комната выглядела теперь так же, как в тот день, когда Никки увидела ее впервые: скатанный ковер, кресло-качалка, железная кровать и прямоугольник солнечного света на полу. Что станет с этой комнатой, когда в дом въедут новые хозяева? Никки не хотелось думать о том, что ее заставят тренажерами, - комната не годилась для этого, как не годилась она и для офиса с письменными столами и компью-

терами, потому что предназначалась она детям.

Покончив с уборкой, Никки пошла к Гроверу, чтобы попрощаться. Снег с мостовых расчистили, у тротуаров появились невысокие сугробы. Но днем потеплело, снег начал таять, и побежали ручейки.

По дороге Никки слышала разговоры людей, которых волновало молчание Белого дома. Отсутствие информации создавало в городе нервозную обстановку.

Никки совершенно не думала о войне. Ее мысли занимало другое. Она дошла до дома Гровера и постучала в дверь. Открыла бабушка Гровера.

- Добрый день. Гровер дома?
- В змеином сарае, — ответила бабушка Кэрри. - С него сняли этот браслет.
- Хорошо.
- У этой женщины особые представления о жизни.

Никки предположила, что бабушка говорит о миссис Бисон.

- Она хочет, чтобы городок был идеальным, - проронила Никки.

- В жизни идеалы недостижимы. Порядка в ней нет и не будет, - сказала ба-
ригласила Никки в дом.

а прошла на кухню и через дру-

гую дверь вышла на заснеженный двор к сараю. Гровер ставил на нижнюю полку пустые стеклянные ящики.

- Привет, - поздоровалась Никки.

- Привет, - ответил Гровер и на этот раз не состроил никакой гримасы.

- Я пришла попрощаться. Послезавтра уезжаю.

- И я бы с удовольствием уехал, — вздохнул Гровер, укладывая на верхнюю полку журналы. — Твою собаку забрали?

Никки кивнула. Она не могла говорить об этом без слез и поэтому переменила тему:

- Ты уже выиграл какой-нибудь конкурс?

нет.

ось, выиграешь.

- Боюсь, что нет. Наверное, останусь здесь навсегда.

- Откуда ты знаешь? Может случиться что угодно.

Тут глаза Гровера округлились, и он изобразил дикую радость.

- Точно! И какие возможности открываются передо мной! Я смогу работать официантом в ресторане «Уютный уголок» или стану солдатом! Или... мир может взорваться!

- Я не думаю, что такое случится, - ответила Никки, хотя предполагала, что любой из вариантов возможен, но не хотела расстраивать Гровера. - Я думаю, ты отправишься в свой летний поход.

- Ты говоришь так, чтобы подбодрить меня, - фыркнул Гровер.

- Отнюдь, - ответила Никки, потому что в голову ей вдруг пришла отличная мысль, и, судя по всему, она говорила правду. - Я могу видеть будущее и знаю, что в поход ты отправишься.

- Что ж, - сказал Гровер, - а ты станешь президентом мира.

Никки улыбнулась.

- Я рада, что познакомилась с тобой. — И она зашагала обратно в «Зеленую гавань». Впервые за два дня настроение у нее немного улучшилось.

Следующий день тоже выдался солнечным. Никки стояла на тротуаре перед «Зеленой гаванью» и наблюдала, как грузчики выносят из дома массивную темного дерева мебель. Кровати, диваны, буфеты и гардеробы, лампы, торшеры, кресла-качалки исчезали в большом фургоне для отправки в аукционный дом. После того как фургон забили до отказа, подъехал второй. На этот раз грузчики выносили из подвала старые кровати, столы, стулья и прочую мебель, которая накапливалась там больше ста лет. Им потребовался не один час, чтобы очистить подвал.

Когда фургоны уехали, Никки и Кристал прошли по первому и второму этажам. Их шаги гулко отдавались в пустых комнатах, а эхо их голосов разносилось по всему дому. Никки была удивлена тому, что дом, похоже, не загрустил. Создавалось даже ощущение, что он радовался освобождению от мебели, наслаждался пустотой, вдыхал свежий, холодный воздух, любовался миром через вымытые окна и с нетерпением ждал новых хозяев. Даже Кристал это почувствовала.

— Между прочим, отличный старый дом. Без этой ужасной викторианской мебели он выглядит гораздо лучше. Вот здесь, например, можно поставить большой белый диван, а перед ним — кофейный столик со стеклянной поверхностью... - Кристал склонила голову, обдумывая, как бы она обставила гостиную, а потом перешла в столовую. - И, разумеется, нужно переделать кухню. Пол выложить черной плиткой, столы и полки сделать из березы или сосны, чтобы кухня смотрелась веселее... - Кристал вдруг застыла у двери. - Но о чем я думаю? Тут ведь будет оздоровительный центр для стариков. — И они, не сговариваясь, вздохнули.

Никки подумала о том, что все получилось как нельзя хуже. И Отиса она потеряла, и не достигла ни одной из поставленных целей: ей не придется жить в этом доме с родителями, и влюбиться не удалось, и добра от ее действий в мире не прибавилось.

Наутро ей предстояло уехать, вероятно, навсегда, и поэтому она решила про-

гуляться к лесу, чтобы еще раз поискать Отиса и попрощаться с Йонвудом.

Она купила в кафе пакетик чипсов, две булочки с ореховым маслом, бутылку грейпфрутового сока, чтобы перекусить в лесу. Положив еду в рюкзак, где уже лежал пластиковый пакет с собачьим сухим кормом и миски Отиса, Никки пошла на знакомую тропинку, где тени от деревьев черными полосами ложились на белый снег. Солнце грело ей лицо. Она шла быстро, и каждые пять минут останавливалась и звала Отиса. Но в ответ - тишина, и лишь слышна была капель: снег таял, и капли воды падали с ветвей.

Никки подошла к бревну, на котором сидела с Гровером три дня назад. Внизу лежал городок. А над головой синело бездонное небо, и где-то там находился Бог, который смотрел сразу на весь мир. Никки хотелось знать, как Он решал, кто хороший, а кто нет, и определял, что правильно. Ей хотелось определенности. Но тут ее богатое воображение не срабатывало. Она не могла представить себе, каким образом существо на небе, кем бы оно ни

было, могло все видеть. Она не понимала, почему Бог говорил одно пророчице из Йонвуда и иное - какому-нибудь другому пророку на другом конце света. Противоборствующие нации заявляли, что Бог на их стороне. Как Бог мог быть на разных сторонах?

Никки не знала, какой из всего этого сделать вывод? То ли разные боги говорили разное разным людям, то ли Бог не говорил с этими людьми и они только думали, что слышали Его, а на самом деле слышали кого-то другого.

Пролетевшая мимо птица села на верхнюю ветвь сосны и просвистела длинную звонкую трель. Бог говорил с птицами или птицы говорили с Богом?

Никки еще раз громко позвала Отиса, но в ответ только птица продолжала петь. И тогда девочка поняла, что больше ей здесь делать нечего. Она могла уезжать из этого городка, который доставил ей столько сердечной боли. Она сняла рюкзак и вынула миски Отиса, наполнив одну водой из бутылки, а другую - сухим кормом. Может, Отис или другая собака найдет их,

вспомнит свой дом и по тропинке вернется домой.

Никки не хотела есть. Она поставила пакет на бревно, и ей понравилось, как это выглядит: подарок для собаки, подарок для человека - дар тому, кто, возможно, в этом действительно нуждался. Но ведь можно еще добавить и красоты? Она сошла с тропы, разгребла ногой снег и, увидев несколько шишек, подняла одну, самую лучшую. Потом она нашла куст с гроздьями красных ягод, от которого отломила ветку, и наткнулась на голыш с белыми прожилками размером со сливу. Никки разложила все это вокруг пакета. Ягоды - драгоценные камни, голыш - ее сердце (таким оно стало тяжелым), а шишка - просто шишка, созданная природой, а потому само совершенство.

Никки отошла на несколько шагов и оглядела композицию - очень красиво, но недоставало завершающего штриха. Она сунула руки в карманы и вытащила листок. Это было чуть помятое изображение пылевого клеща. Никки вложила листок между шишкой и голышом. Клещ

добавил загадочности, которой определенно не хватало. Он как бы говорил: «Помни, я здесь, среди всего того, что ты не можешь увидеть. Мир полон странных сюрпризов».

Никки зашагала вниз по тропе. «Если собаки не найдут еду, - думала она, - может, это сделают белки. Если никто не найдет - пусть она достанется Богу, только не Богу пророчицы, злому и привередливому, который ничего не любит, а моему Богу, Богу собак и змей, пылевых клещей и медведей-альбиносов, Богу, который любит всех и превращает мир в чудо».

ГЛАВА 29

Последний день

Утром Кристал загрузила работой почтовое отделение. Она собрала больше двадцати коробок с вещами, которые решила отправить к себе в Нью-Джерси. Все сразу они в машину не уместились, и ей пришлось отвезти их за три поездки.

Пока Кристал курсировала от «Зеленой гавани» на почту и обратно, Никки прощалась с домом. В спальне, что выходила окнами во двор, она задержалась в надежде ощутить ту же печаль, что когда-то ощутил ее прадедушка, но в ее душе была лишь грусть, вызванная расставанием сособняком.

Наконец Никки поднялась на третий этаж, где в двух комнатах стояли ящики,

сундуки, коробки, ожидавшие решения Кристал. В детской, встав у окна, Никки почувствовала присутствие тех людей, которые жили здесь раньше, писали письма, вели дневники, фотографировали, собирали открытки, вклеивали в альбомы фотоснимки и интересные заметки. И конечно, она почувствовала присутствие бедного Отиса.

В эту минуту в дверь позвонили. Никки спустилась и открыла дверь. На пороге стояла Аманда с чемоданом. Выглядела она ужасно: у нее были растрепаны волосы и поцарапаны руки. У нее было лицо человека, который не сомневался, что его пристрелят в ближайшие секунды.

- Я не хочу говорить с тобой, - с трудом произнесла Никки.

- Нет, ты должна меня впустить! - чуть не плача, проговорила Аманда. - Мне надо тебе кое-что сказать.

- Ты убила Отиса! - сердито воскликнула Никки и попыталась захлопнуть дверь, но Аманда вытянула руку и шагнула через порог.

- Но послушай, - и тут по ее щекам потекли слезы, — я думала, это правильно,

что это жертва! Мне было так трудно на это пойти, но миссис Бисон говорила, что чем труднее, тем лучше. Если трудно - значит, правильно! — Она умоляюще посмотрела на Никки, но та сверлила ее суровым взглядом. - Все тоже отдавали собак, - добавила Аманда, - и я подумала, что так надо.

Никки повернулась к Аманде спиной, уже не пытаясь закрыть дверь, прошла к гостиную и села на пол. Аманда последовала за ней.

— Я сожалею, что так поступила. Постоянно думаю о нем, где он, бедняжка. - Аманда всхлипнула и свитером вытерла нос.

— Что это ты так переменилась? - спросила Никки.

— Мысль об Отисе не дает мне покоя, - ответила Аманда. — А недавно я нашла список миссис Бисон.

— Какой список?

Аманда села на пол напротив Никки, сняла куртку, и Никки увидела, что она похудела.

— На кухне Алтии под телефонной книгой лежал листок бумаги, я и взглянула

на него. Конечно, я не имела на это права, но...

- И что это за список? - заинтересовалась Никки, но спросила холодно, чтобы Аманда не подумала, что они вновь подруги.

- Список грешников, примерно пятьдесят имен и фамилий. И характеристика каждого, одно-два слова, например «Чэд Моррис. Дерзкий, грубый». И среди них - «Аманда Стоукс».

- Ты? - От изумления Никки забыла про холодность.

- Да. И рядом с моей фамилией — «непослушная». Как такое могло быть? — Аманду переполняла обида. - Я всегда делала все, что она мне говорила.

- Это точно. — Голос Никки вновь стал ледяным.

- Кроме одного. Я купила пару женских романов, которые мне так нравятся. Она нашла их и отчитала меня. Сказала, что они несут в себе зло.

- И что ждет людей из списка?

- Браслеты. Она так и написала: на всех наденут браслеты, даже на меня! Но со мной у них ничего не выйдет. Я уеду

к своей кузине в Теннесси. Правда, я ее не очень люблю, но все же это лучше, чем оставаться здесь. Поэтому я не могла не прийти к тебе, чтобы сказать, что сожалею о своем поступке.

Она выглядела такой несчастной, что Никки едва не пожалела ее. Но, подумав об Отисе, который сейчас где-то в снегу, с мокрыми, замерзшими лапками и с пустым желудком, решила, что Аманда не заслуживает жалости.

— Так ты меня простишь? — спросила девушка.

— Если вернешь Отиса, возможно, и прощу.

— Но я не могу! У меня через двадцать минут автобус. — Аманда сложила ладони и поднесла их к подбородку, словно молилась. — Пожалуйста!

И тут Никки вспомнила, как и она горела желанием исполнить все указания миссис Бисон, потому что ей тоже хотелось, чтобы все было правильно, вспомнила, как она едва не столкнула Аманду с лестницами, и, вскинув глаза на ее заплаканное лицо, натужно произнесла:

- Хорошо. Наверное, я тебя прощаю. -
Она сделала все что могла.

- Спасибо. Я уезжаю.

- Прямо сейчас? Оставляешь пророчи-
цу одну?

- Это не важно. Они найдут кого-нибудь
еще.

- А сейчас рядом с ней никого нет?

- Ничего страшного. Она спит. - Аман-
да подхватила чемодан и направилась
к двери. - Прощай, - сказала она и вышла
из дома.

Никки наблюдала, как Аманда шла по
дорожке, наклонившись под тяжестью че-
модана, а когда она скрылась из виду, на-
дела куртку, выскочила за дверь и побежа-
ла к дому пророчицы.

ГЛАВА 30

Никки и пророчица

Около дома на Скворцовой улице Никки не увидела ни одного человека. Только птичка залетела в пустую кормушку и тут же вылетела из нее. Никки взялась за ручку входной двери и обнаружила, что она не заперта. Она вошла в молчаливый дом. В гостиной никого не оказалось, и Никки пошла по коридору, заглядывая во все комнаты. Кухня. Кабинет. Ванная. В конце коридора была лестница, по которой Никки поднялась на второй этаж, где она увидела две двери. Немного поколебавшись, Никки толкнула одну из них.

Комната оказалась полна книг. На стеллажах, на полу, на столе - везде были книги. У окна удобное кресло. И никого.

Никки попятилась из комнаты, открыла вторую дверь... и там наконец встретилась с пророчицей.

Наверное, девочка думала, что здесь будут занавешенные окна, темнота, разгоняемая свечами, как в церкви, картины на религиозные темы и статуи ангелов. Но нет, ее глазам открылась самая обыкновенная комната с кроватью напротив высокого окна. Окно, похоже, давно не открывали - воздух был спертым. На кровати лежала женщина. Ее светлокаштановые волосы разметались по белой подушке. На маленьком бледном лице выделялись огромные, испуганные серые глаза, которые смотрели как будто сквозь Никки.

Девочка вошла в комнату. Она не подумала заранее, что скажет пророчице, и теперь мысли в голове путались.

- Мисс пророчица, я хочу вас спросить... - начала было Никки. Пророчица не шевельнулась. Поняла ли она, что в ее доме гостья? Никки повторила громче: - Мисс пророчица, я Никки. Мне нужно с вами поговорить!

Руки пророчицы, лежавшие на одеяле, дрогнули, но она ничего не ответила, и Никки решила продолжить.

— Я хочу узнать, почему вы сказали «никаких собак»? Я должна знать!

Пророчица нахмурилась, словно к ней обращались на иностранном языке. Губы ее шевельнулись, но она ничего не произнесла.

Никки заговорила еще громче:

- Они забрали собак из-за вас! Вы это знаете? Они увезли Отиса! А у Гровера забрали змей! Почему? Я должна знать почему!

Пророчица открыла рот, на ее лице отразилось то ли недоумение, то ли страх. Пряди волос упали ей на лицо.

И тут Никки не выдержала. Накопившееся в ней зло выплеснулось бурным потоком: она подошла к кровати, схватила пророчицу за руку и прокричала ей в лицо:

— Скажите! Вы должны сказать, почему они забрали всех собак! Вы должны!

И пророчица наконец заговорила:

- Собак?

Никки едва расслышала ее.

- Да! - Она продолжала кричать, тряся руку пророчицы. - Миссис Бисон сказала, что мы не должны любить собак, что мы должны любить только Бога! Я этого не понимаю. Я хочу, чтобы вы объяснили!

Приподняв голову, пророчица посмотрела на девочку горящими глазами, потом уронила голову на подушку и закрыла глаза.

Никки отпустила ее руку. Бесполезно. Может, видение выжгло ей разум? Может, она могла общаться только с Богом, а не с людьми.

Никки отошла к окну и посмотрела во двор, где, как она слышала, пророчице открылось будущее. Обычный двор: лужайка с жухлой травой, кое-где покрытой снегом, и несколько деревьев. Никки открыла окно - вместе с холодным воздухом в комнату ворвалось птичье пение. Она стояла, глубоко дыша, совершенно опустошенная.

За ее спиной заскрипела кровать.

Никки обернулась. Пророчица сидела. Ее спутанные длинные волосы падали на белую ночную рубашку. Она отбросила

одеяло, спустила ноги с кровати и, дрожа всем телом, встала. Голос ее был мягким, но хрипловатым, словно она отвыкла говорить, но слова звучали четко:

- Я забыла наполнить кормушки для птиц. Когда я в последний раз их наполняла?

- Не знаю, - ответила Никки, пожав плечами. — Несколько месяцев тому назад.

- Месяцев? - Пророчица провела рукой по глазам. — Как такое может быть? — Она покачала головой. - Ты что-то говорила обо мне. Я не поняла. Скажи еще раз.

Никки рассказала, как у горожан отобрали их питомцев.

- А что еще?

- В церкви нет хора. Никто не слушает музыку по радио, не смотрит мюзиклы, потому что вы сказали: «Ни каких песен». Это приказ Бога, как объяснила нам миссис Бисон.

- Приказ Бога? - переспросила пророчица.

- Да. И вы сказали: «Ни каких огней». Теперь в городе выключают свет.

Пророчица молчала, уставившись в пол и дрожа всем телом. И Никки подумала, что она впала в прежнее состояние и больше не заговорит. Но та резко подняла голову, и ее голос набрал силу:

- Послушай, я болела. Я лежала с разбитым сердцем и с головой ушла в мое видение. Пора возвращаться в реальный мир. Ты поможешь мне одеться?

Никки помогла. Она достала одежду из комода и шкафа. Пророчица надела серые брюки и толстый белый свитер и присела на кровать - устала.

- Бренда Бисон... Так что она говорила?

Никки вновь рассказала, как миссис Бисон истолковывала слова пророчицы, как всюду выискивала зло, как от людей требовали, чтобы они любили только Бога...

Никки говорила, и большие серые глаза пророчицы наполнялись слезами.

- Теперь я понимаю, в чем дело. Она допустила ошибку. Я говорила о том, что видела. Это было видение... Ужас, который не передать словами. Выжженный, разру-

шенный мир. Мир без городов. Ничего не осталось! Ничего!

- Вы произнесли слово «горшидов». Миссис Бисон подумала, что вы имели в виду «грешников». А вы говорили про города?

- Да-да. Города уничтожили. Люди погибли. Никаких песен и танцев, никаких огней, никаких животных, никаких собак - ничего не осталось! Это то, что я увидела, а не приказы Бога.

От изумления Никки открыла рот, казалось, она потеряла дар речи.

- Не приказы Бога? - наконец переспросила она.

Алтия покачала головой.

- Это было всего лишь видение.

- Почему вы говорили «никаких слов»?

Миссис Бисон так и не смогла это истолковать, - спрашивала Никки.

- Никаких слов? Я не знаю, почему я это сказала. Должно быть, мир стал безмолвным. Подумай только, мир, где не слышится ни человеческой речи, ни пения птиц! Это невыносимо! - Она вытерла слезы.

- Может, ваше видение не станет явью? - Никки стало жаль пророчицу, такую хрупкую и грустную. - Может, ничего не случится?

- Может, и не случится, - ответила Алтия. - Не знаю. Но я продолжаю видеть сны, в которых мое видение вновь и вновь возвращается ко мне. Я вижу, как наши руководители собираются начать войну, и я кричу: «Не делайте этого!» - но они меня не слышат.

Никки подошла к Алтии.

- Я все-таки хочу убедиться, что вы не говорили, будто мы не должны любить собак.

- Нет, - сказала Алтия и взяла Никки за руку. - Нет. Я бы никогда этого не сказала. Я люблю собак. Я люблю наш мир... - И она впервые улыбнулась.

- Тогда мне все ясно. Я пойду, если вы не возражаете, мисс пророчица.

- Пожалуйста, называй меня Алтия. Я не хочу быть пророчицей. А как тебя зовут?

Никки назвала свое имя.

- Спасибо тебе, Никки. Ты меня разбудила. - Она встала, но покачнулась и сно-

ва села. - Может, мне надо подышать свежим воздухом?

Никки подвела ее к окну, и Алтия глубоко вдохнула.

- Как хорошо. И птички поют.

Но Никки вдруг услышала другие звуки. Они доносились издалека, но она не могла ошибиться: это был собачий лай.

ГЛАВА 31

Любовь

Сердце Никки чуть не выпрыгнуло из груди.

- Кажется, это собаки! - воскликнула она. - Я должна идти!

- Да-да, иди, - сказала Алтия. - Я так рада, что ты зашла ко мне, но теперь иди скорее!

Никки сбежала по ступеням и выскочила на улицу. Собачий лай становился все громче. Так где же они?

Никки помчалась к парку. Из домов выходили люди и что-то кричали друг другу. Машины замедляли ход, водители не понимали, что происходит. Никки заметила автомобиль Кристал и поспешила к нему.

- Кристал! - крикнула она. - Остановись! Иди сюда!

Кристал свернула к тротуару, остановила автомобиль и опустила стекло.

- Что случилось?

Никки только махнула рукой - она не могла говорить, потому что увидела на дороге собак. Они появлялись из-за поворота и бежали к городу, к людям. Десять, двадцать, тридцать... Никки побежала к ним, и вскоре целая свора окружила ее со всех сторон.

— Отис! — позвала она, пытаясь разглядеть свое маленькое существо среди множества лап и хвостов. — Отис, где ты?

Собаки добрались до центра города, бежали по мостовой, и Никки уже отставала от них. Казалось, они проскочат Йонвуд и скроются на другой стороне леса. Но, поравнявшись с парком, они свернули в него и принялись бегать по кругу, пока несколько собак не вырвались из этого вихря. В конце концов беготня прекратилась, и собаки стали обнюхивать мусорные контейнеры.

Со всех сторон к парку спешили люди.

— Я вижу Макса! - кричал кто-то.

- Мисси, девочка! Иди сюда! - звал свою собаку другой хозяин.

Несколько человек в футболках с надписью «Не делай этого!» шли впереди Никки и остановились на окраине парка. Сложив руки на груди, они смотрели на собак.

- Дурной знак! - пробормотал один из них.

Никки не расслышала, что ему ответили, и проскочила мимо них в парк.

Где же Отис? Чей-то боксер перевернул мусорный контейнер, и несколько собак принялись лапами разгребать его содержимое. Черная собака встала на задние лапы и стала лакать воду из фонтана. Люди искали своих собак. Кто-то находил, хватал своего любимца за ошейник, и четвероногий друг лизал хозяину лицо, виляя из стороны в сторону хвостом.

Но где же Отис? Никки охватил ужас: а вдруг он?..

Нет, он не погиб в пути. Он стоял и обнюхивал какую-то бумажку под столом для пикника.

- Отис! - крикнула Никки.

Щенок посмотрел вверх, увидел свою хозяйку, наклонил голову и двинулся к ней с прилипшей к носу бумажкой.

Она взяла его на руки, крепко прижала к себе, погладила по голове и говорила, как она рада его возвращению. Отис вертел хвостом, лизал ей подбородок. В его шерсти застряли колючки, лапы были мокрыми, холодными и грязными. От него пахло землей и сыростью.

И тут чей-то резкий голос перекрыл шум толпы:

- Это неправильно! Мы не должны этого делать! Мы не можем взять их обратно!

Никки увидела Бренду Бисон. Она стояла у входа в парк в своей красной бейсболке и размахивала руками над головой.

Несколько человек повернулись к ней. Темноволосая женщина подняла маленькую собачку и протянула ее миссис Бисон. Это была Сосиска, с репьями в длинных ушах.

Миссис Бисон уставилась на свою собаку, потянулась к ней, но тут же убрала руки и застыла как изваяние. Она была в замешательстве.

Внезапно в толпе поднялся шум. По тротуару медленно шла Алтия Тауэр. В широком сером плаще, с растрепанными волосами, низкорослая и хрупкая, она выглядела как взъяненный ребенок, который спешил туда, где происходило что-то интересное.

Появление пророчицы так поразило горожан, что какое-то время все просто молча смотрели на нее. Потом двое молодых людей подбежали к ней, подхватили под руки и довели до парка. Люди окружили ее, и она начала говорить:

- Благодарю. Я в порядке. Вон та девочка пришла и накричала на меня... - она указала на Никки и улыбнулась, - и я проснулась. — Алтия что-то прошептала молодому человеку, стоявшему слева от нее, и они вдвоем направились к миссис Бисон, которая стояла как пораженная громом. Алтия взяла подругу под руку и отвела ее в сторону.

Никки знала, о чем у них пойдет разговор, и решила, что задерживаться здесь ей незачем. Пройдя полпути, она увидела Кристал. Тетя уже припарковала автомобиль у дома и спешила к ней.

- Что тут происходит? - спросила Кристал.

- Собаки вернулись, - ответила Никки. — Посмотри, это Отис!

Кристал наклонилась и посмотрела на Отиса. Тот открыл розовую пасть и широко зевнул.

- Милый, - сказала Кристал.

- Я его оставляю, - заявила Никки.

- Даже не знаю, - засомневалась Кристал. - Ты уверена, что в доме, где вы живете, разрешено...

- Разрешено, - перебила ее Никки, хотя понятия не имела, так ли это. Ее это не волновало: она заставила бы хозяина дома изменить правила или уговорила бы мать на переезд.

- Ну ладно. - Кристал не стала спорить с племянницей.

Вернувшись в «Зеленую гавань», они сложили оставшиеся вещи в чемоданы и вынесли их на улицу.

- Я должна заехать в риелторское агентство, - предупредила Кристал.

Пока тетя улаживала свои дела в агентстве, Никки сидела в кабине с Отисом на

руках и чистила его шерсть. Вскоре щенок заснул, свесив голову, и Никки, сияя от счастья, смотрела на него.

Кристал долго не возвращалась из агентства. Никки уже начала волноваться. Тетю сопровождал Лен. Сев за руль, она опустила стекло, и он наклонился к ней, опираясь руками на дверцу.

- Я дам тебе знать. Послезавтра или днем позже.

Кристал кивнула.

- Даже не знаю, как все это воспринимать. Но ты мне позвони.

- Да, - сказал Лен, многозначительно глядя на нее. - Позвоню, не волнуйся.

Кристал прикоснулась к его руке и улыбнулась:

- Тогда до свидания.

Лен просунул голову в окно и поцеловал ее в губы. Он сделал это быстро, но Никки почувствовала, как много значил для них этот поцелуй.

Кристал подняла стекло, надела солнцезащитные очки и надавила на педаль газа. Они выезжали из Йонвуда по Главной улице.

- Зачем он собирается позвонить тебе? - спросила Никки, когда город скрылся из виду.

- Насчет продажи дома. Похоже, Хардести передумали его покупать. Они нашли другой, который больше им подходит, и теперь собираются отозвать свое предложение.

- И что тогда?

- Не знаю, - ответила Кристал. - Это зависит... Не знаю. Посмотрим.

Некоторое время они ехали молча.

- Ты нравишься Лену, - нарушила молчание Никки.

Кристал улыбнулась:

- Я знаю. Он мне тоже нравится.

- Он переедет в Нью-Джерси и станет твоим бойфрендом?

- Господи, я так не думаю.

Они выехали на автостраду, и Кристал обогнала два грузовика. Потом она посмотрела на Никки, которая распутывала шерсть Отиса, и сказала:

- По-моему, ты влюбилась.

Никки изумленно посмотрела на нее.

- В этого щенка, - пояснила Кристал.

И Никки вдруг поняла, что так и есть: она влюбилась в Отиса. Разве такое состояние не называлось влюбленностью? Ей хотелось видеть его каждый день. В ее сердце образовалась пустота, когда его отняли у нее, и она прыгала от радости, вновь обретя его. А теперь ей еще сильнее хотелось заботиться о нем. Это точно влюбленность. Так уж вышло, что она не влюбилась в Гровера, самого очевидного кандидата. Она влюбилась в собаку, а не в человека. Но это не имело значения. Она любила. Человека она могла полюбить и позже.

Они вернулись в Филадельфию, и там Никки реализовала идею, которая пришла ей в голову в Йонвуде. С помощью Кристал она продала фотографию сиамских близнецов за триста пятьдесят долларов, добавила свои двадцать пять и отправила деньги Гроверу, вложив их в конверт с запиской: «Примите наши поздравления! Вы выиграли главный приз в тотализаторе «Объединенной продуктовой ассоциации!» Через несколько дней пришла

открытка от Гровера: «Очень красивая трехзубая красно-лиловая крысиная змея скоро будет отправлена вам по почте. Спасибо». К счастью, посылка со змеей так и не пришла.

Как выяснилось, в их городском доме держать собак не разрешалось. Но в тот день, когда Никки вернулась домой, стало ясно, что это запрещение не имеет никакого значения. Причиной стало отцовское письмо. Мать прочитала его и радостно вскрикнула:

- Он говорит, что работа становится постоянной, так что мы можем приехать к нему! Ты никогда не догадаешься, где он!

- Ой, я забыла тебе сказать. Я же знаю, где он. В Калифорнии! - воскликнула Никки.

- Ты права. Но как ты узнала? - удивилась мать.

- Он сам написал в своих открытках, - ответила Никки. - Я просто поняла, что эти постскриптумы не случайны.

- А я ничего в них не углядела. И что они означали?

- Давай открытки, я тебе покажу.

Мать принесла открытки отца, и Никки разложила их на столе.

- Конечно, пришлось подумать. В каждой открытке есть число: «три воробышка», «один пирожок с ореховым маслом», « полночь» - это двенадцать, и «девятый день рождения». Это самый простой код. Папа мне о нем рассказывал. Числа соответствуют буквам английского алфавита: три - это С, один - А, двенадцать - L, девять - I. Получается - Cali*. Этого мне вполне хватило.

- Какая ты умница! - воскликнула мать и прижала Никки к себе. - Калифорния - это прекрасно!

Никки знала, как много значит для ее матери Калифорния. Она там родилась и выросла, в этом штате жило большинство ее родственников. По существу, она возвращалась домой.

На следующей неделе они собирали вещи, и Никки рассказывала матери обо

* Полное название штата на английском языке - California. Других штатов, начинающихся с этих четырех букв, в США нет.

всем, что произошло в Йонвуде: об Отисе и Аманде, о пророчице, о Гровере и его змеях, о трех целях, которые она перед собой поставила.

- И каков результат? - спросила ее мать. - Ты их достигла?

- Нет, - ответила Никки. - Если не считать, что влюбилась в Отиса, не достигла ни одной.

Но в этом девочка ошибалась. Иногда требуется гораздо больше времени, чем ты предполагаешь, чтобы достичь поставленной цели. А иногда, как произошло с Никки, ты достигаешь своей цели, сам того не зная.

Что произошло потом

В Калифорнии они поселились в фермерском доме, построенном у подножия низких зеленых холмов. Его окружали акры земли, по которым Никки любила гулять с Отисом. Зимой иногда выпадал снег, а летом над полями порхали бабочки.

Кристал вернулась в Нью-Джерси. Лен приехал к ней, они поняли, что не могут друг без друга, и решили пожениться. К счастью, Хардести отказались от покупки «Зеленой гавани», и Кристал сняла особняк с продажи и поселилась там вместе с Леном, поставив в комнатах мебель, которая ей нравилась. А потом один за другим у них родились четверо детей — одна

девочка и три мальчика, и в комнате на третьем этаже малыши играли, возились со щенками, смотрели телевизор, прыгали на маленьком батуте. С ними жили два попугайчика и один хомяк. Пять лет подряд Никки каждое лето пересекала страну и проводила месяц в «Зеленой гавани» со своими маленькими братьями и сестрой и этим достигла в определенном смысле своей первой цели.

В то лето, когда Никки исполнилось двенадцать, а Гроверу - пятнадцать, они заглянули в гости к Хойту Маккою, и он показал им вселенную, которая сверкала на стенах в комнатах первого этажа. Потом он пригласил их наверх, где они увидели телескоп и разное астрономическое оборудование.

- Я ищу признаки внеземной жизни, - объяснил он. - Это сложная задача, потому что в нашей вселенной все очень далеко. От ближайшей звезды свет идет к нам пятьдесят лет! Другие вселенные могут быть совсем рядом, ближе, чем этот стул, - рассказывал он, и его глаза сверкали. - Представьте себе трещину в перегородке между

вселенными, которая позволяет заглянуть из нашей в соседнюю. Вы верите, что такое возможно?

Они ответили, что не знают.

- А я знаю, - заявил Маккой. - Но это не значит, что я могу рассказать вам, как это делается. В ту зиму, Николь, когда ты приезжала в Йонвуд, я рассказал об этом важным людям в Вашингтоне, и мой рассказ их поразил.

- В Вашингтоне? - переспросил Гровер.

- Именно. Они были настолько поражены, что в критический момент отказались от своих ужасных планов, решив, что, возможно, изучать мир лучше, чем уничтожить его. Но я и так сказал вам слишком много. Считайте, что вы ничего не слышали.

Ребята засыпали его вопросами, но не получили ни одного ответа.

Потом Никки долго думала: а вдруг именно Хойт Маккой предотвратил войну? Выступления президента жители Соединенных Штатов дождались целую неделю, и все это время в выпусках новостей не было никакой точной информа-

ции. Наконец президент объявил, что соглашение с Фалангой достигнуто и войны не будет. Некоторое время ходили слухи, будто президент получил сообщение с инопланетного звездолета, в котором говорилось, как нужно решать возникшие проблемы. Но доказательств тому представлено не было, так что этим слухам почти никто не поверил. Большинство людей полагало, что войны удалось избежать благодаря Богу, который конечно же был на их стороне.

Бренда Бисон сильно расстроилась, узнав, что слова пророчицы не следовало воспринимать как Божьи приказы. Она не поверила в это и предупреждала людей не терять бдительности и продолжать битву со злом. Хотя война и не началась, говорила она, в лесу по-прежнему таился террорист. Но весной молодой фотограф Энни Эверард поднялась по тропе в горы, чтобы сфотографировать первые лесные цветы, а вернулась со снимком белого медведя. Все облегченно вздохнули и решили, раз уж опасность миновала, следовать указаниям облеченные властью людей, а не тем,

что могли исходить, а могли и не исходить от Бога.

Миссис Бисон такое решение крайне раздосадовало. Она баллотировалась в мэры, но проиграла и решила посвятить себя науке. Оборудовав в доме кабинет, она поставила мощный компьютер с мгновенным доступом в Интернет и самыми современными программами по поиску, обработке и систематизации информации и начала изучение религиозных книг всех времен и народов, стараясь выяснить, что же действительно говорил Бог.

Алтия Тауэр попросила всех более не называть ее пророчицей. Она извинилась за все то, что делалось от ее имени, особенно за историю с собаками, хотя ее вины в этом не было. Во дворе она устроила приют для собак, куда жители Йонвуда могли привести своего любимца, если уезжали на несколько дней. В птичьих кормушках на ее участке и зимой и летом хватало еды. Наблюдение за птицами стало ее любимым занятием. По ночам ей снились кошмары, и окончательно поправить здоровье ей так и не удалось.

В эти годы Гровер лишь изредка появлялся в Йонвуде. После летнего похода за змеями он прожил год у сестры отца в Аризоне, где мог по выходным участвовать в программе «Молодые герпетологи». В семнадцать лет, закончив среднюю школу, он уехал учиться в Таиланд. Опасная, полная приключений, приносящая людям пользу жизнь оправдала его ожидания. Он побывал в болотах Малайзии, в лесах Кашмира, в пустынях Северной Африки, и никто не знал больше его о загадочных существах, обитавших в этих землях.

Много лет спустя Кристал прислала Никки две заметки, вырезанные из газеты «Йонвуд дейли». В одной рассказывалось о Гровере. Как сообщала газета, в Амазонии он впервые нашел и изучил огнедышащего питона. Он обнаружил, что железа в горле змеи вырабатывала вещество, которое представляло собой сильнейшее болеутоляющее средство, и теперь его химический аналог использовали врачи всего мира. Прочитав заметку, Никки улыбнулась, вспомнив свою цель номер три. Когда она впервые ехала в Йонвуд, ей хо-

телось помочь миру. Вот и помогла — с ее помощью Гровер сделал первый шаг к своему открытию.

Во второй заметке сообщалось о смерти Алтии Тауэр. Простуда переросла в пневмонию, и она умерла в возрасте шестидесяти четырех лет. Так что пророчица не дожила до того времени, когда ситуация в мире вновь стала меняться к худшему и создавалась опасность, что ее ужасное видение станет явью.

Как выяснилось, конфликты, которые угрожали уничтожить мир, когда Никки было одиннадцать лет, так и остались ненарешенными. На какое-то время руководители ведущих государств занялись развитием науки, пытаясь понять, какие секреты могут таиться во вселенной. Но время шло, одни правители сменялись другими, и давние противоречия вновь набрали силу.

И уже после того, как Никки выросла, вышла замуж и родила детей, после того как ее дети выросли и уехали из дома, после того как ее муж (с которым она реализовала цель номер два) умер, мир вновь

оказался на краю пропасти. Может, думала Никки, пророчице открылось более далекое, чем полагали жители Йонвуда, будущее? Потому что все шло к всеобщему уничтожению.

По всему миру люди, которые верили в одно, сражались с людьми, верящими в другое, и каждая сторона нисколько не сомневалась, что именно их дело правое, и в этой борьбе могла пойти абсолютно на все. Развязывались войны, появлялись новые страшные болезни, а войска и беженцы разносили их из одной страны в другую. Люди умирали сотнями тысяч. Страх, как стая волков, мчался по планете. Под сомнением было выживание человечества.

И тогда президент Соединенных Штатов подписал указ о начале использования гигантского объекта, в строительстве которого пятьдесят лет назад принимал участие отец Никки. Это был подземный город, обеспеченный всем необходимым и полностью изолированный от поверхности земли. Представители государства связались с тщательно отобранными гражданами и предложили им принять участие

в этой попытке сохранить человечество. Такое предложение получила и Никки, дочь одного из создателей.

Но она долго колебалась, прежде чем принять решение. Она любила этот мир и не хотела спускаться в темное подземелье, где, судя по всему, ей предстояло привести остаток дней. Но именно из-за любви к этому миру она в конце концов и дала согласие. Ей уже было шестьдесят. Она много повидала на своем веку и поэтому посчитала своим долгом приложить все силы к тому, чтобы люди, которые остались бы в подземном мире после нее, продолжали любить большой мир. Кто смог бы оценить красоту, чудеса и величие мира, если бы человечество исчезло? Она вызвалась добровольно уйти под землю. И, отправляя письмо-согласие, вспомнила свою цель номер три: сделать что-нибудь хорошее для мира. Всю свою жизнь она приближалась к ней, пусть и маленькими шагами. А сохранение человечества... Что могло принести миру большую пользу?

К тому же ей было любопытно: каково это - жить в подземном городе?

А когда пришел знаменательный день, она ощущала печаль и радостное волнение. В поезде Никки начала вести дневник. Наконец путешественники добрались до входа в пещеру и вошли в длинный тоннель к реке, по которой только и могли попасть в подземный город. И тут Никки испугалась, что ее поймают за этим занятием (записывать что-либо строго-настрого запрещалось), поэтому завернула дневник в шапочку от дождя из зеленого пластика, перевязала узким поясом, чтобы не развернулся, и спрятала за камнем. Может, подумала она, кто-то найдет ее дневник и он станет письмом в будущее.

Оглавление

<i>Видение</i>	7
<i>Глава 1</i>	
<i>Наследство</i>	11
<i>Глава 2</i>	
<i>Третий этаж</i>	23
<i>Глава 3</i>	
<i>Девушка из стенного шкафа</i>	30
<i>Глава 4</i>	
<i>Кража со взломом</i>	41
<i>Глава 5</i>	
<i>Огненное откровение</i>	50
<i>Глава 6</i>	
<i>Идея миссис Бисон</i>	63
<i>Глава 7</i>	
<i>Короткий путь домой</i>	79
<i>Глава 8</i>	
<i>Трещина в небе</i>	90

<i>Глава 9</i>	
Дом пророчицы	95
<i>Глава 10</i>	
Фотография и дневник	107
<i>Глава 11</i>	
Слабые места	118
<i>Глава 12</i>	
В сарае	128
<i>Глава 13</i>	
Идеальная гостиная	135
<i>Глава 14</i>	
Встреча в подвале	147
<i>Глава 15</i>	
В лесу	160
<i>Глава 16</i>	
Змеиный обед	167
<i>Глава 17</i>	
Дом Хойта Маккоя	178
<i>Глава 18</i>	
Что увидел Гровер?	185
<i>Глава 19</i>	
Синие конверты	198
<i>Глава 20</i>	
Приказы	212

<i>Глава 21</i>	
Готовясь к показу дома	219
<i>Глава 22</i>	
Вселенная в доме	227
<i>Глава 23</i>	
Экстренное собрание	237
<i>Глава 24</i>	
Браслет	244
<i>Глава 25</i>	
Показ дома	253
<i>Глава 26</i>	
Катастрофа	264
<i>Глава 27</i>	
Погоня	274
<i>Глава 28</i>	
Еще один поход в лес	283
<i>Глава 29</i>	
Последний день	296
<i>Глава 30</i>	
Никки и пророчица	302
<i>Глава 31</i>	
Любовь	311
 Что произошло потом	323